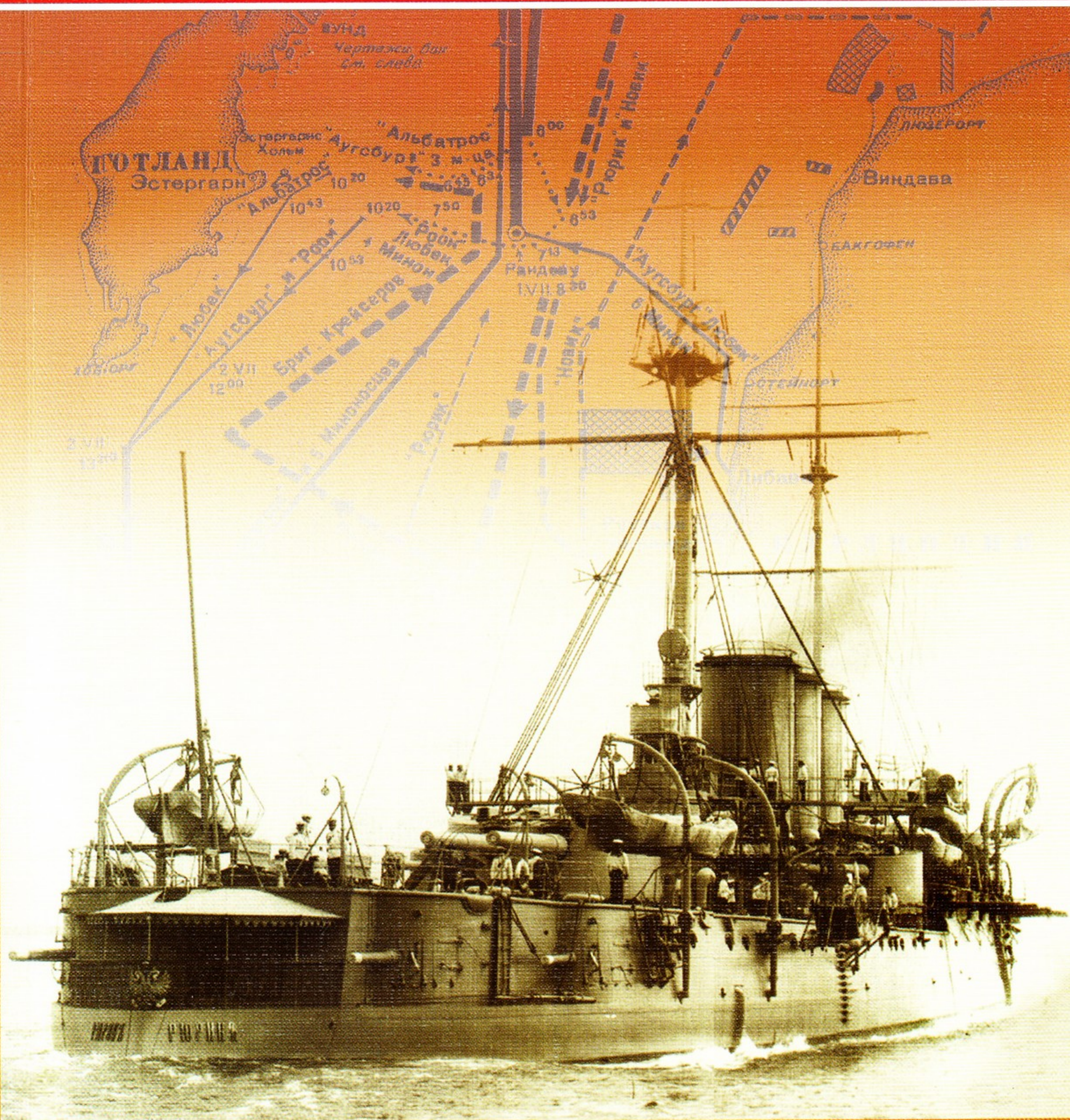

Д.Ю. Козлов

«МЕМЕЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» ФЛОТА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ Июнь 1915 года

Эскадренный миноносец «Новик» (с картины А.В. Ганзена)

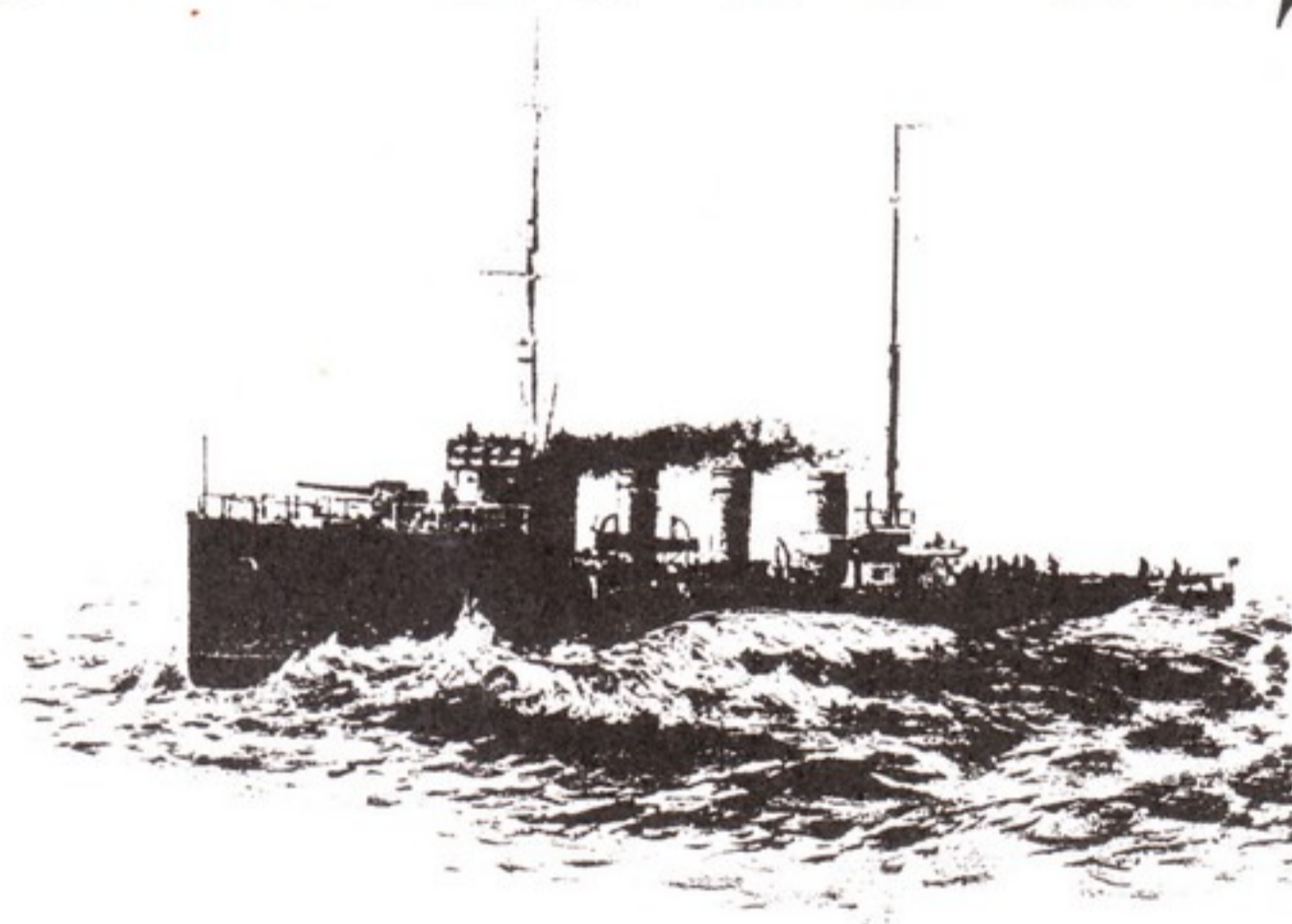
Сражения Великой войны

Д.Ю. Козлов

«МЕМЕЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ»

ФЛОТА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Июнь 1915 года

 ЦЕЙХГАУЗ

Москва • 2007

ДК 355
ББК 39.42
К21

Серия «Сражения Великой войны»

Ответственный редактор
А. Малов

Макет, верстка
А. Гусев

Корректор
Н. Иванова

Руководитель проекта
А. Егоров

Рецензенты:
*доктор военных наук, профессор Б.М. Амусин,
кандидат военных наук В.Г. Кикнадзе*

Д.Ю. Козлов

К21 «Мемельская операция» флота Балтийского моря. Июнь 1915 года — М.: ООО «Издательство «Цейхгауз», 2007. — 48 с.

Настоящее издание продолжает серию книг, посвященных важнейшим операциям Первой мировой войны. В разделе «Сражения Великой войны» вышли книги «Галицийская битва. Август 1914 г.», «Варшавское сражение. Октябрь 1914 г.», «Брусилловский прорыв. 1916 г.», «Крушение германского блицкрига в 1914 г.», «Штурм Карпат. 1915 г.». В настоящее время готовятся к печати книги «Сражение за Рижский залив. Август 1915 г.», «Лодзинская оборонительная операция. Ноябрь 1914 г.» и ряд других.

Данная книга знакомит читателя с Мемельской операцией русского Балтийского флота летом 1915 г., о значении которой и об оценке ее итогов до сих пор не утихают споры историков. В условиях поражений и отступления русских армий в 1915 г. успех Мемельской операции имел, в первую очередь, политическое значение.

Козлов Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, сотрудник Института военной истории Минобороны России, автор более 70 опубликованных научных работ по истории флота и военно-морского искусства.

ISBN 978-5-9771-0032-8

**УДК 355
ББК 39.42**

© Д.Ю. Козлов, 2007
© ООО «Издательство «Цейхгауз», 2007

ООО «Издательство «Цейхгауз».
115533, Москва, а/я 25
Тел.: (495) 776-97-46
E-mail: zeughaus@zeughaus.ru
www.zeughaus.ru

Подписано в печать 18.06.07. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл.печ.л. 6,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1107

Отпечатано в типографии ООО «Карита», г. Москва

Nihil est ab omni parte beatum.
Нет ничего благополучного во всех отношениях.
Гораций, «Оды»

Обстановка на Балтийском морском театре и принятие решения на «набеговую операцию»

В течение первого года Великой войны русский флот Балтийского моря пребывал под плотной опекой со стороны главнокомандующего 6-й армией генерала-от-артиллерии К.П. Фан дер Флита, которому Балтфлот был оперативно подчинен с объявлением мобилизации, и Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Вышестоящее начальство не уставало напоминать балтийскому командованию, что его главной задачей остается недопущение прорыва превосходящих германских морских сил в восточную часть Финского залива для высадки десанта у врат столицы империи, и требовало оградить флот от малейшего риска и сохранить его для решающего сражения на центральной минно-артиллерийской позиции. Впрочем, столь пристальное внимание ставки было инициировано самим командующим флотом адмиралом Н.О. фон Эссенем, который в первые дни войны по собственной инициативе едва не спровоцировал войну с нейтральной Швецией. При этом Верховный главнокомандующий, успевший пресечь эскападу Николая Оттовича буквально в последний момент, счел действия адмирала «вызы-

вающим актом и незаслуженным оскорблением шведов, лояльно относящихся к России».

В октябре 1914 года командующий был лишен права использовать по своему усмотрению основные силы вверенного ему флота (линейные корабли), и все активные действия в средней и южной частях моря вели исключительно крейсера, миноносцы и отчасти подводные лодки. Вполне естественно, что главным условием ввода легких (но при этом не слишком быстроходных) сил Балтфлота в глубину операционной зоны противника являлось отсутствие угрозы со стороны сильнейшего неприятеля. Именно такая ситуация, как казалось, складывалась на Балтийском морском театре в последних числах июня 1915 года. По данным всезнающего ведомства контр-адмирала А.И. Непенина¹ – службы связи Балтий-

Контр-адмирал А.И. Непенин

¹ **Непенин Адриан Иванович** (1871-1917) – вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1892). Участвовал в боевых действиях в Китае (1900-1901) и русско-японской войне (командир миноносцев «Расторопный», затем «Сторожевой»). Командир миноносца «Прозорливый» (1907), начальник 2-го (1908-1909), 8-го (1909) дивизионов миноносцев на Балтике, командир канонерской лодки «Храбрый» (1909-1911). Начальник службы связи Балтийского моря (1911-1916), одновременно (1914-1915) командующий морской обороной приморского фронта Крепости Императора Петра Великого. Командующий Балтийским флотом (1916-1917). Убит матросами в Гельсингфорсе в дни Февральской революции. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. (1905 – «за отличие, оказанное при отражении в ночь с 1 на 2 декабря 1904 г. минной атаки на эскадренный броненосец «Севастополь» и лодку «Отважный»).

«Мемельская операция»

ского моря, – в эти дни все присутствовавшие на Балтике германские морские силы должны были сосредоточиться в Киле для императорского смотра, якобы назначенного на 18 июня (1 июля).

В разведсводке штаба Балтийского флота № 11-12 (с 17 июня по 7 июля) в разделе «Намерения противника», в частности, указывалось: «17-го [июня] стало определенно известно, что все суда, принимавшие участие в Виндавской² операции, утром 16-го вернулись в Либаву... Было веское основание думать, что разведка в ближайшие дни не представится интенсивной. Сопоставляя это основание с агентурным сообщением о готовящемся... императорском смотре флоту в Киле, где уже к 15-му было собрано до сорока судов, можно было допустить, что германцы, совершенно игнорирующие за последнее время наш флот..., пошлют туда все лучшие суда, возложив охрану своего побережья от Данцига до Либавы на сравнительно ничтожные силы».

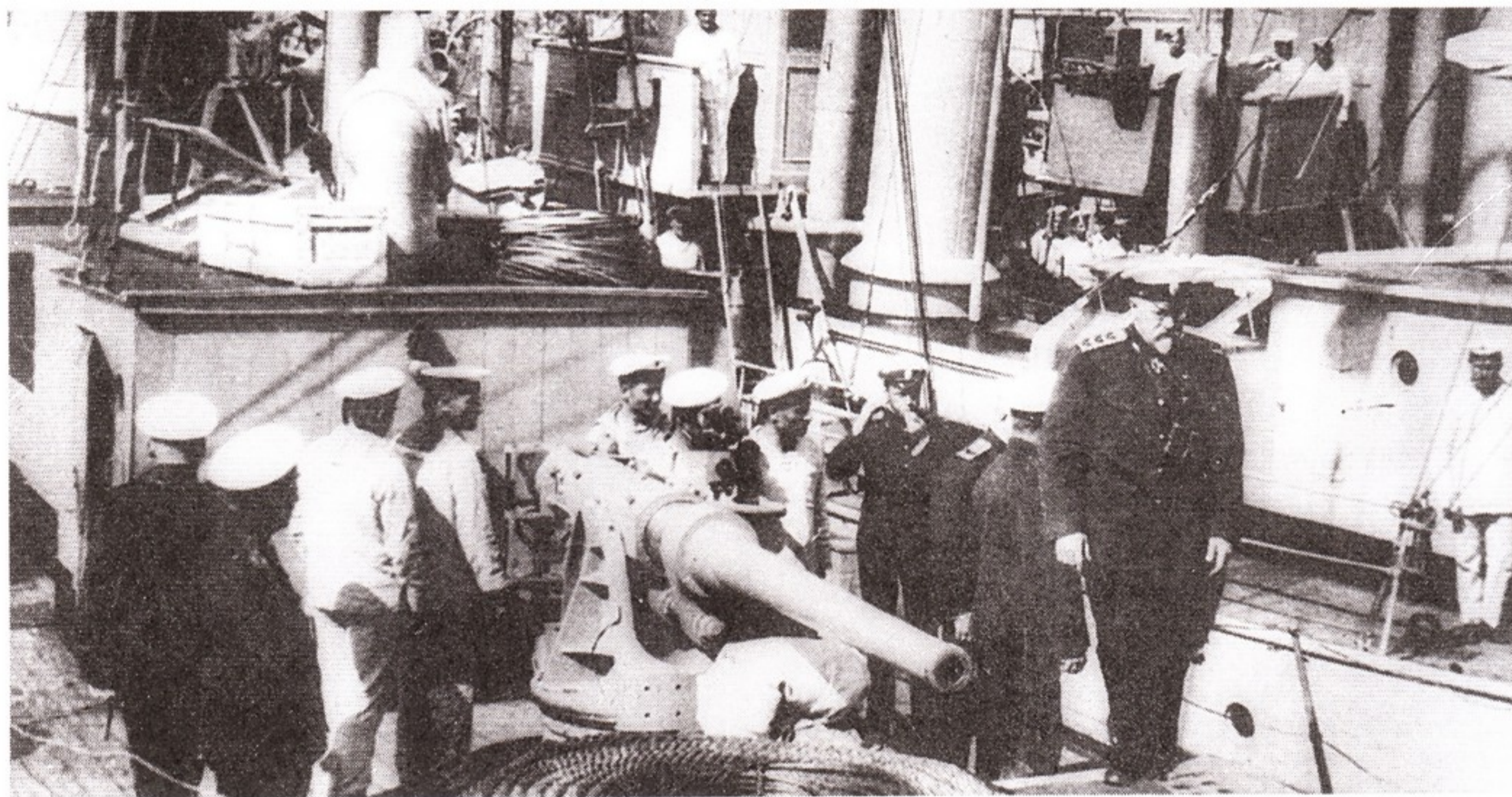
17 (30) июня из перехваченной и расшифрованной неприятельской радиogramмы командование Балтийского флота получило сведения о запланированном немцами возвращении в базы всех боевых кораблей и о замене дозорных мино-

носцев вспомогательными тральщиками – вооруженными рыболовецкими траулерами.

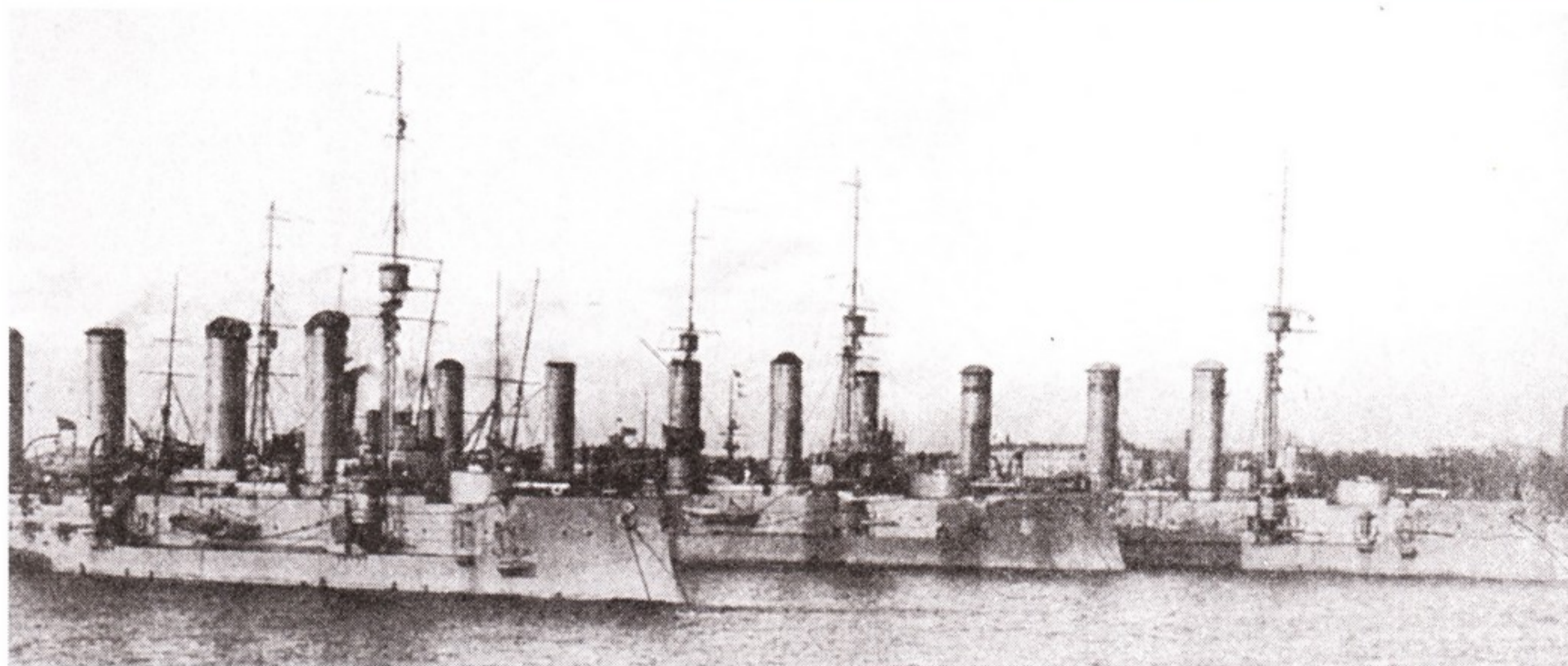
Все эти обстоятельства подвигли старшего флаг-офицера оперативной части штаба командующего Балтфлотом лейтенанта А.А. Саковича и второго (радиотелеграфного) флагманского минного офицера («заведующего разведкой») старшего лейтенанта И.И. Ренгартена к мысли «быстро использовать создавшуюся обстановку с целью нанесения противнику хотя бы морального удара, способного вместе с тем несколько поднять настроение у нас в тылу». Идея инициаторов операции заключалась в «бомбардировке нашими крейсерами с участием «Рюрика» одного из не слишком близко к нам расположенных неприятельских портов», причем в качестве такового порта в первых наметках А.А. Саковича и И.И. Ренгартена фигурировал Кольберг, расположенный на побережье Померании. Проект был доложен флаг-капитану по оперативной части капитану первого ранга А.В. Колчаку, одоббившему идею своих подчиненных, хотя и оставившему открытым вопрос о выборе объекта удара. Замысел операции встретил полную поддержку и со стороны только что назначенного начальника штаба флота контр-адмирала Н.М. Григорова, который, более того, счел ее «требующей немедленного осуществления».

Иное дело командующий флотом. Многоопытный и осторожный В.А. Канин³ посчитал

Командующий флотом Балтийского моря адмирал В.А. Канин на борту тральщика. 1916 г.

² Речь идет о боевых действиях отряда германских кораблей в составе старого броненосца «Беовульф», крейсеров «Любек» и «Аугсбург», трех миноносцев и шести тральщиков под командованием контр-адмирала А. фон Гопмана в районе Виндавы. Утром 15 (28) июня неприятельские корабли неудачно попытались высадить тактический десант у Баггофена, после чего бомбардировали Виндаву. Бомбардировка, впрочем, была основательно «скомкана» вследствие эффективного противодействия со стороны русских эсминцев 5-го и 6-го дивизионов и подводной лодки «Окунь».

столь глубокий рейд тихоходных (по меркам 1915 года) крейсеров, не могущий принести сколь-нибудь существенных оперативных результатов, зато чреватый потерями в немногочисленных крупных кораблях, чрезмерно рискованным, если не сказать авантюрным. Поэтому Василий Александрович сразу внес в проект замысла две весьма важные корректуры: он, по выражению А.А. Саковича, «категорически отказался дать в операцию «Рюрика», и, что гораздо существеннее, заменил Кольберг Мемелем, чем сократил глубину операции приблизительно с 370 до 300 миль. Лишь в результате пятиминутных «уговоров», которые, по свидетельству А.А. Саковича, «временами переходили границы субординации», офицерам оперативной части штаба удалось убедить командующего рискнуть «Рюриком» – лучшим из крейсеров Балтийского флота.

В результате цель операции командованием флота была сформулирована так: «Пользуясь сосредоточением в Киле германского флота перед императорским смотром, совершить внезапное нападение на Мемель и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать ввиду совпадения указанного смотра с активным выступлением нашего флота, считающегося противником совершенно пассивным».

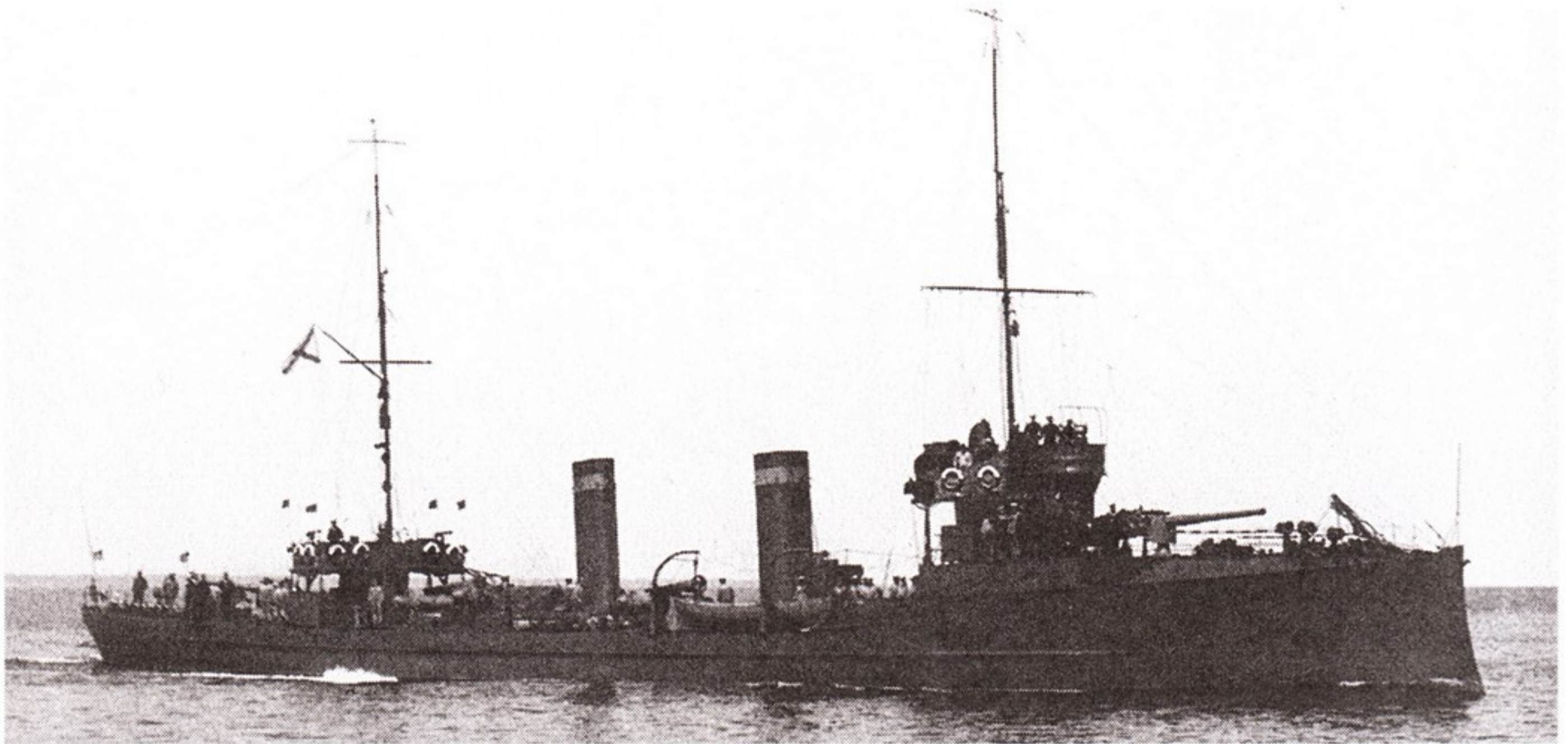
Заметим, кстати, что летом 1915 года необходимость «морального воздействия» на общест-

Крейсера 1-й бригады «Баян», «Адмирал Макаров» и «Паллада». Ревель, 1914 г.

венное мнение в неприятельском стане неоднократно подчеркивалась и в сообщениях зарубежной агентуры. Разведка констатировала усиление в Германии «тревожных» настроений, обусловленных затягиванием войны, которая, вопреки предвоенным германским планам, так и осталась войной на два фронта, недавним выступлением Италии на стороне Антанты, стойкостью русских армий, хотя и начавших свое «великое отступление», но все же избежавших решительного разгрома австро-германскими войсками, наконец, наметившимися проблемами с продовольствием в самом рейхе. Русская агентура полагала, что «этот момент необходимо использовать для действий нашего флота, хотя бы чисто рекламных, дабы показать «немецкой толпе» неверность сведений о том, что Россия больше предпринять ничего не сможет, в частности, русский флот Балтийского моря».

Наряду с этой целью, имевшей если угодно политический характер, у вице-адмирала В.А. Канина и его штаба имелись резоны и сугубо военные. Это, во-первых, использование благоприятной оперативной обстановки для акции наступательного, активного характера, проводимой хотя и ограниченными крейсерско-миноносными силами,

³ Канин Василий Александрович (1862-1927) – адмирал (1916). Окончил Морское училище (1882) и Минный офицерский класс (1891). Начал офицерскую службу на Балтийском море, участвовал в боевых действиях в Китае в 1900-1901 гг. С 1901 по 1911 гг. – на Черном море: флагманский минер Практической эскадры, старший офицер канонерской лодки «Черноморец» и линейного корабля «Георгий Победоносец», заведующий минным арсеналом, командир канлодки «Кубанец», линкора «Синоп». В 1911 году возвращается на Балтику и командует 4-м дивизионом миноносцев, с 1913 года – начальник отряда заградителей. Начальник Минной обороны Балтийского моря (1915), командующий Балтийским флотом (1915-1916). Член Государственного Совета (1916) и Адмиралтейств-совета (1917). Второй помощник морского министра, член Совещания по судостроению (1917). В Гражданскую войну – на стороне белых, командующий Черноморским флотом (1918-1919). С 1920 года – в эмиграции, умер в Марселе. Кавалер Георгиевского оружия (1915 – «в воздаяние доблести, проявленной при выполнении операции большого боевого значения в исключительно тяжелых условиях»).

*Эскадренный миноносец 6-го дивизиона
«Стережущий»*

но могущей нанести ущерб неприятелю и, по выражению немецкого историка, «потревожить германские тыловые сообщения». Во время своего командования флотом (с мая 1915 года по сентябрь 1916 года) В.А. Канин, хотя и сосредоточил свое основное внимание на расширении и совершенствовании системы позиционной обороны, все же при каждом удобном случае продолжал традиции активных действий относительно слабого Балтфлота, заложенные адмиралом Н.О. фон Эссеном. Более того, Василий Александрович сумел сделать то, что не удалось его предшественнику, – добиться у главкома 6-й армии и ставки Верховного главнокомандующего разрешения использовать по своему усмотрению сначала один, затем полубригаду (две единицы) линкоров-дредноутов типа «Севастополь». Впоследствии – в преддверии кампании 1916 года – ограничения в части использования линейных сил, наложенные верховным вождем и ставкой на Н.О. фон Эссена в первые месяцы войны, были сняты вовсе.

Во-вторых, по наблюдениям С.Н. Тимирева, бывшего в 1915 году флаг-капитаном по распоря-

дительной части штаба командующего флотом, крупная «диверсия» в тылу немцев способствовала «отвлечению их внимания и сил от Рижского залива, что дало бы возможность выиграть время для завершения оборонительных работ при входе в залив». Не исключено, что имеет под собой основания и мнение германского историка Г. Ролльмана, согласно которому В.А. Канин, лишь месяц назад вступивший в должность командующего флотом после скоропостижной смерти Н.О. фон Эссена, намеревался «видимым успехом поднять свой авторитет в глазах офицеров и команд».

Для выполнения операции был сформирован Отряд особого назначения под командованием начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала М.К. Бахирева¹. Собственно бомбардировку Мемеля должны были провести броненосный крейсер «Рюрик», крейсера «Олег» и «Богатырь», эсминцы 6-го дивизиона капитана первого ранга Н.И. Паттона («Казанец», «Туркменец-Ставропольский», «Страшный», «Стережущий», «Забайкалец», «Украина» и «Войсковой») и эскадренный миноносец «Новик». Оперативное прикрытие ударной группы возлагалось на линейные корабли «Слава» и «Цесаревич», крейсера «Баян» и «Адмирал Макаров», дивизион ми-

¹ **Бахирев Михаил Коронатович** (1868-1919) – вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1888). Участник боевых действий в Китае (1900-1901). В русско-японскую войну – в Порт-Артуре: командир миноносца «Смелый», затем отряда миноносцев. Командовал флотилией рек Амурского бассейна (1906), минным крейсером «Абрек» (1907), миноносцем «Ретивый» (1907-1908), эсминцем «Амурец» (1908-1910), пятым дивизионом миноносцев Балтийского моря (1910-1911). Мировую войну встретил в должности командира броненосного крейсера «Рюрик» (1911-1914), затем командовал 1-й бригадой крейсеров (1914-1915), 1-й бригадой линейных кораблей (1915-1917). Будучи начальником Минной обороны, командовал морскими силами Рижского залива в Моонзундском сражении (1917). С января 1918 г. в отставке. Работал в Военно-морской комиссии по исследованию и опыту войны 1914-1918 гг. на море («Мориском»). Дважды арестовывался ВЧК, второй раз – за подготовку восстания в Петрограде и за связи с Северо-западной армией генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Расстрелян в Петрограде. Кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (1900, «в воздаяние отличных подвигов храбрости, оказанных при занятии фортов в Таку») и золотого оружия «За храбрость» (1905, «в воздаяние отличных подвигов храбрости и самоотвержения, оказанных в делах против неприятеля под Порт-Артуром»).

ноносцев второго ранга и «способные к выходу» подводные лодки. Последние предполагалось развернуть на маршрутах развертывания неприятельских морских сил на случай выхода последних в море.

Весьма существенно, что к проведению этой операции впервые с начала мировой войны были привлечены линейные корабли – разрешения на вывод двух линкоров-додредноутов из Финского залива Н.О. фон Эссен успел добиться у ставки в феврале 1915 года. Вообще, «набег на Мемель» впервые в истории отечественного военно-морского искусства планировался и проводился как полноценная морская операция группировки разнородных сил флота на обширном пространстве театра с основательным разведывательным обеспечением.

Планом операции, разработанным оперативной частью штаба флота во главе с капитаном первого ранга А.В. Колчаком и его помощником капитаном второго ранга князем М.Б. Черкасским, выход кораблей из пунктов базирования (от Ирбенского пролива до рейдов Люм и Пипшер в финляндских шхерах) предусматривался 17 и 18 июня (30 июня и 1 июля), бомбардировка Мемеля намечалась на раннее утро 19 июня (2 июля). В этой связи всем кораблям Отряда особого назначения предписывалось 18 июня (1 июля) около 5.00 соединиться у банки Винкова, затем по большим глубинам идти вдоль восточного берега острова Готланд. Курсы и скорости хода на участке от Готланда до объекта бомбардировки пути начальнику отряда предлагалось выбирать по своему усмотрению, с расчетом к рассвету 19 июня (2 июля) скрытно приблизиться к Мемелю, обстрел которого мыслился в виде короткого огневого налета. По окончании бомбардировки крейсерам следовало отходить в Эре, причем

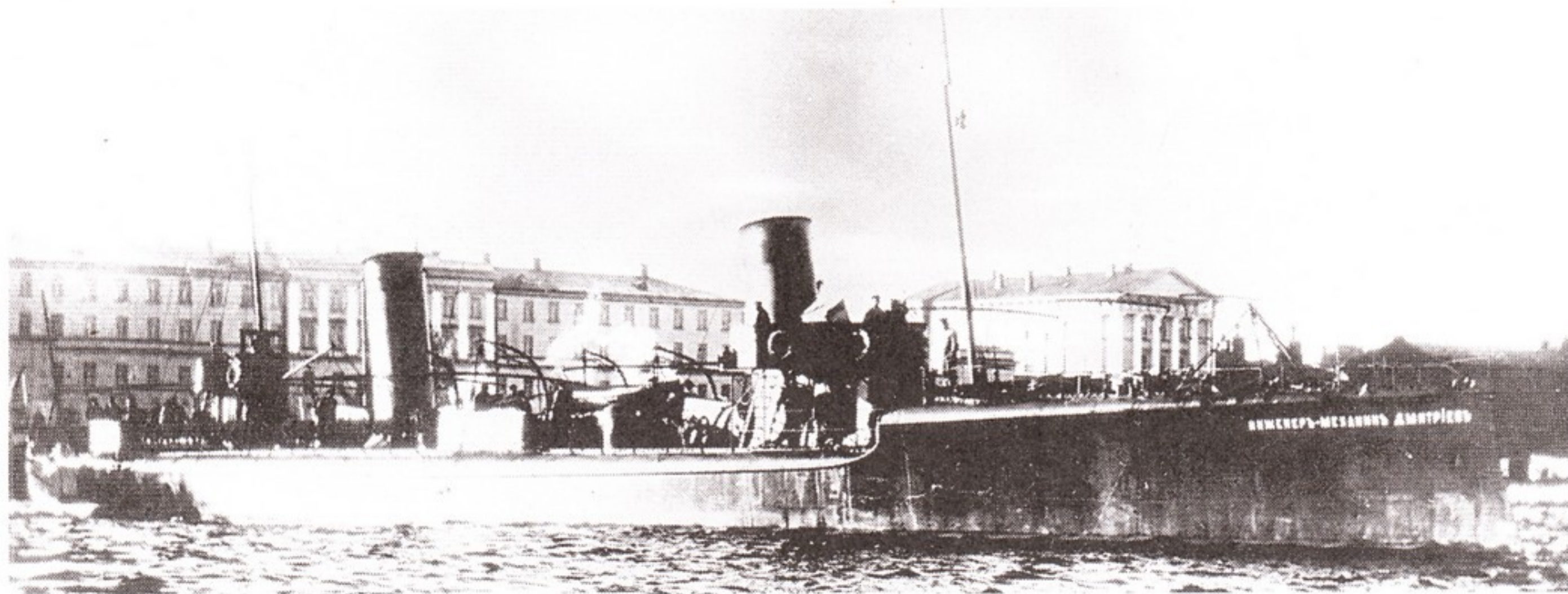
«Рюрику» надлежало отделиться от бригады у банки Винкова и самостоятельно следовать в Ревель.

Правда, за несколько часов до начала операции время бомбардировки Мемеля было изменено. По настоянию капитана первого ранга А.В. Колчака начальнику отряда было предписано обстрелять неприятельский порт не утром 19 июня (2 июля), а вечером 18-го, так как в этом случае «отряд, не рискуя судами, вполне благополучно смог бы уйти на Н, не будучи застигнутым противником, что не могло бы иметь место, если бы отряд подходил к Мемелю утром».

Кстати, корректуры первоначального плана, утвержденные командующим флотом буквально перед выходом Отряда особого назначения в море, касались и распределения кораблей между тактическими группами: отряд М.К. Бахирева был усилен крейсерами «Баян» и «Адмирал Макаров», изъятыми из состава сил прикрытия. Таким образом, в состав отряда в конце концов вошли все пять крейсеров 1-й бригады, эсминец «Новик» и 6-й дивизион эскадренных миноносцев.

Подвергся изменениям и состав группировки задействованных в операции подводных лодок. По первоначальному плану штаба Балтийского флота, всем исправным лодкам, базирующимся на Ревель и Моонзунд, следовало развернуться к Стейнорту и в район Либавы и оставаться там в течение 18 и 19 июня (1 и 2 июля). Но накануне выхода Отряда особого назначения в море план был откорректирован и в этой части, и командующий под брейд-вымпелом подводной дивизией капитан первого ранга Н.Л. Подгурский получил

*Эскадренный миноносец 7-го дивизиона
«Инженер-механик Дмитриев»*

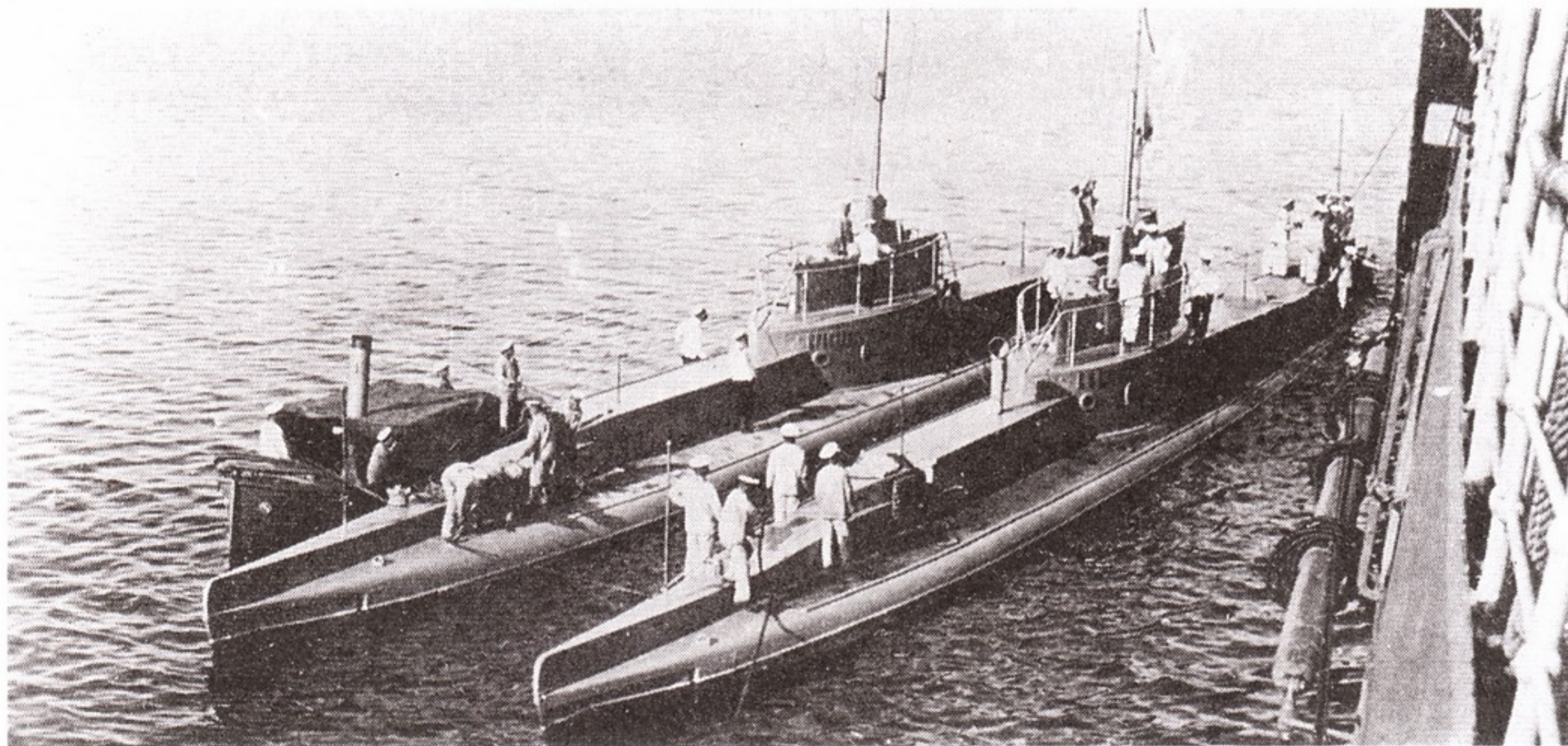
*М.К. Бахирев
(на фото – в чине капитана второго ранга)*

приказ комфлота к 18 июня (1 июля) выслать две русские субмарины к южной и северной оконечностям острова Эланд и одну английскую – к Либаве. Срок пребывания на позициях увеличился до шести-восьми суток. Однако из-за технической неготовности «Акулы» и «Миноги» диспозицию пришлось изменить в третий раз. В результате в район к западу от Люзерорта выдвинулась «Макрель» (лейтенант Д.С. Карабурджи), «Окунь» (лейтенант В.А. Меркушов) направился к Стейнорту, а уже находящаяся там британская субма-

*Подводные лодки «Крокодил» и «Кайман»
у борта плавбазы*

рина «Е9» (командер М. Хортон) получила распоряжение спуститься к Риксхефту – в район фарватера, которым пользовались германские корабли при выходе из устья Вислы. Кроме того, накануне выхода отряда контр-адмирала М.К. Бахирева в море подводные лодки «Аллигатор» (капитан второго ранга Р.К. Вальронд), «Крокодил» (лейтенант К.К. Станюкович) и «Кайман» (старший лейтенант И.В. Мессер) развернулись на позиции в устье Финского залива.

Любопытно, что наряду с оперативным прикрытием ударной группы замыслом операции предусматривались и демонстративные действия. Для этого в оперативное построение корабельной группировки, создаваемой для проведения «набега на Мемель», предполагалось включить дополнительный самостоятельный элемент. Один из дивизионов миноносцев второго ранга (по усмотрению командующего под брейд-вымпелом минной дивизией капитана первого ранга П.Л. Трухачева) должен был 19 июня (2 июля) к 10.00 выйти к Виндаве и маневрировать там в течение всего дня, всеми мерами привлекая к себе внимание противника и тем самым отвлекая его от отряда контр-адмирала М.К. Бахирева; то же следовало проделать и на следующий день. Впрочем, в соответствии с окончательным вариантом плана этот дивизион (выбор П.Л. Трухачева пал на 7-й дивизион капитана первого ранга Г.О. Гадда) был назначен для непосредственного охранения крейсеров 1-й бригады на этапе оперативного развертывания ударной группы.

*Офицеры и команда крейсера
«Адмирал Макаров». 1913 г.*

При обнаружении неприятеля на переходе к объекту удара, если «отряд окажется выгодном положении», крейсерам предписывалось «вступить в решительный бой». «Если же объект нападения будет ничтожен, — указывалось далее, — или если по ходу боя выяснится, что ослабленный противник может быть уничтожен частью наших сил, то, оставив для этой цели часть судов, остальные продолжают неизменно выполнение намеченной операции...»

По наблюдению М.А. Петрова, последний пункт не вполне корреспондировался с «принципом осторожности», положенным в основу замысла операции. Очевидно, что обнаружение кораблей Отряда особого назначения давало немцам возможность сосредоточить превосходящие силы для перехвата или преследования русских крейсеров. «Стоит ли этот риск цели, причем такой мало осязаемой, как «моральное воздействие»? Эти сомнения должны были найти себе отражение в мыслях и поступках командиров при выполнении операции», — замечает Михаил Александрович.

Использование радиотелеграфа в ходе операции регламентировалось специальной инструкцией по связи, разработанной старшим лейтенан-

том И.И. Ренгартеном. «С момента выхода в море, — говорилось в документе, — как правило, всякое радиосообщение должно быть прекращено... Зато прием радио должен вестись тщательно». При боевом соприкосновении с противником ре-

И.И. Ренгартен. 1904 г.

комендовалось «мешать телеграфировать». Для обеспечения скрытности радиообмена с полуночи 18 июня (1 июля) вводились в действие новые «Радиосвод – 1915 г.» и карта квадратов моря.

Весьма значительное внимание уделялось сохранению в тайне замысла и сроков проведения операции. Боевое распоряжение («предписание») командующего флотом № 478/оп. контр-адмирал М.К. Бахирев получил 17 (30) июня, когда корабли Отряда особого назначения начали непосредственную подготовку к выходу в море. Кроме начальника бригады, цель приготовлений была известна лишь наиболее доверенным лицам его штаба – флагманскому штурману старшему лейтенанту Н.Н. Крылову и подпоручику по адмиралтейству Е.И. Максимову. «Добро» на выход и окончательные уточнения плана операции вице-адмирал В.А. Канин передал через специально посланных на соединения офицеров своего штаба: на флагманский крейсер контр-адмирала М.К. Бахирева «Адмирал Макаров» в распоряжение начальника отряда прибыл капитан второго ранга князь М.Б. Черкасский, а на минную дивизию, находившуюся в Моонзунде, – старший лейтенант И.И. Ренгартен, лейтенанты Е.В. Винтер

и А.А. Сакович. Последний после инструктажа у капитана первого ранга П.Л. Трухачева отправился на эсминец «Казанец» – флагманский корабль назначенного в операцию 6-го дивизиона. И.И. Ренгартен убыл в Кильконд на острове Эзель, где был установлен и с сентября 1914 года успешно функционировал разведывательный радиопеленгатор, конструкция которого была разработана самим Иваном Ивановичем.

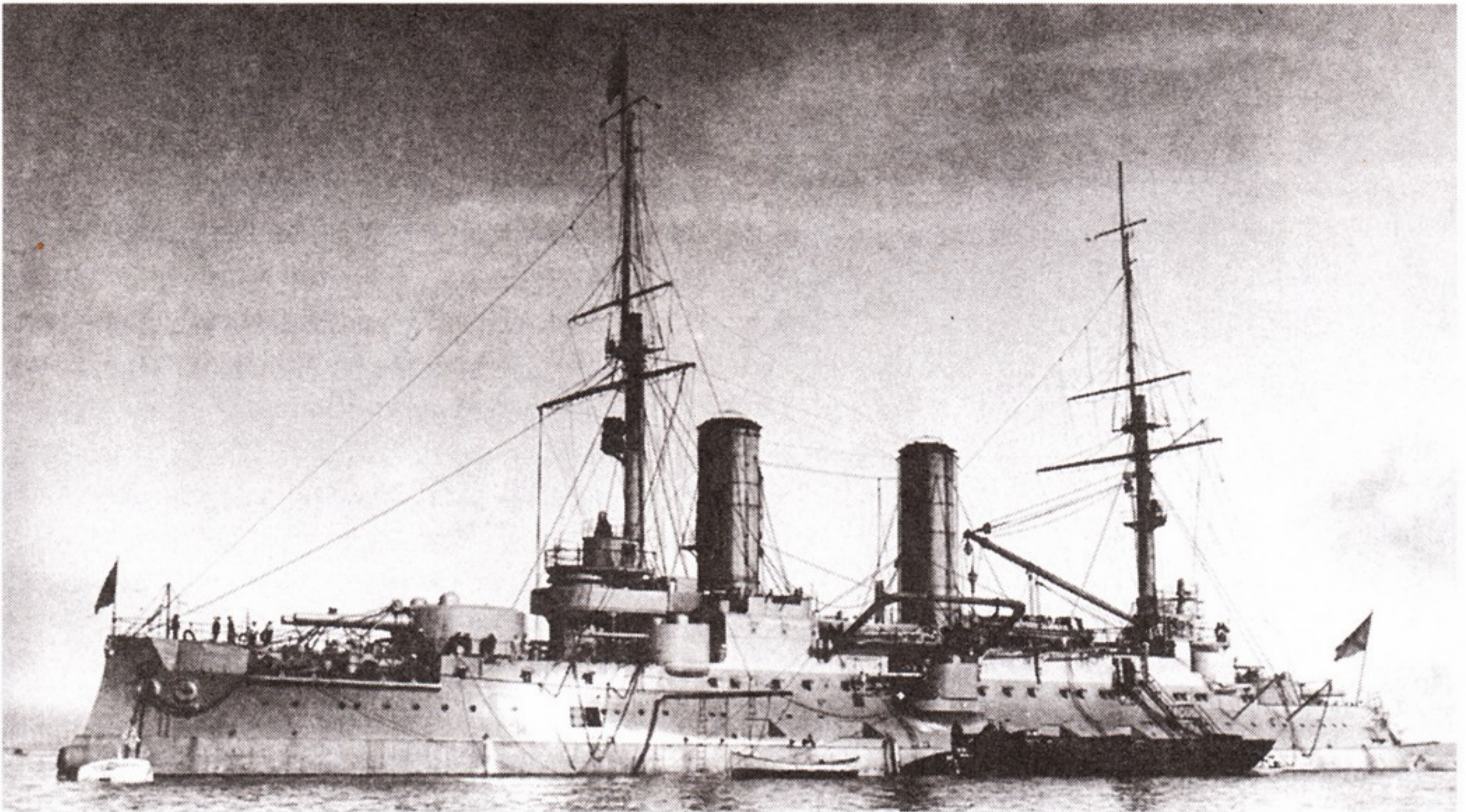
Цель – Мемель

По состоянию на 17 (30) июня дислокация назначенных в операцию сил выглядела следующим образом. Линейные корабли «Слава» (капитан первого ранга С.С. Вяземский) и «Цесаревич» (капитан первого ранга К.А. Чеглоков), а также крейсера 1-й бригады контр-адмирала М.К. Бахирева «Адмирал Макаров», «Баян», «Богатырь» и «Олег» находились в Або-Аландских шхерах – в Люме у острова Корпе; «Рюрик» – в Ревеле, а «Новик» и 6-й дивизион эскадренных миноносцев – в Моонзунде.

Все корабли, с середины апреля базировавшиеся на Або-Аландский район, находились в постоянной готовности к выходу в море, поэтому непосредственная подготовка крейсеров к операции заключалась лишь том, что они приняли незначительное количество угля, доведя запас топлива до полных норм. Бункеровка была завершена 17

Мины на палубе крейсера «Адмирал Макаров». 1914 год

(30) июня к 17.20, когда от борта «Баяна», грузившего уголь последним, отвалил транспорт «Глаголь». Бригада немедленно снялась с якоря и направилась через Утэ на рейд Пипшер, где была к половине десятого вечера.

В тот же день начальник Отряда особого назначения с миноносцем «Видный» отправил стоявшим в Утэ подводным лодкам 3-го дивизиона («Аллигатору», «Крокодилу» и «Кайману») приказ выйти в назначенные позиции перед Финским заливом, а оставшимся в Люме «Славе» и «Цесаревичу» – 18 июня (1 июля) перейти в Эре и пребывать там в готовности к немедленному выходу на соединение с бригадой крейсеров. Остальные подводные лодки и миноносцы начали развертывание в районы боевого предназначения на основании распоряжений, отданных непосредственно командующим флотом.

18 июня (1 июля) в 2.00 контр-адмирал М.К. Бахирев с крейсерами «Адмирал Макаров» (флаг начальника бригады, командир – капитан первого ранга П.М. Плен), «Баян» (капитан первого ранга А.К. Вейс), «Богатырь» (капитан первого ранга Д.Н. Вердеревский) и «Олег» (капитан первого ранга А.М. Веселаго) в охранении эскадренных миноносцев 7-го дивизиона капитана первого ранга Г.О. Гада «Боевой» (старший лейтенант Б.Н. Рыбкин), «Выносливый» (старший лейтенант Н.А. Пини) и «Бурный» (капитан второго ранга Н.В. Третьяков) снялся с якоря на рейде Пипшер и 15,5-узловым ходом двинулся к банке Винкова. Туда же проложил курс броненосный

Линейный корабль «Цесаревич», включенный командующим флотом в состав сил оперативного прикрытия

крейсер «Рюрик» (капитан первого ранга А.М. Пышнов), который накануне в 20.45 вышел из Ревеля в сопровождении второй группы 7-го дивизиона – миноносцев «Внимательный» (капитан второго ранга Н.Н. Азарьев), «Инженер-механик Зверев» (капитан второго ранга Т.Л. Фон-дер-Рааб Тилен) и «Инженер-механик Дмитриев» (капитан второго ранга П.О. Шишко). В 5.00 группа «Рюрика» присоединилась к Отряду особого назначения, и броненосный крейсер вступил в кильватер «Олегу». 7-й дивизион был отпущен контр-адмиралом М.К. Бахиревым в базу.

Тем временем ухудшившаяся погода начала вносить в план операции свои корректуры. Эсминцы 6-го дивизиона (на одном из них, напомним, находился автор «идеи» операции лейтенант А.А. Сакович) и «Новик», вышедшие из Моонзунда 18 июня (1 июля) в 1.00, уже через три часа были задержаны туманом, который заставил миноносцы стать на якорь у острова Вормс. В результате эсминцы прибыли к банке Винкова – в точку randevу с крейсерами – с более чем трехчасовым опозданием, после чего по указанию М.К. Бахирева двинулись к Дагерорту; при этом 22-узловые «добровольцы» 6-го дивизиона едва поспевали за быстроходным «Новиком».

На мостике «Баяна». Крайний слева – командир крейсера капитан первого ранга А.К. Вейс

Около 6.00 в полосу тумана вошли и крейсера контр-адмирала М.К. Бахирева. Полагая, что эсминцы каперанга Н.И. Паттона уже не смогут догнать бригаду крейсеров, Михаил Коронатович приказал 6-му дивизиону возвращаться восвояси, а «Новику» – самостоятельно действовать по плану. «Новик» под командой капитана второго ранга М.А. Беренса, запросивший по радио координаты, курс и скорость крейсеров, к часу пополудни вышел на Отряд особого назначения и вступил под флаг контр-адмирала М.К. Бахирева, заняв место в хвосте бригадной колонны, в кильватер «Рюрику».

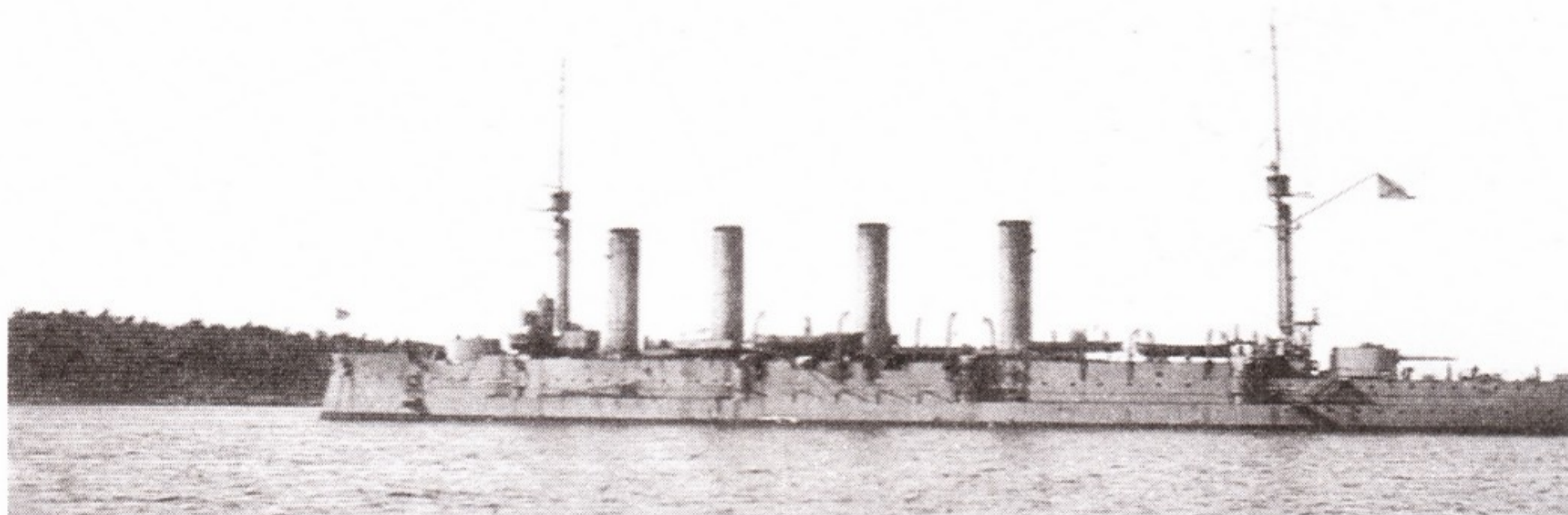
Тем временем туман продолжал сгущаться, и к 18.00 русские корабли вошли в зону с почти

нулевой видимостью. Не прошло и четверти часа, как во время поворота на курс, ведущий к Мемелю (133 градуса), концевые корабли колонны «Рюрик» и «Новик», до недавнего времени не входившие ни в одно из штатных соединений и поэтому мало привычные к совместному плаванью⁵, оторвались от бригады. Кстати, в тот день нечто подобное случалось и с остальными крейсерами, но «коренные корабли бригады» (выражение П.В. Лемишевского) в конце концов все же отыскивали друг друга по едва заметной кильватерной струе. Несмотря на то, что шедшие впереди корабли включили кильватерные огни и выбросили за борт специальные трещотки, «Рюрик» и «Новик» так и не смогли соединиться с бригадой, и в дальнейшем А.М. Пышнов и М.А. Беренс действовали самостоятельно.

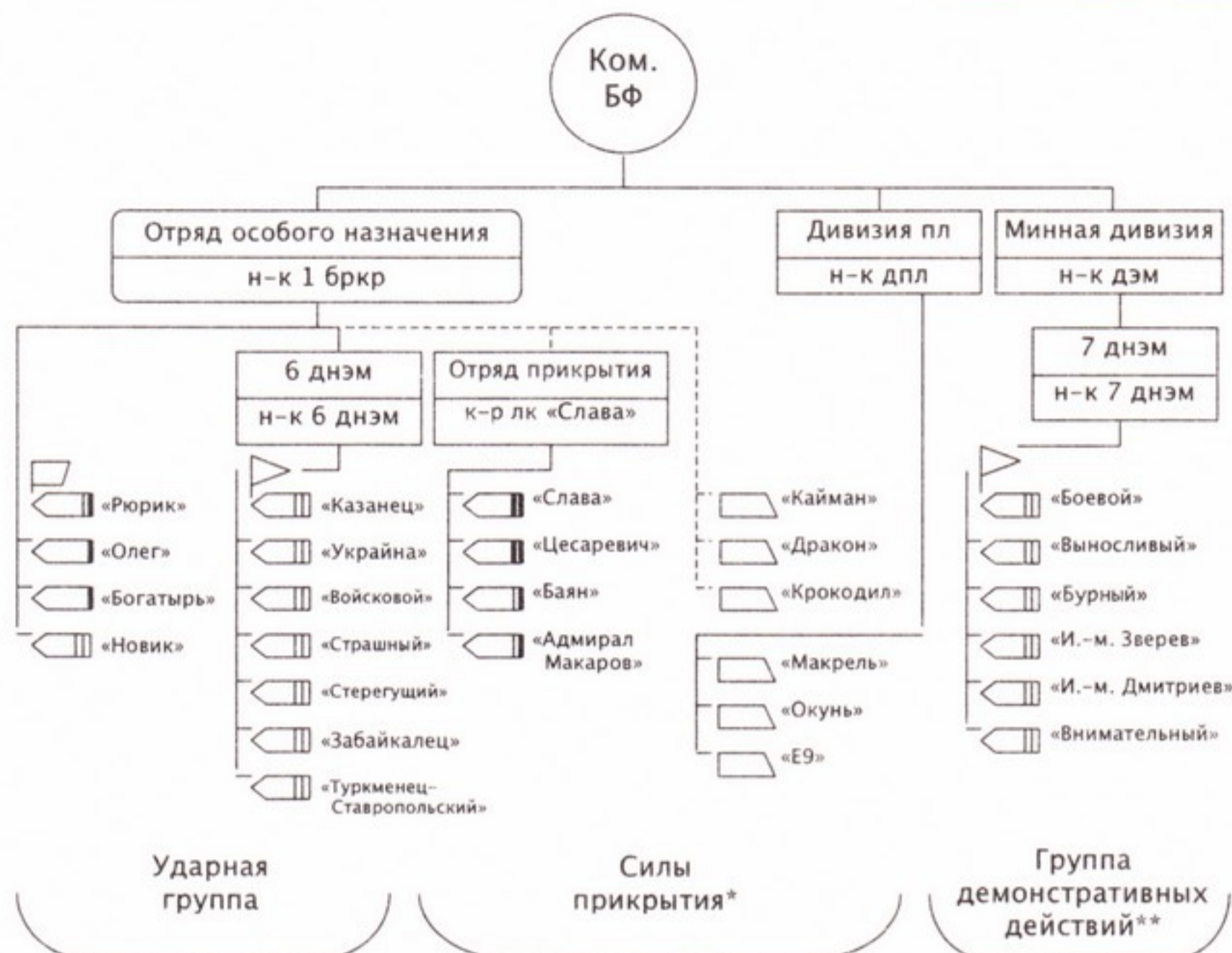
Потеряв в тумане свой сильнейший корабль и не имея возможности произвести надежную обсервацию (корабли шли по счислению с 2.00), контр-адмирал М.К. Бахирев счел попытку приближения к берегу чрезмерно рискованной и отложил обстрел Мемеля на утро 19 июня (2 июля). В 19.00 бригада повернула в сторону Готланда, где начальник отряда надеялся определить место. Действительно, на подходах к побережью шведского острова туман понемногу рассеялся, и русские смогли определиться по маяку Фальбудден в южной части Готланда.

Контр-адмирал М.К. Бахирев решил вторично попытаться вывести крейсера к Мемелю и в 23.35 вновь лег на курс 133 градуса. Однако корабли – в который уже раз – попали в полосу густого тумана и, что гораздо важнее, получили информа-

Крейсер «Баян» в годы Первой мировой войны

⁵ В кампанию 1914 года «Рюрик» являлся флагманским кораблем адмирала Н.О. фон Эссена, а «Новик» состоял при бригаде крейсеров, но действовал, как правило, совместно с кораблями 1-й минной дивизии.

* В окончательном варианте решения командующего флотом крейсера «Адмирал Макаров» и «Баян» были включены в состав Отряда особого назначения.

** Со снятием задачи демонстративных действий 7-й дивизион вошел в состав сил охраны кораблей ударной группы.

цию, в корне изменившую планы адмирала. Старший лейтенант И.И. Ренгартен⁶ и его подчиненные запеленговали германские корабли, находящиеся в средней Балтике, на пути возвращения Отряда особого назначения в базу...

* * *

Вот как описал филигранную боевую работу И.И. Ренгартена и его подчиненных капитан второго ранга К.Г. Люби:

«Полночь. Начата новая страница радиожурнала. Вверху четко выведено «пятница, 19 июня с полуночи». Дальше пусто, чистые голубоватые линии строк, ожидающие записей. Сейчас нет еще ничего примечательного. В ушах безмолвные длинные и короткие потрескивания, черточки, точки, вызывающие различные эмоции у слушающих на Кильконде. Тон настройки, скорость передачи, сила звука – все имеет значение, все так знакомо среди незнакомых звуков «чужих», то есть шведских, станций. Так как неприятельские, германские – это своего рода «свои знакомые».

Вдруг неожиданно все разом склонились над столом, словно по команде. Один стал быстро-быстро записывать цифры на бумаге, другой –

Схема боевой организации сил в Мемельской операции

вращать какие-то круглые блестяще-черные рукоятки, третий – двигать вверх и вниз по шкале какой-то указатель.

– Так, так, – твердит вполголоса Ренгартен, – в тылу голубчики оказались. Недурно. Послушали ваш голосок, а теперь почитаем, что вы там пишете.

И, быстро перебирая скопированное издание германского кода⁷, наш доблестный радиотелеграфный офицер стал расшифровывать радиодонесение коммодора Карфа. На листе бумаги появились буквы, слоги, фразы.

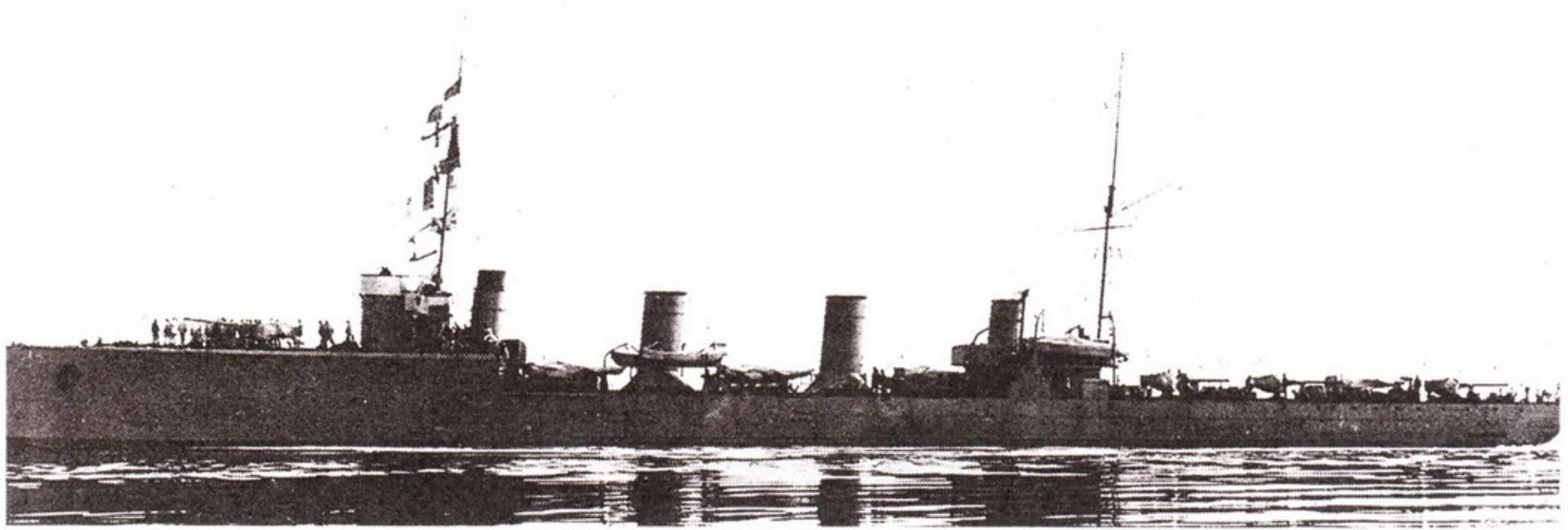
– А теперь дайте-ка мне наш шифр; надо телеграфировать начальнику первой бригады крейсеров. Его это заинтересует. Будет потирать руки Коронатович».

* * *

Итак, агентурные разведывательные данные штаба русского Балтийского флота относительно сосредоточения в Киле всех имеемых на театре

⁶ Ренгартен Иван Иванович (1883-1920) – капитан первого ранга за отличие (1917). Окончил Морской кадетский корпус (1904). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Преподаватель Минного офицерского класса (1911-1912). С 1912 г. – второй флагманский минный офицер штаба командующего морскими силами (с 1914 г. – флотом) Балтийского моря. Помощник флаг-капитана по оперативной части и начальник разведывательного отделения, затем флаг-капитан по оперативной части (1917). С 1918 г. в отставке. Преподаватель Морской академии, редактор оперативного отдела Морской исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг. на море (1918-1920). Скончался от тифа.

⁷ Речь, по-видимому, идет о германском шифре «альфа-гамма», раскрытом сотрудниками радиостанции особого назначения на мысе Шпитгамн и специалистами Морского генерального штаба в марте 1915 года. Вместе с документами, попавшими в руки российского командования после катастрофы крейсера «Магдебург» у острова Оденсхольм в августе 1914 года («Сигнальная книга германского флота» («Signalbuch der Kaiserlichen Marine»), секретная карта квадратов моря («Quadratkarte») и др.), этот код позволил балтийским радиоразведчикам читать шифропереписку неприятельского флота.

Эскадренный миноносец «Новик»

неприятельских морских сил оказались недостоверными. В «поле зрения» установленного в Кильконде разведывательного радиопеленгатора попали неприятельские корабли «второго флагмана разведывательных сил Балтийского моря» коммодора Иоханнеса Карфа. Немецкие корабли возвращались в базу после минной постановки, которой завершалась «июньская программа» минно-заградительных действий германского флота в северной части Балтики.

Для постановки заграждения в районе маяка Богшер – выполнения «задачи VII», как она именовалась в германских оперативных документах, – вечером 17 (30) июня из Нойфарвассера в устье Вислы вышли броненосный крейсер «Роон» и минный заградитель (по германской классификации – минный крейсер) «Альбатрос» в сопровождении пяти эскадренных миноносцев. На следующее утро из занятой немцами Либавы вышел сам И. Карф с малыми крейсерами «Аугсбург» (брейд-вымпел «второго флагмана») и «Любек» и двумя эсминцами.

Рандеву германских корабельных отрядов было назначено в половине десятого утра 18 июня (1 июля) к северо-западу от Стейнорта (как раз около этого времени отсюда ушла на юг английская подводная лодка «Е9»), однако при приближении к месту встречи немцы вошли в полосы тумана. Сигналы прожекторами и сиренами, рассылка на поиски миноносцев и обмен координатами по радио оказались тщетными, и после часа блужданий во мгле коммодор И. Карф принял решение продолжать переход отдельно и назначил новое рандеву на широте острова Фарэ у северной оконечности Готланда.

Около полудня в густом тумане германские корабли разошлись правыми бортами на дистанции не более 10-12 миль с крейсерами контр-адмирала М.К. Бахирева, которые следовали почти в противоположном направлении – курсом 188 градусов. И российские, и германские корабли еще раньше обнаружили себя радиообменом (особенно интенсивным со стороны немцев), но перехват сообщений, отправленных корабельными станциями «беспроволочного телеграфа», не позволил командирам обоих корабельных отрядов правильно оценить обстановку и понять, что противники оказались, по существу, в тылу друг у друга.

Вот как оценивает перспективы боевого сопркосновения противников, которое становилось все более вероятным, профессор В.Ю. Грибовский: «Контр-адмирал Бахирев имел значительное общее превосходство в силах над коммодором Карфом. Сильнейший корабль последнего – «Роон» – при хорошем вооружении был слабо бронирован (бортовая броня толщиной всего 100 мм) и по мощности защиты уступал «Рюрику» со 152-мм бронированием и тем более «Адмиралу Макарову» и «Баяну», имевшим 175-мм броню. «Рюрик» же теоретически своей артиллерией был опасен для всей германской эскадры. Правда, в тумане преимущество российских кораблей значительно снижалось, а сами крейсера Бахирева могли при внезапной встрече стать легкой добычей семи германских эсминцев. Туман во многом снижал и боевые качества единственных вполне современных кораблей обеих сторон – «Аугсбурга» и «Новика».

В районе назначенного И. Карфом нового места встречи туман оказался значительно реже, и там германские корабли, наконец, соединились (при этом невязка «Роона» составила несколько миль к югу) и пошли к острову Готска-Санде для обсервации. Около 19.00 неприятельские силы разделились: «Альбатрос» и «Аугсбург» продол-

жили движение на север – в район минной постановки, по пути уклонившись от мнимого перископа подводной лодки. А остальные корабли отряда склонились к востоку с задачей прикрытия группы «Альбатроса»: крейсеру «Любек», поддерживаемому «Рооном», поручалось наблюдение за 30-мильной линией между германскими заграждениями «А» и «С»⁸.

Погода продолжала оставаться прохладной и мгlistой: даже когда туман рассеивался, видимость не превышала полусотни кабельтовых. Это обстоятельство благоприятствовало немцам, обеспечивая скрытность постановки мин. Действительно, к 22.30 «Альбатрос» успешно завершил постановку заграждения, без помех выставив 160 мин четырьмя отдельными банками к северо-востоку и северо-западу от Богшера. Сам И. Карф на «Аугсбурге» в это время крейсировал северо-западнее – между Богшером и плавучим маяком Свенска-Бьерн.

Через три часа в условленной точке – в 35 милях южнее Богшера – к флагману присоединились «Роон», «Любек» и миноносцы, после чего И. Карф передал по радио: «Задача VII выполнена. Неприятель виден не был. Нахожусь в 1 час в квадрате 020°. Курс 190°, скорость 17 узлов».

Командир германского отряда не подозревал, что упомянутый им «неприятель», причем с весьма значительными силами, в это время находился как раз на пути его возвращения в базу. Минная постановка, действительно, не была замечена противником, зато победная реплика И. Карфа была

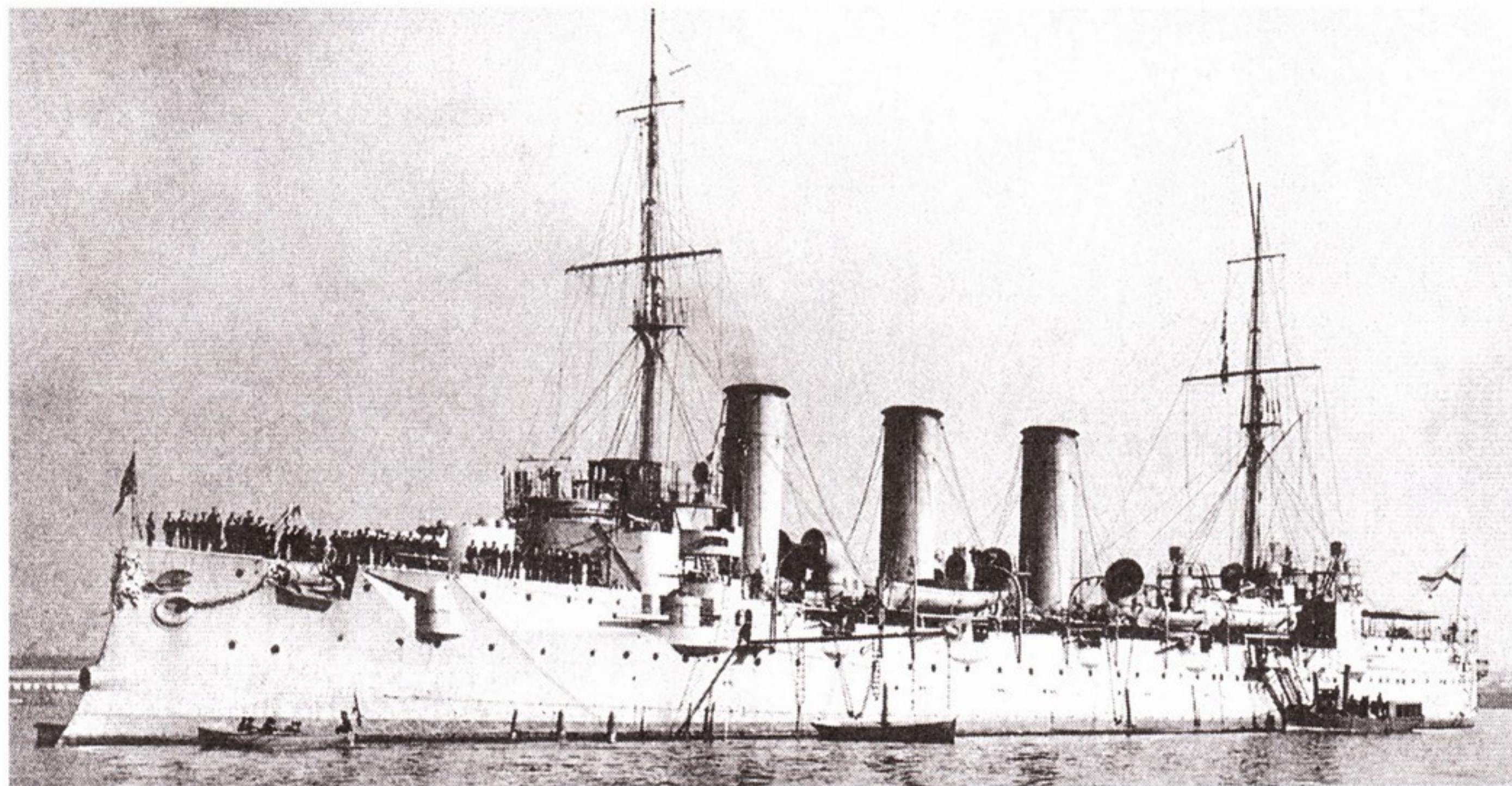
принята и расшифрована не только его непосредственным начальником – «первым флагманом разведывательных сил Балтийского моря» контр-адмиралом Альбертом фон Гопманом, но и средствами радиоразведки русского Балтфлота.

К 1.45 на крейсере «Адмирал Макаров» приняли два радиосообщения И.И. Ренгартена: «19.06 «Аугсбург» назначил randevу вероятно легкому крейсеру в квадрате 377» и «9.45 место неприятельского крейсера, которому назначалось randevу, квадрат 339».

Обстановка, таким образом, в корне изменилась. Поэтому контр-адмирал М.К. Бахирев принял вполне резонное решение оставить рискованные попытки в тумане приблизиться к Мемелю, а вместо этого попытаться выйти в район предполагаемого нахождения германского корабельного отряда, скромный состав которого, как явствовало из сообщений разведки, позволял надеяться на успех в бою.

19 июня (2 июля) в 3.00, когда на флагманском крейсере отчаялись отыскать потерявшихся «Рюрика» и «Новика», начальник бригады показал курс 10 градусов – на сближение с противником, – чем привел в недоумение командиров и штурманов своих кораблей. При этом «Баян», неправильно понявший приказ, переданный

Крейсер «Богатырь»

⁸ Минные заграждения «А» и «С» были поставлены немцами соответственно в апреле и мае 1915 года на меридиане мыса Дагерорт (западная оконечность острова Даго) напротив устья Финского залива.

с флагманского корабля «радиограммой малой мощности», лег на курс 0 градусов, и за ним последовали «Богатырь» с «Олегом».

Через два часа с небольшим начальник Отряда особого назначения получил очередную радиограмму из Кильконда: «В 2.00 «Аугсбург» был в четвертой четверти 357 квадрата, его курс 190 градусов, скорость 17 узлов». Флагманский штурман бригады старший лейтенант Н.Н. Крыжановский рассчитал новый курс, ведущий «на пересечку неприятелю» – 303 градуса. На него отряд повернул в четверть седьмого утра, когда туман рассеялся, и «Адмирал Макаров» принял в кильватер «Баяна», «Богатыря» и «Олега», оказавшихся в трех милях слева.

«Адмирал, – пишет К.Г. Люби, – как опытный старый штурман лично прокладывал какие-то курсы с севера, набрасывал штрихи им навстречу, пересекающимися линиями проводил по линейке, отмерял циркулем, смачно крякал и буркал какие-то отрывочные слова, не самые последние из общефлотского лексикона, но «предпоследние», ничего, впрочем, хорошего не сулившие тому, кому они предназначались:

- Коммодор... на «Аугсбурге» ... подумаешь. «Рюрика» загоню ему в ... Запропастился. Ладно ... влепить «Рону». С коммодором сам поговорю, ... «Рюрик», ... , шляется.»

Малый крейсер «Аугсбург» – флагманский корабль коммодора И. Карфа

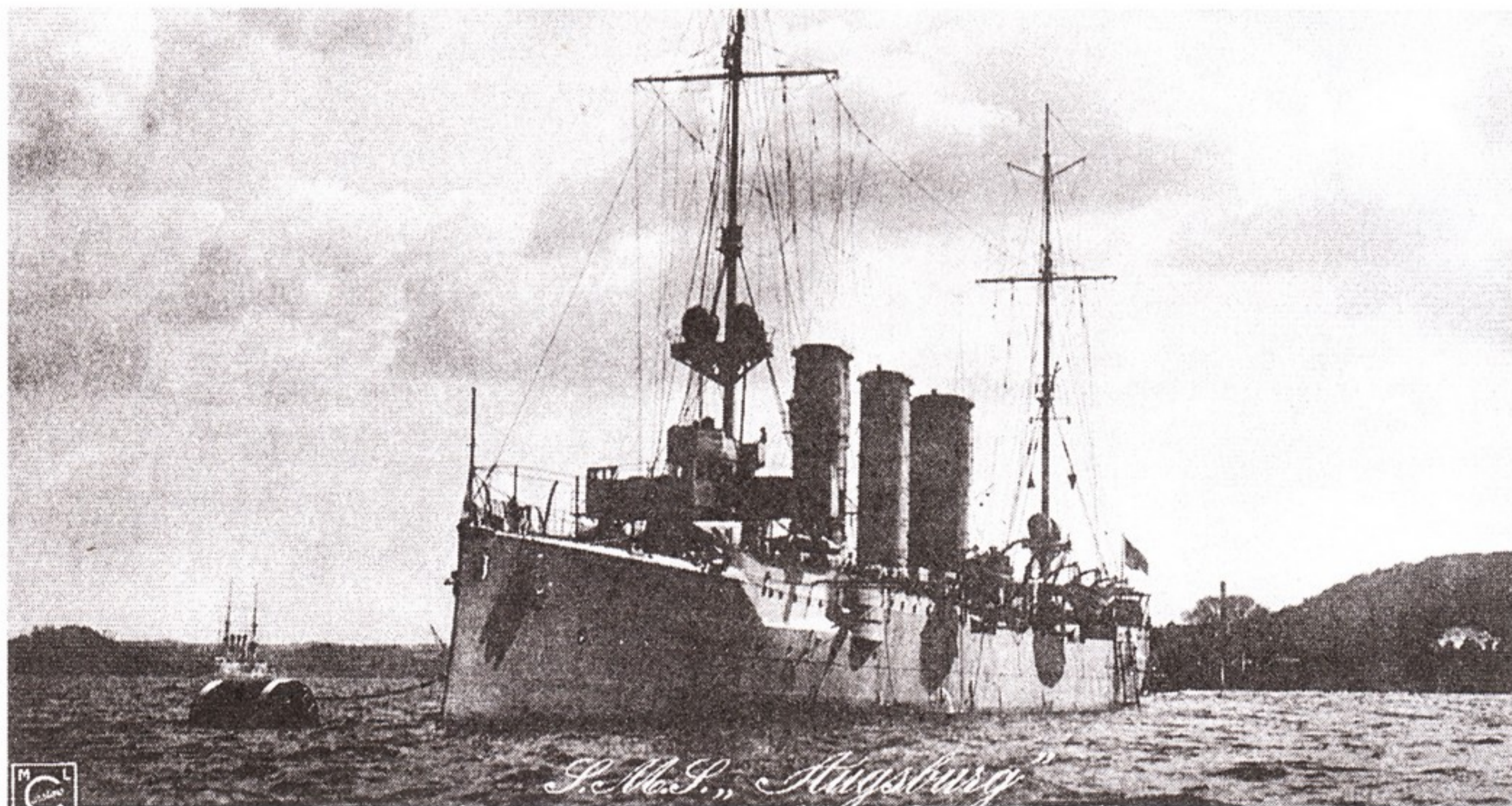
Еще через час «Адмирал Макаров» лег на курс 10 градусов, ведущий в предполагаемое место «Аугсбурга». Начальник отряда приказал увеличить ход до 19 узлов и передать по линии семафором: «Приготовиться к бою. Неприятель ожидается прямо по курсу».

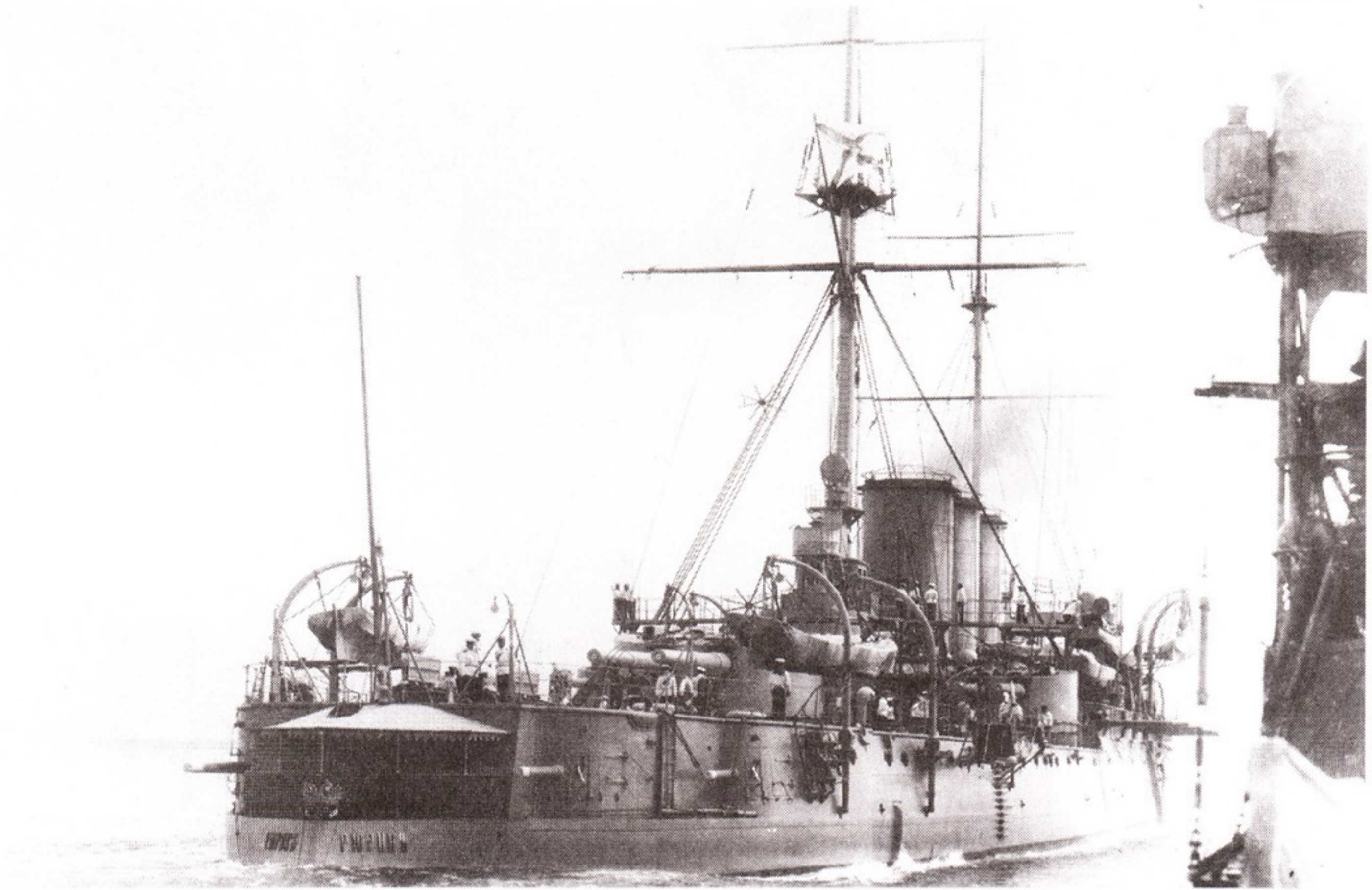
«Непенин с Ренгартенем ущучили немцев... Нашей связи верить можно», – пояснил Михаил Коронатович недоумевающему командиру «Адмирала Макарова» и офицерам своего штаба.

Первая фаза боя у Готланда: крейсера Бахирева против отряда Карфа

Радиопереговоры русских, засеченные станциями «беспроволочного телеграфа» германских кораблей, коммодор И. Карф легкомысленно приписал «дозорным кораблям в Ирбенском проливе». В 7.00 он отпустил «Роона» и «Любека» с четырьмя миноносцами в Либаву, а сам с «Аугсбургом», «Альбатросом» и эсминцами «G135», «S141» и «S142» повернул к южной оконечности Готланда, чтобы оттуда направится в Нойфарвасер. Этот курс, как вскоре выяснилось, вел прямо навстречу крейсерам контр-адмирала М.К. Бахирева.

В половине восьмого командир «Аугсбурга» фрегаттен-капитан И. Хорн получил доклад об

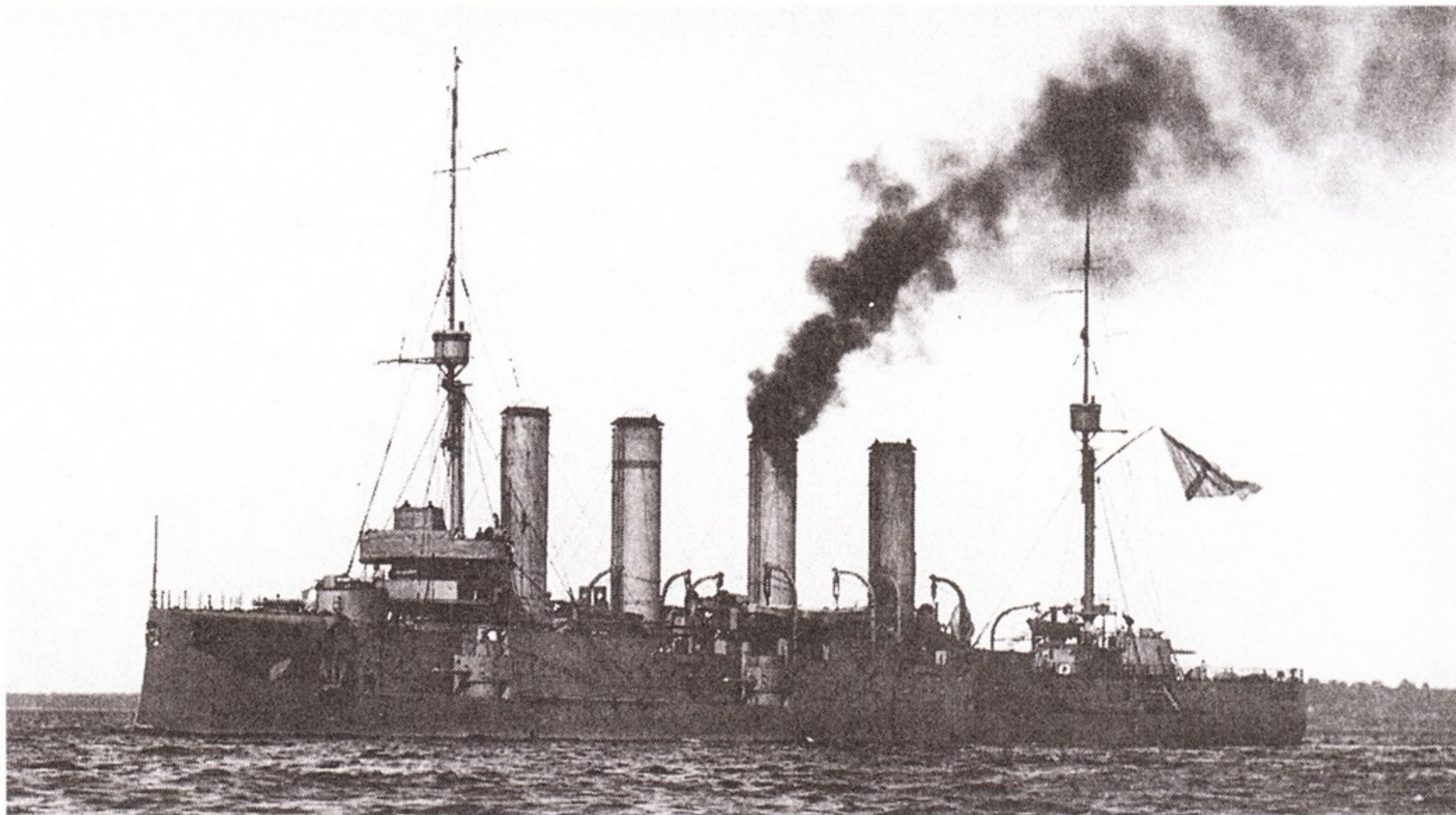

обнаружении в юго-восточной четверти горизонта большого дыма, «и вскоре после этого из тумана выступил четырехтрубный корабль, за ним следовал второй такой же». Первым из русских крейсеров дымы неприятеля в это же время (7.35) усмотрел несколько слева по носу «Богатырь», шедший третьим в бригадной колонне. Дистанция, на которой противники вступили в соприкосновение, не превышала полусотни кабельтовых. Через пять минут на «Адмирале Макарове» германские корабли были опознаны как крейсера «Аугсбург» и «Ундине» (последним фактически был «Альбатрос»). «Рюрик», напомним, оставался значительно южнее места встречи неприятелей.

Флагманский корабль М.К. Бахирева немедленно начал поворот влево, приводя неприятеля на курсовой угол 40 градусов правого борта, поднял стеньговые флаги и с дистанции 44 кабельтова открыл огонь по «Аугсбургу». Через две-три минуты примеру флагмана последовал «Баян». Последний, согласно инструкции флагманского артиллериста бригады старшего лейтенанта Б.Д. Коссаговского, при встрече с двумя противниками также стрелял по головному кораблю. В 7.45 мнимый «крейсер типа «Нимфе» (то есть заградитель «Альбатрос») был взят под обстрел второй полубригадой – крейсерами «Богатырь» и «Олег». Ведя огонь, корабли контр-адмирала М.К. Бахирева поддерживали 20-узловый ход.

Броненосный крейсер «Рюрик» на летних флотских маневрах 1913 года. На юте – император Николай II, морской министр генерал-адъютант адмирал И.К. Григорович и командующий морскими силами Балтийского моря адмирал Н.О. фон Эссен (снимок сделан с борта эсминца «Пограничник» известным морским фотографом Е.В. Ивановым)

«Пришедшие в боевую рубку командир и старший штурман, а также уже находившиеся там и отдававшие предварительные приказания в плутонги оба артиллериста (старший артиллерист крейсера старший лейтенант Я.И. Белецкий и артиллерийский офицер лейтенант А.Н. Лушков. – Д.К.) в этот момент были проникнуты одной мыслью, одним желанием: уничтожить крейсер («Аугсбург» – Д.К.), который до сего времени всегда ускользал от наших крейсеров... Но вот грянул залп из 8-дюймовых башенных орудий и 6-дюймовых казематных на «Адмирале Макарове». Небольшая пауза, необходимая, чтобы залпы двух кораблей не легли бы одновременно, и «Баян» открыл огонь из всех орудий по головному неприятельскому кораблю. Вслед за «Баяном», выдерживая мертвый промежуток, открыли огонь «Богатырь» и «Олег» – по второму...» – писал впоследствии бывший артиллерийский офицер «Баяна» П.В. Лемишевский.

Крейсер «Адмирал Макаров» в море. 1916 г.

Германские корабли, внезапно оказавшиеся перед лицом подавляюще превосходящих сил противника (соотношение веса бортовых залпов – 10:1), ответили не сразу. Коммодор И. Карф немедленно увеличил ход до полного и начал поворот вправо, стремясь выйти из боя. «Роону» и «Любеку» было отправлено распоряжение вернуться к флагману.

Однако слишком малая дистанция соприкосновения противников и невыгодные для немцев условия освещенности сделали положение кораблей коммодора И. Карфа критическим. «Залпы 15,2-см орудий и отдельные всплески тяжелых снарядов ложились у «Аугсбурга» и «Альбатроса». Германские орудия молчали. Неприятель снова скрылся в тумане, ввиду чего измерение расстояния прекратилось, и прицелы не могли найти цель. Видны были только вспышки выстрелов, по которым можно было заключить, что в бою принимают участие четыре неприятельских корабля. Последние хорошо видели цель, потому что на NW было светлее», – читаем в официальном германском описании балтийской кампании 1915 года.

Маневрируя на зигзаге и пытаясь прикрыть все более отстающий «Альбатрос» густым черным дымом «с помощью нефтяных форсунок», И. Карф на «Аугсбурге» в 4.45 медленно склонился еще на

два румба вправо. Однако немцы оставались «под хорошими накрытиями»; высокие всплески от падений русских снарядов закрывали мглистый горизонт и обрушивались на палубы, хотя попаданий в германские корабли пока не было.

Скверная видимость и незначительная (хотя и увеличившаяся кабельтовых до 50) дистанция боя давали шанс, по крайней мере, гипотетический, торпедной атаке германских эсминцев. Однако коммодору Карфу и командиру 10-й флотилии фрегаттен-капитану Витингу, державшему брейд-вымпел на «G135», перспективы атаки минонами Уайтхеда показались чрезмерно туманными: эскадренные миноносцы были вооружены старыми торпедами типа С/03 с дальностью хода не более 3000 метров, при этом флагманский миноносец едва развивал 20 узлов, да и остальные были немногим быстрее. Таким образом, при сближении с кораблями М.К. Бахирева на дистанцию выпуска мин Уайтхеда миноносцам пришлось бы как минимум десять минут находиться под огнем русских крейсеров. Германские командиры сочли атаку «безнадежной», однако, как замечает немецкий историк, «в этот момент положение складывалось так, что миноносцы должны были учитывать возможность их уничтожения; в течение длительного срока в непосредственной близости от них падали снаряды, и было лишь вопросом времени, когда начнутся попадания». Поэтому командир флотилии, собрав свои корабли, поднял сигнал «Z» – «торпедная атака».

Но к этому времени коммодор И. Карф принял решение бросить «Альбатрос», низкая скорость которого связывала действия всего отряда, и попытаться спасти крейсер и миноносцы. Быстроходный «Аугсбург» легко вырвался вперед и с 7.35 начал уклоняться влево, намереваясь «прорваться под носом у неприятеля на юг». Минному заградителю по радио был отправлен приказ искать спасения у берега острова Готланд – в шведских территориальных водах.

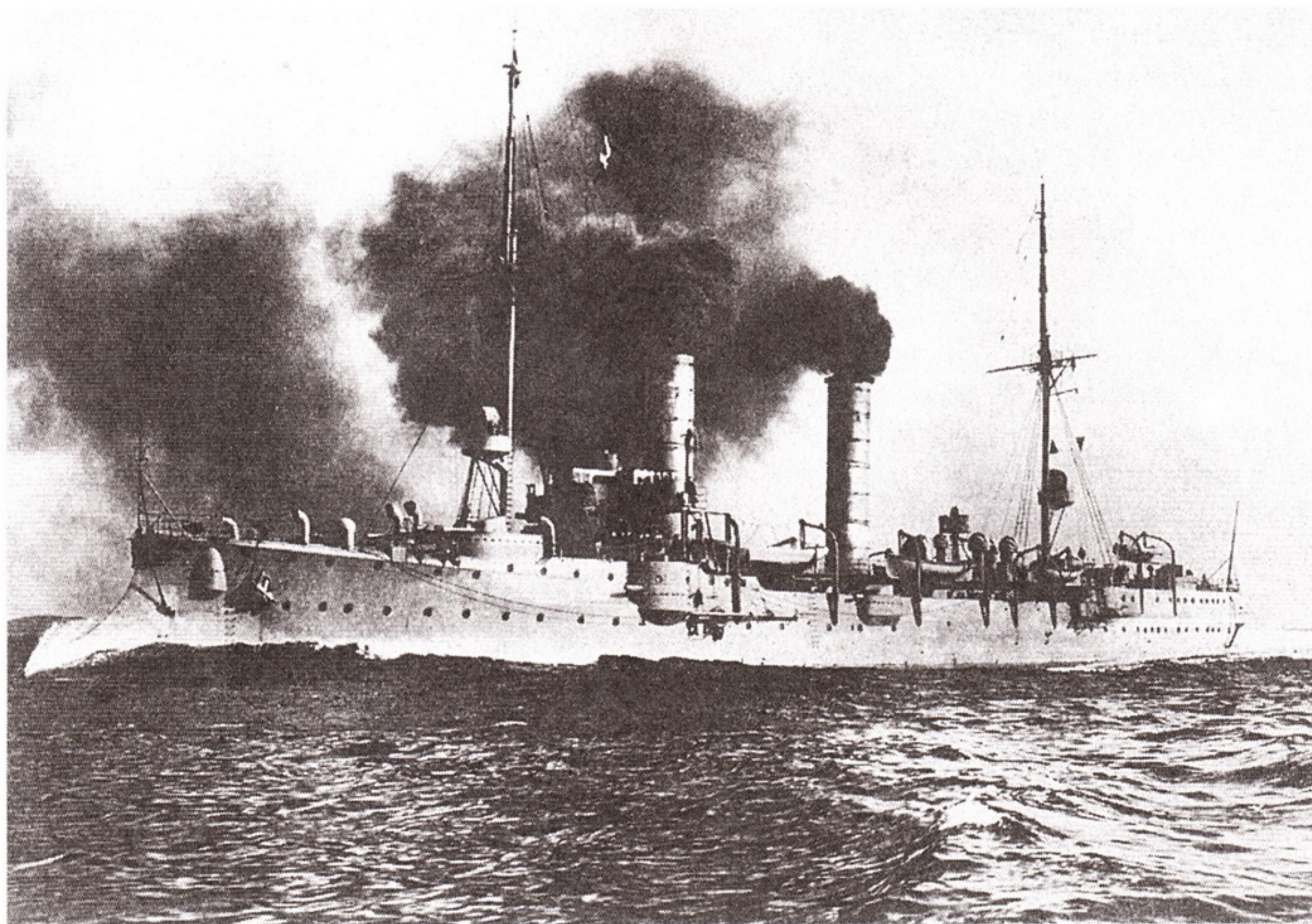
В этих условиях торпедная атака германских эсминцев, главной целью которой было отвлечение внимания противника от тихоходного «Альбатроса», потеряла смысл. Миноносцы фрегаттен-капитана Витинга, успевшие сблизиться с русскими кораблями на 33-38 кабельтовых, прикрыли заградитель дымовой (в отечественных документах того времени – «дымной») завесой и устремились за «Аугсбургом», который все более склонялся к югу.

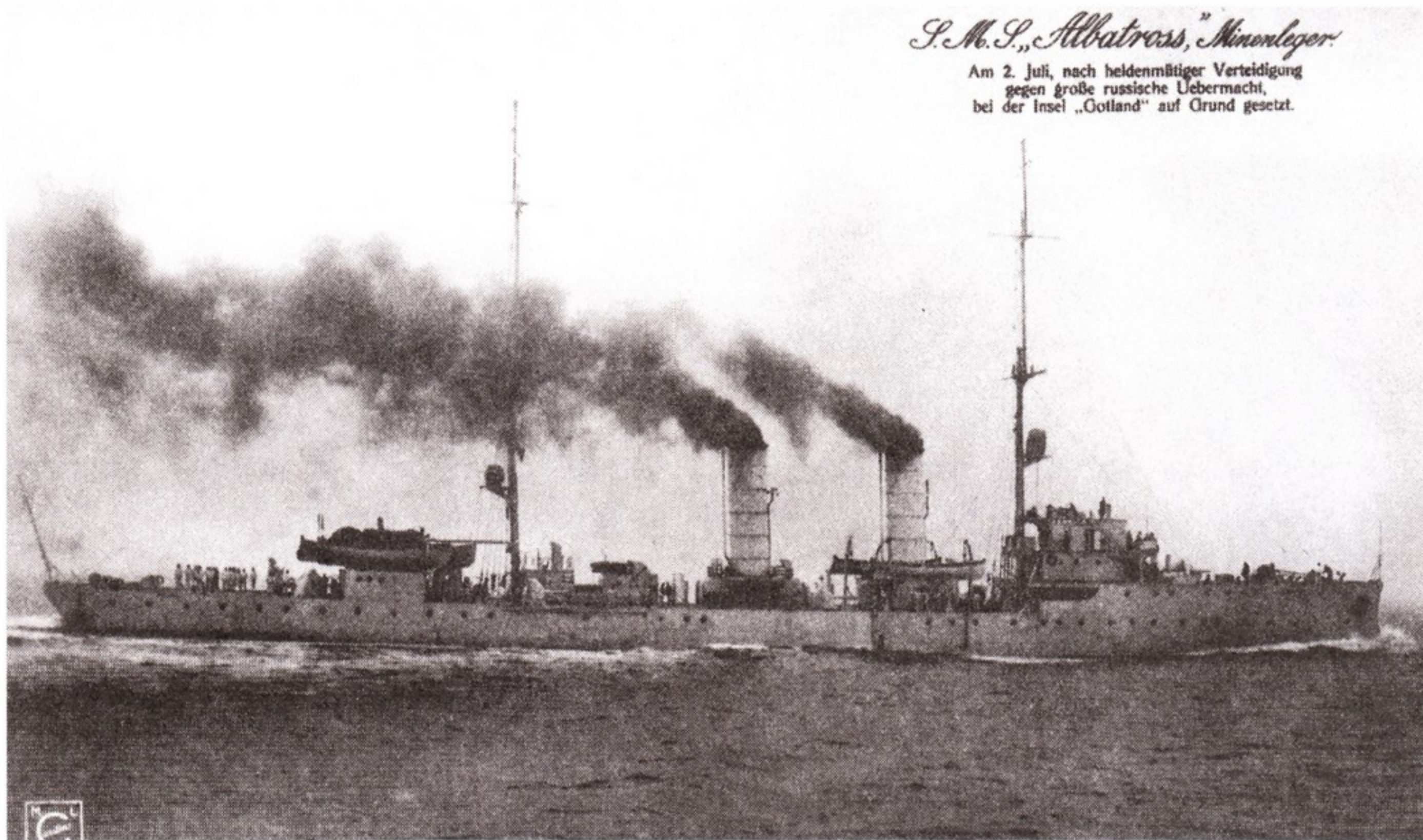
Дым из «туманных ящиков» (Nebelkasten) эсминцев на время закрыл германский минзаг, но демонстрация торпедной атаки успеха не имела. Крейсера М.К. Бахирева не отвернули, хотя и открыли по миноносцам интенсивный огонь из 75-мм («Адмирал Макаров» и «Баян») и 152-мм («Богатырь» и «Олег») орудий. На крейсерах да-

же заметили следы двух мин Уайтхеда, якобы прошедших в 7.55 между «Адмиралом Макаровым» и «Баяном» (первый даже слегка увеличил ход), но в действительности немцы торпед не выпускали.

В 8.00 «Аугсбург», а следом и миноносцы пересекли курс флагманского крейсера контр-адмирала М.К. Бахирева на дистанции около полусотни кабельтовых. В этот момент начальник Отряда особого назначения приказал дать второй полубригаде сигнал «действовать по усмотрению». Командир крейсера «Богатырь» тотчас повернул влево, но не для погони за «Аугсбургом», а для обхода с севера мнимого крейсера «Ундине», «чтобы не дать уйти на Н». Контр-адмирал М.К. Бахирев, полагавший, что бесполезная попытка настичь быстроходный «Аугсбург» привела бы только к разделению сил, одобрил маневр капитана первого ранга Д.Н. Вердеревского. Описав полукруг, «Богатырь» и «Олег» перешли на правую раковину «Адмирала Макарова» и «Баяна», и вскоре оказались за кормой «Альбатроса». В 8.10, когда непри-

Германский малый крейсер «Ундине»

Германский минный заградитель «Альбатрос»

ягельский корабль вышел из дымзавесы, крейсера второй полубригады открыли по нему продольный огонь.

«Альбатросу» оставалось лишь форсировать ход в надежде добраться до близкого шведского берега. Командир германского минного заградителя фрегаттен-капитан Вест пытался мешать огню русских изменениями курса и стрельбой из своих 88-мм пушек. В ход была пущена и военная хитрость: в адрес коммодора И. Карфа ушло открытое радио на немецком языке: «Прошу выслать в атаку подводные лодки».

Однако все оказалось тщетным – силы были слишком неравны. Еще раньше – сразу после «рывка» «Аугсбурга» – перенес свой огонь на «Альбатрос» и крейсер «Адмирал Макаров». Правда, «Баян» последовал примеру флагмана не сразу: всплески от падения снарядов трех крейсеров и без того различались с большим трудом. Наконец, в 8.20 германский корабль получил первое попадание. Русский снаряд разворотил корму «Альбатроса» и нанес немцам потери в людях. К этому времени «Аугсбург» и эскадренные миноносцы скрылись во мгле в южном направлении.

В течение следующей четверти часа крейсера контр-адмирала М.К. Бахирева, ведя сосредото-

ченный огонь с дистанции 40-45 кабельтовых, буквально изрешетили небронированный германский заградитель. «Альбатрос» был сильно поврежден в носовой части; в корме один из отсеков наполнился водой; во многих местах возникли пожары; фок-мачта была сбита; командирский мостик и штурманская рубка со всем персоналом вышли из строя. Командир, находившийся на мостике, был ранен осколками, но вскоре смог принять командование от своего первого офицера», – читаем у Г. Ролльмана.

Десять минут держал «Альбатроса» под своим огнем и крейсер «Баян», который в 8.20 по сигналу «отрезать неприятеля с зюйда» склонился влево. Сам же М.К. Бахирев на «Адмирале Макарове» через пятнадцать минут повернул к северу, переведя цель под огонь артиллерии левого борта. По наблюдениям с русских крейсеров, потерявший управление «Альбатрос» около 8.45 описал две полные циркуляции при входе в шведские территориальные воды у Эстергарна. И все же фрегаттен-капитану Весту, умело управлявшемуся машинами (машины и котлы, на удивление, оказались неповрежденными), удалось направить свой тяжелоповрежденный и накренившийся на левый борт корабль в пролив между островами Эстергарн и Готланд. Опасаясь потери поперечной остойчивости и опрокидывания корабля, в 9.12 командир германского заградителя с малого хода посадил его на грунт. Утверждение М.К. Бахирева, а следом и отечественных истори-

ков (М.А. Петров, П.В. Лемишевский) о спуске немцами флага категорически опровергается Г. Ролльманом.

Русские крейсера прекратили огонь между 8.30 («Баян») и 9.07 («Олег»). Около этого времени – без четверти девять – замолчали и орудия «Альбатроса», якобы из уважения шведского нейтралитета. «На самом деле, – уместно замечает по этому поводу В.Ю. Грибовский, – германский флот обычно все вопросы, связанные с сохранением нейтралитета, решал по праву сильного, и немцам было наивно ожидать, что противник уйдет, не убедившись в том, что поверженная жертва сидит на берегу».

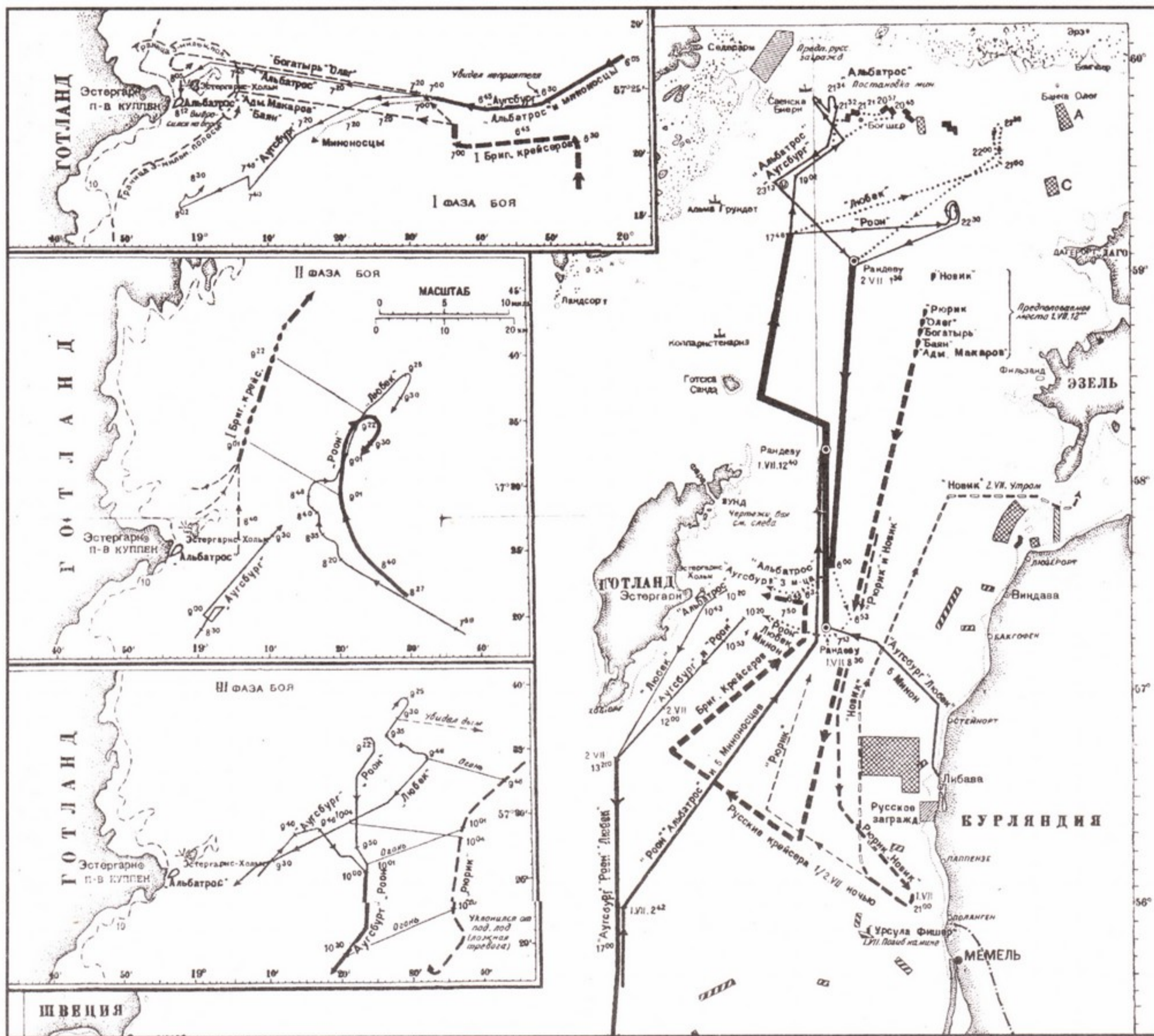
Действительно, «Олег» и «Богатырь» после сигнала флагмана «Прекратить огонь» вошли, не стреляя, в шведские воды. Командиры крейсеров увидели, как они впоследствии докладывали по команде, что «крейсер «Ундине» с креном выкинулся на

берег», после чего вслед за «Адмиралом Макаровым» и «Баяном» направились на север.

Пренебрежительное отношение командиров российских кораблей к нейтралитету Швеции и якобы имевшее место продолжение стрельбы в пределах шведских тервод⁹ повлекли за собой формальный протест, внесенный послом Швеции в Петрограде Брандстрёмом 20 июня (3 июля). Российская сторона ответила немедленно и, по обыкновению, принесла извинения, выразив

Мемельская операция» 1-3 июля 1915 года (из русского издания книги Г. Ролльмана «Война на Балтийском море. 1915 год»)*

** Время на схеме указано по германскому (среднеевропейскому) времени. В тексте моменты приведены по русскому времени, которое превышало германское на один час*

⁹ По данным Г. Ролльмана, «снаряды только несколько сот метров не долетали до побережья (острова Готланд – Д.К.) и только случайно не было падений и на нем». Кроме того, «сторож маяка с острова Эстергарн-хольм вынужден был с семейством укрыться в лощине, потому что много снарядов пролетело над островом».

Германский минный заградитель «Альбатрос», выкинувшийся на мель после боя 19 июня 1916 г.

готовность безусловно соблюдать нейтралитет сопредельного королевства. Официальный Петроград объяснил произошедшее скверной видимостью и невнимательностью своих офицеров и заверил шведов, что «флагманам даны определенные указания удвоить бдительность, дабы избежать впредь подобных случаев». Несмотря на мягко говоря небезупречную аргументацию, извинения были приняты и инцидент – исчерпан.

«Объяснения, данные русским правительством по делу об «Альбатросе», считаются печатью удовлетворительными и тем более отрадными, что они последовали быстро и без всяких оговорок, – сообщал из Стокгольма корреспондент Петроградского телеграфного агентства. – Ожидается только, что распоряжение русского правительства относительно удвоенного внимания будет настолько серьезно, что повторение подобных случаев отныне исключается». А шведская газета «Dagens Nyheter» в номере от 24 июня (7 июля) уместно напомнила, что «впервые с начала войны Россия дала Швеции повод жаловаться, тогда как со стороны Англии и Германии подобные нарушения уже часто имели место».

Во время агонии «Альбатроса» коммодор И. Карф благоразумно держался в 50-70 кабельтовых южнее места боя. По германским данным, в начале девятого «Аугсбург» повернул в сторону русских кораблей, «чтобы отвлечь внимание от «Альбатроса» и вызвать погоню за собой» и с 8.20

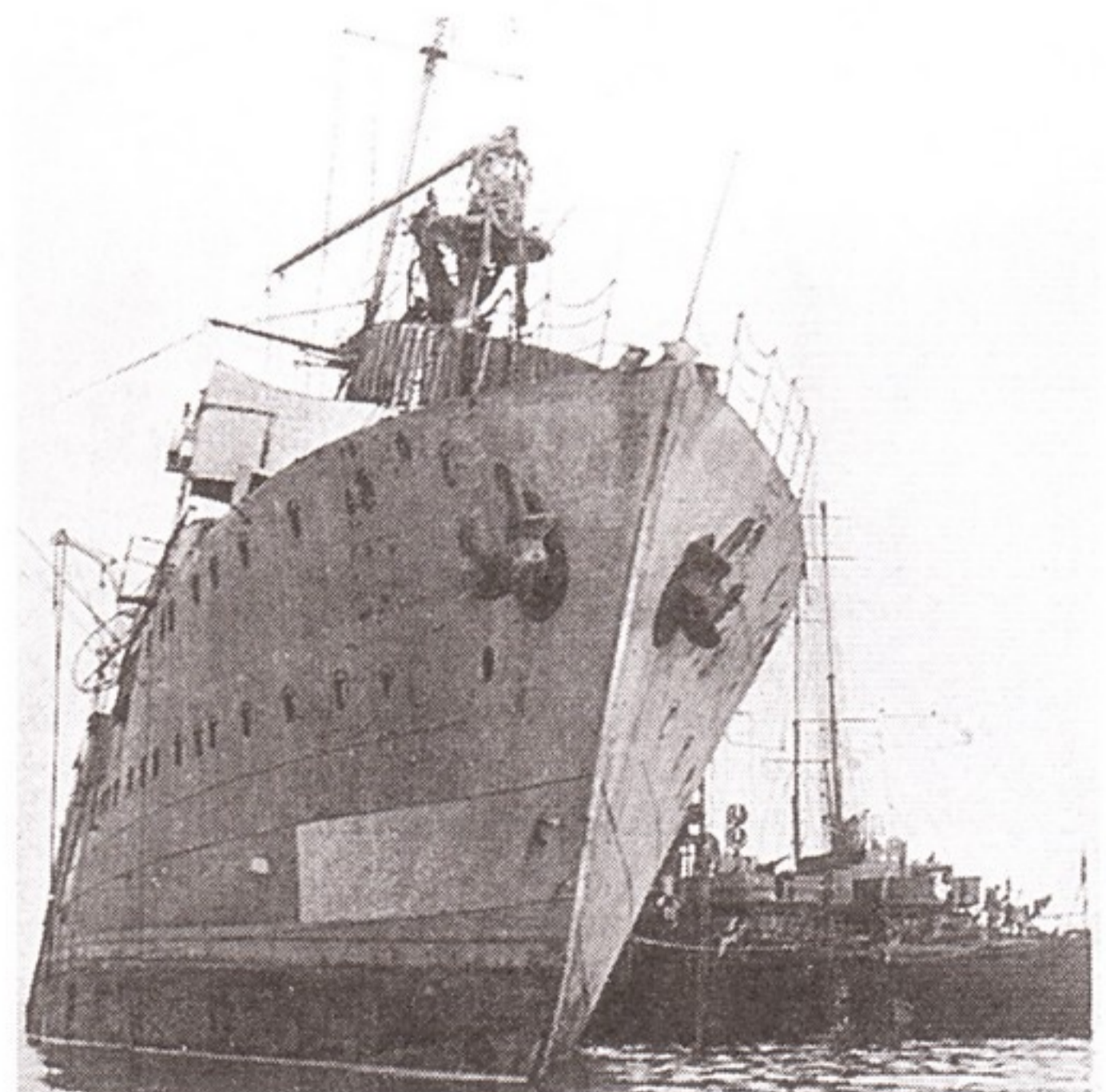
Минный заградитель «Альбатрос» на мели у острова Эстергарн

до 8.33 мин. даже вел огонь по «Адмиралу Макарову». Однако попытка демонстрации была, по видимому, не слишком энергичной. По крайней мере, стрельбы флагманского корабля И. Карфа на русских крейсерах даже не заметили. Когда германский минный заградитель оказался на мели, «второй флагман» приказал передать на него прожектором «Приду за вами позднее» и последовал за русскими крейсерами, держась вне пределов досягаемости их артиллерии.

Итак, первая фаза боя, продлившаяся около полутора часов, завершилась полным выводом из строя германского минного заградителя «Альбатрос», получившего пять или шесть попаданий 8-дюймовыми и около двадцати – 6-дюймовыми снарядами. Кроме того, по сведениям Г. Ролльмана, «много снарядов не разорвалось, четыре таких снаряда были найдены внутри корабля». Из одиннадцати офицеров и 226 кондукторов, унтер-офицеров и рядовых «Альбатроса» были убиты артиллерийский офицер и 26 человек команды, четыре офицера и 51 нижний чин получили ранения.

Что же касается ответного огня немцев, то из приблизительно 500 выстрелов цели достиг лишь один. Германский 88-мм снаряд поразил крейсер «Адмирал Макаров», осколками был тяжело ранен командор Д.И. Белоусов и поврежден 75-мм прожектор.

Сам германский минный заградитель и его экипаж были интернированы шведскими властями

ми, несмотря на многочисленные попытки германского правительства вернуть корабль или хотя бы его команду. «Альбатрос», которого шведы в скором времени сняли с мели и перевели в Оскарсхамн (на побережье Кальмарзунда), выбыл из участия в боевых действиях и был возвращен в Данциг только к началу 1919 года. Любопытно, что режим содержания интернированных немцев в лагере Тофта (близ Висбю) был, по-видимому, далек от сурового, и германские моряки регулярно ездили на родину. Об этом свидетельствует журнал предоставления «отпусков» команде «Альбатроса», ныне хранящийся в фондах Центрального военно-морского музея.

Вторая фаза боя: «Баян» против «Роона»

Тем временем – около 23.00 18 июня (1 июля) – эсминец «Новик» потерял в тумане «Рюрика», вместе с которым тем же вечером пытался приблизиться к Мемелю. Г.К. Граф (во время описываемых событий – минный офицер «Новика») усматривает в этом вину командира крейсера: «Новику» было чрезвычайно трудно держаться за «Рюриком», так как тот совершенно с ним не считался и, меняя хода и курсы, даже не предупреждал об этом; поэтому мы все время рисковали оторваться. На мостике все находились в напряженном состоянии и делали невероятные усилия, чтобы вовремя заметить изменение курса своего мателота».

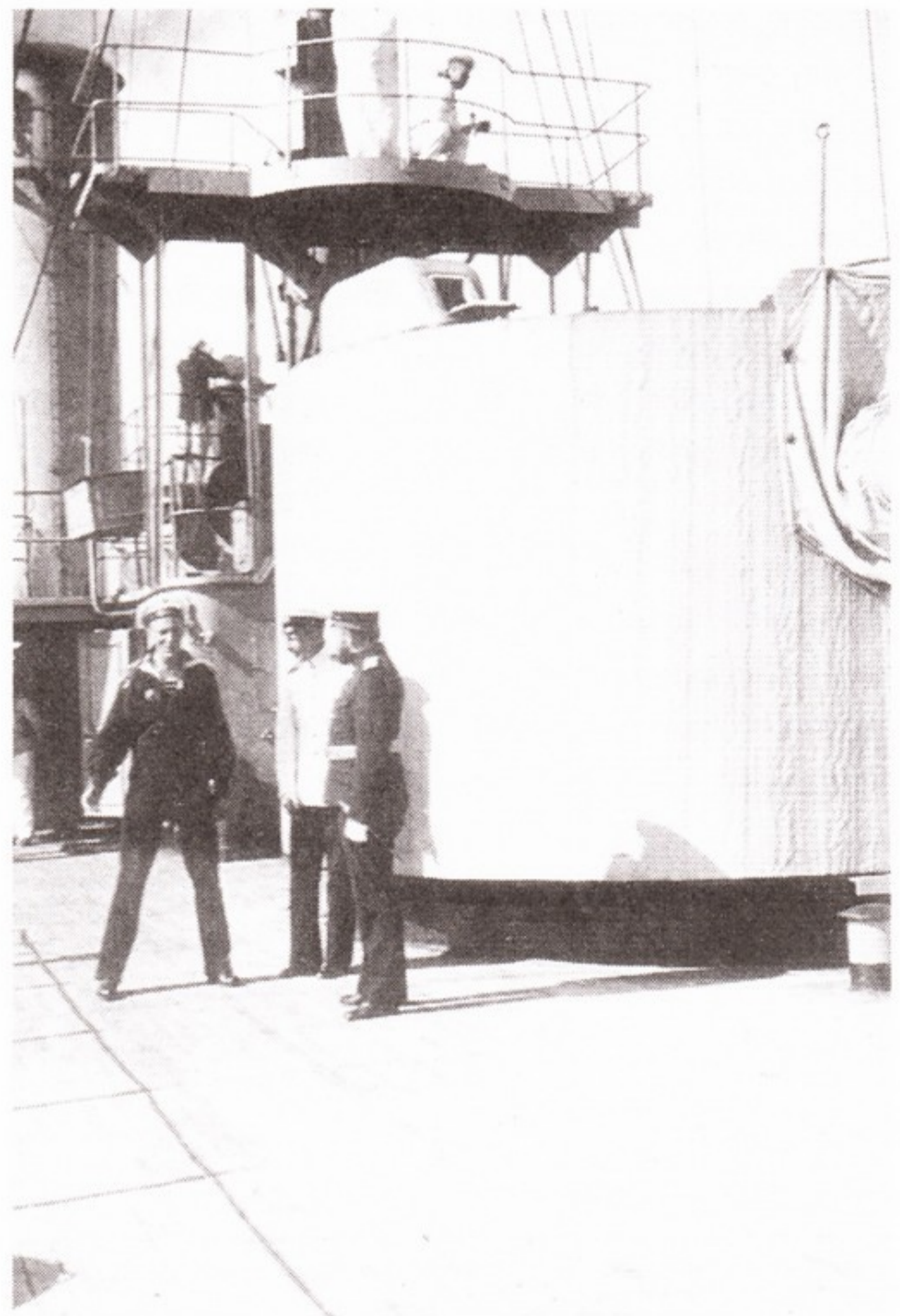
В течение часа капитан второго ранга М.А. Беренс безуспешно пытался отыскать свои корабли, после чего принял решение идти в Ирбенский пролив и к половине десятого утра 19 июня (2 июля) стал на якорь у Цереля. Здесь в 10.10 на «Новике» приняли радио контр-адмирала М.К. Бахирева с указанием курса бригады от Эстергарна. М.А. Беренс поспешил было на соединение с крейсерами, но около полудня получил приказ начальника отряда «возвращаться» и ушел в Куйваст.

Что же касается «Рюрика», то во время боя 1-й бригады крейсеров с кораблями И. Карфа он оставался юго-восточнее кораблей М.К. Бахирева

и в 8.48 получил радио начальника Отряда особого назначения: «Вступить в бой с неприятелем, квадрат 400». Капитан первого ранга А.М. Пышнов увеличил ход до 20 узлов и проложил курс к месту событий, но прибыл туда через час после окончания первой фазы боя – в 9.45. «Не видя неприятеля», командир «Рюрика» предположил, что «бригада гонит его на Н», и повернул на курс 30 градусов.

На северо-восток (точнее, на курс 40 градусов – «к Финскому заливу») отходили от Эстергарна и «Адмирал Макаров» сотоварищи, однако собрать свои силы воедино контр-адмиралу М.К. Бахиреву не удалось и после стычки с группой коммодора И. Карфа. Завершив избиение «Альбатроса», начальник Отряда особого назначения радировал командующему флотом: «После боя, получив повреждения, неприятельский крейсер выбросился на берег по остовую сторону острова Готланд за маяком Эстергарн. Считаю полезным послать подводную лодку к месту аварии».

В 9.50 справа позади траверза «Баяна», замыкавшего еще не вполне оформившийся строй 1-й бригады крейсеров, из мглы показались дымки, а затем и неясные силуэты приближавшихся ко-

Корабельная жизнь крейсера «Баян»

Снимок, сделанный с мостика крейсера «Баян» во время боя у Готланда, дает весьма наглядное представление о состоянии видимости в средней Балтике 19 июня (2 июля) 1915 года

раблей. Вскоре с грот-марса русского крейсера можно было опознать их как броненосный крейсер «Роон» с его весьма характерными огромными шлюпбалками, малый крейсер «Любек», ошибочно опознанный как «Аугсбург», и четыре миноносца. Группа «Роона» полным ходом спешила на помощь кораблям commodора И. Карфа, но вследствие просчетов по навигационной части подошел к месту боя, по выражению немецкого историка, «круглым путем», когда участь «Альбатроса» была уже решена, а «Аугсбург» скрылся в неизвестном для командира «Роона» направлении.

Походный ордер бригады М.К. Бахирева в это время выглядел следующим образом: головным шел «Богатырь», в кильватер ему – «Олег» и на некотором удалении – «Адмирал Макаров»; на правой раковине последнего в 10-15 кабельтовых – «Баян», все еще нагонявший бригаду. На последнем, как свидетельствует участник событий, «не зная еще, что «Адмирал Макаров» не примет участия в бою, спокойно ожидали подхода неприятеля, который, имея преимущество в ходе, нагонял «Баян».

Именно по «Баяну» – ближайшему к немцам кораблю – в 10.05 с дистанции около 75 кабельтовых «Роон» открыл огонь четырехорудийными залпами из башенных 210-мм орудий. «Любек», сопровождаемый четырьмя эсминцами 19-й полубатальона, взял под обстрел головной русский крейсер – «Олег».

«Баян» тотчас поднял стеньговые флаги и ответил неприятелю залпами из двух 8-дюймовых орудий с прицелом 62-64 кабельтова. Находясь под огнем вдвое более мощной (по весу бортового залпа) артиллерии противника, капитан первого ранга А.К. Вейс умелым «зигзагированием» добился того, что залпы «Роона», идеальные по целику и исключительно кучные, не давали накрытий¹⁰. Из приблизительно двух десятков залпов лишь один германский 210-мм снаряд поразил «Баян» в среднюю часть, не причинив, однако, сколь-нибудь серьезных повреждений. Пробив борт правого шкафута между 61 и 65 шпангоутами, снаряд разорвался и разбил на верхней палубе коечную сетку, шлюпку-четверку, повредил трубы рабочего и отработанного пара мусорной лебедки в кочегарной шахте № 5; мелкими осколками были пробиты в нескольких местах шахты кочегарки, кожух шкафутной лебедки, камбуз команды, вторая дымовая труба, бимсы. Головная часть снаряда, пробив верхнюю палубу, прошла вплотную вдоль передней переборки каземата № 3 шестидюймовых орудий, сильно выпучив

¹⁰ Пользуясь тем, что бой велся на параллельных курсах при курсовых углах, близких к 90 градусам, А.К. Вейс, по свидетельству П.В. Лемишевского, «принял исключительно правильное и разумное решение: зигзагировать так, чтобы противник этого не заметил». Оставаясь на постоянном курсовом угле противника, командир «Баяна» постоянно «ломал» курс, что «сильно влияло на ВИР (величину изменения расстояния. – Д.К.)» и «сбивало» неприятелю прицел.

ее, а затем проникла в угольную яму, где и была обнаружена. В батарейной палубе получили легкие ранения командор Н. Медведев и горнист С. Синяк, были повреждены осколками станок 75-мм орудия № 3, на палубе образовались вмятины. Выделившиеся при взрыве газы проникли в кочегарку, где вызвали отравление четырех кочегаров, которые, впрочем, продолжили работу. Отравление не приняло более серьезной формы, так как газы были вовремя удалены системой вентиляции.

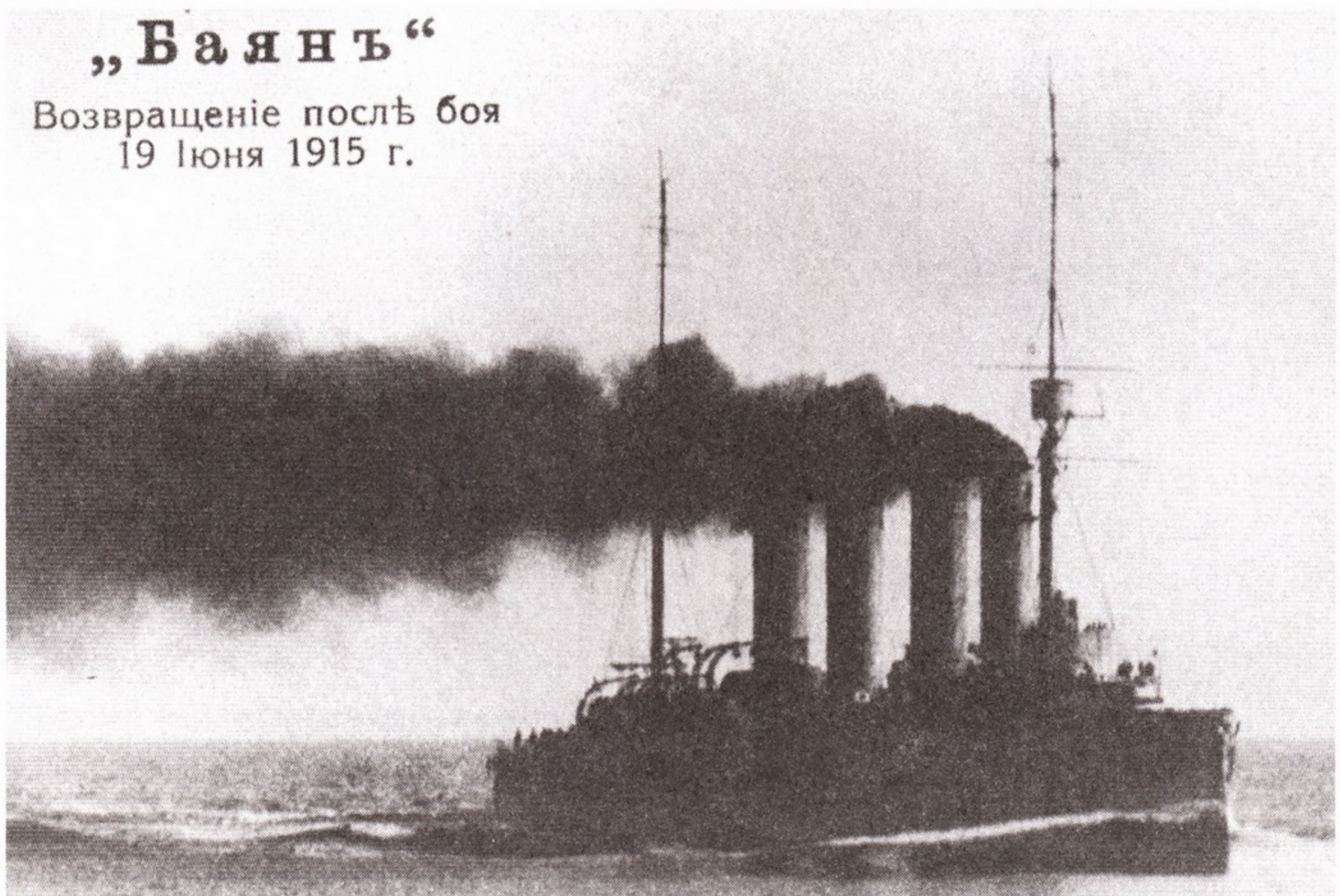
Со своей стороны артиллеристы «Баяна» – одного из лучших призовых артиллерийских кораблей Российского флота – одним из первых выстрелов перебили радиоантенну «Роона», лишив германский крейсер радиосвязи на полчаса, то есть до конца боя. Кроме того, с «Баяна» были отчетливо видны попадания со взрывами в носовую и кормовую части «Роона», однако немцами они не подтверждаются: по официальным германским данным, «других повреждений неприятельский огонь не причинил».

Короткая артиллерийская дуэль между «Любеком» и «Олегом» окончилась безрезультатно. Сделав несколько залпов по «Роону» и даже отметив накрытие, капитан первого ранга А.М. Веселаго перенес огонь на «Любек» (принятый русскими за «Бремен»), стреляя на предельном угле

вертикального наведения 152-мм орудий. В свою очередь «Любек» (фрегаттен-капитан М. Хальм) взял под обстрел «Олега». Однако расстояние между противниками, доходившее до 70 кабельтовых, превышало полную дальность стрельбы артиллерии и российского, и германского крейсеров. После энергичного обмена недолетными залпами огонь был прекращен с обеих сторон. Ближайший к «Олегу» недолет «Любека» наблюдался в полтора кабельтовых от правого борта русского крейсера. Мысль о торпедной атаке четырьмя эскадренными миноносцами, состоявшими при германском малом крейсере на сей раз судя по всему, у немцев даже не возникала из-за слишком значительных боевых дистанций.

В 10.25 «Роон», а вслед за ним и «Любек» с миноносцами начали склоняться вправо и вскоре повернули на обратный курс – 230 градусов. Маневр противника, прекратившего стрельбу, вызвал у русских «удивление» (свидетельство П.В. Лемишевского), поэтому командир «Баяна» продолжал вести огонь, полагая, что «Роон» возобновит бой на контркурсе. Восьмидюймовки «Баяна» прекратили обстрел неприятеля, лишь

Крейсер «Баян» после боя у острова Готланд

только стало ясно, что последний имеет намерение отступить на юго-запад.

Очевидно, что решение старшего из германских командиров о выходе из боя следует признать совершенно обоснованным. «Роону» и «Любеку» пришлось иметь дело с превосходящими силами противника, которые увлекали их на север, где, по предположениям немцев, могли оперировать другие силы русских (там действительно находились линейные корабли «Слава» и «Цесаревич»). Кроме того, группа «Роона» не имела никаких известий от «Аугсбурга», который и вызывал ее на подмогу. Более того, вследствие длительного отсутствия обсерваций командир «Роона» полагал себя приблизительно в двадцати милях от своего фактического места. Поэтому на германском броненосном крейсере были уверены в том, что сражались отнюдь не с обидчиками «Аугсбурга» и «Альбатроса», а с другими русскими кораблями. Оказавшись дезориентированным

в прямом и в переносном смысле, командир «Роона» принял единственное верное решение «повернуть и постараться соединиться с «Аугсбургом». Крейсера контр-адмирала М.К. Бахирева не преследовали противника, и вскоре неприятели потеряли друг друга из вида.

За время получасового боя «Роон», который, по наблюдениям с русских кораблей, выпустил 72 или 76 снарядов, добился одного попадания в «Баян» (1,31%). Если считать попаданием обрыв неприятельской радиоантенны, то точность стрельбы русского крейсера, давшего около двух десятков двухорудийных залпов, составила приблизительно 2,5 %¹¹.

Заметим, что вскоре после начала боя с «Рооном» (в 10.10) контр-адмирал М.К. Бахирев в очередной раз попытался призвать под свой флаг заблудившихся «Рюрика» и «Новика», показав капитану первого ранга А.М. Пышнову свой курс 40 градусов от маяка Эстергарн, а еще через десять минут отправил командиру «Рюрика» радио: «Вступить в бой с крейсером «Роон» в квадрате 408». Кроме того, встреча с еще одним корабельным отрядом противника, вероятно, усилила сомнения М.К. Бахирева в том, что весь германский

*Члены экипажа крейсера «Баян» после боя
2 июля 1915 года*

¹¹ Если же принять во внимание два попадания в «Роон», которые были ясно видны с русских кораблей, но не подтверждаются немцами, то в бою 2 июля 1915 года крейсер «Баян» добился непревзойденной успешности стрельбы – 5 % попаданий (для сравнения: в Ютландском сражении 1916 года германский флот добился 3,3 %, а английский – 2,2% попаданий).

флот действительно удалился на императорский смотр в Киль. Напомним, что в радиogramмах И.И. Ренгартена фигурировала только группа «Аугсбурга», появление же в центральной Балтике «Роона» и «Любека» стало для начальника Отряда особого назначения полной неожиданностью. Поэтому Михаил Коронатович, опасавшийся, надо полагать, что этот сюрприз на сегодня не последний, счел за благо передать капитану первого ранга С.С. Вяземскому приказание: «Славе» и «Цесаревичу» выйти на поддержку к банке Глотова».

Таким образом, контр-адмирал М.К. Бахирев, считаясь с возможностью присутствия на своем пути неприятельских надводных и подводных сил («Богатырь» доложил об «обнаружении» перископа еще в половине десятого), начал отход в базу, вызвав на помощь силы оперативного прикрытия и наведя свой сильнейший корабль – броненосный крейсер «Рюрик» – на группу «Роона».

Третья фаза: в бой вступает «Рюрик»

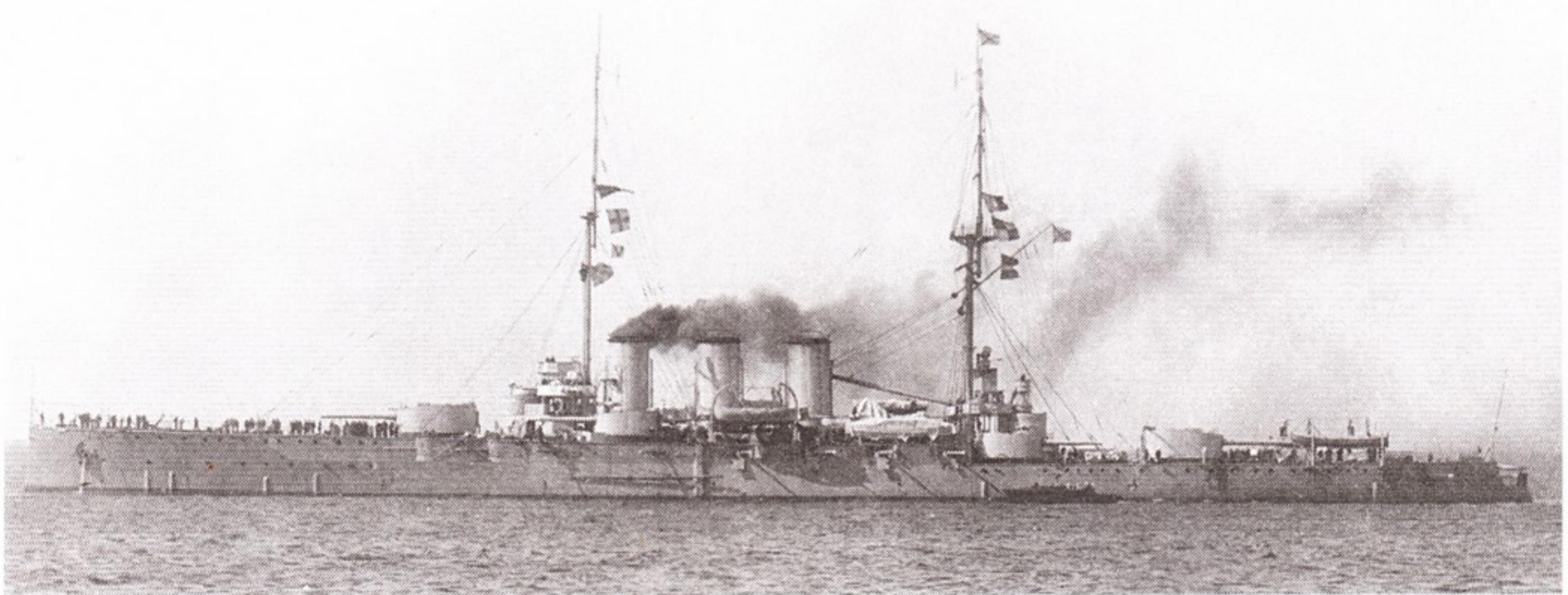
Командир «Рюрика» капитан первого ранга А.М. Пышнов¹², получивший сообщение контр-адмирала М.К. Бахирева с указанием курса 1-й бригады, решил попытаться отрезать противнику отступление на юг вдоль побережья Курляндии и лег на курс 20 градусов. Через несколько минут (в 10.20) на «Рюрике» приняли еще одно радио начальника отряда, предписывавшее следовать в квадрат 408, где русские корабли вели бой с «Рооном». Ответив флагману: «Иду к вам»,

А.М. Пышнов повернув на восемь румбов влево, и «Рюрик» оказался на курсе 290 градусов – в центр указанного квадрата. Уже через восемь минут справа по курсу показались дымы, а вскоре из мглы проявились очертания силуэтов трех кораблей, ближайший из которых – трехтрубный – сделал опознавательный сигнал прожектором.

Трехтрубным кораблем оказался «Любек». Обнаружив восточнее себя неясные контуры корабля, который благодаря «особенно тонким мачтам» был принят за эскадренный миноносец «Новик», германский крейсер смело повернул на неприятеля. Лишь через четверть часа (в 10.45), после неправильного ответа на опознавательный сигнал, мнимый миноносец был опознан как броненосный крейсер «Рюрик», и фрегаттен-капитан М. Хальм поспешил отвернуть на юго-запад и начал энергичный отход на зигзаге, тем более что расстояние между противниками успело сократиться до 60-65 кабельтовых. «Наступил в первый раз за всю войну удобный случай бросить на весы истории тяжелую артиллерию «Рюрика», – замечает, подчеркивая важность момента, германский летописец балтийской кампании 1915 года.

В 10.35 капитан первого ранга А.М. Пышнов объявил боевую тревогу, в 10.44 управление кораблем было переведено в боевую рубку, а еще через минуту «Рюрик» с дистанции 66 кабельтовых открыл огонь по «Любеку» из носовой 10-дюймовой башни, к которой вскоре присоединились обе

Броненосный крейсер «Рюрик»

¹² Пышнов Александр Михайлович (1873-?) – капитан первого ранга (1913). Окончил Морской кадетский корпус (1894). Командовал эсминцем «Всадник» (1911-1913), линейным крейсером «Измаил» (1914), броненосным крейсером «Рюрик» (1914-1917), 2-й бригадой крейсеров Балтийского моря (1917). Зачислен в резерв чинов Морского министерства (1917), назначен в распоряжение Центробалта (1918). Известно, что в годы Гражданской войны служил в центральных учреждениях морского ведомства в Петрограде.

«Мемельская операция»

носые 203-мм башни и казематные 120-мм орудия. Залпы русского корабля давали почти исключительно недолеты.

Стрельба же «Любека» оказалась на редкость интенсивной и точной. По свидетельству Г. Ролльмана, в условиях подавляющего артиллерийского превосходства могучего «Рюрика» старшему артиллеристу германского крейсера «оставалось только использовать скорострельность своей артиллерии, чтобы помешать управлению огнем противника». Уже один из первых залпов 105-мм орудий «Любека» упал у самого борта близ носовой части «Рюрика». Высокие всплески от разрывов снарядов обрушились на полубак и мостик русского корабля, временно выведя из строя носовые дальномеры.

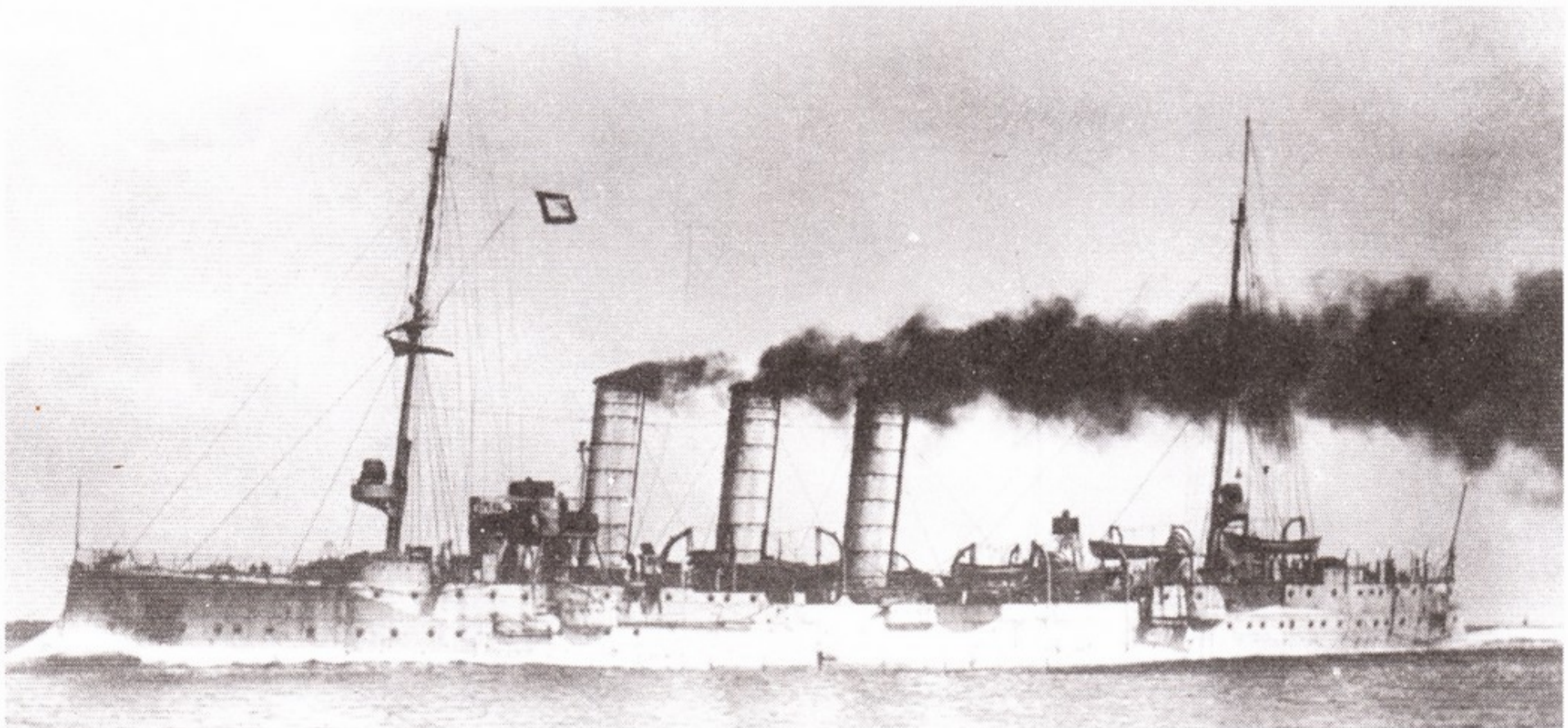
Тем временем на сцену возвратился еще один персонаж – крейсер «Аугсбург». Флагманский корабль коммодора И. Карфа, по выражению П.В. Лемишевского, «удрав с поля битвы и проболтавшись зря в течение полутора часов, услышав в направлении северо-востока стрельбу, в 10.00 лег на курс 40 градусов и увидел броненосный крейсер «Роон». Последний же повернул вслед за «Любеком» в южном направлении и оказался, таким образом, впереди «Аугсбурга». «Второй флагман» не смог однозначно определить тип русского корабля, с которым дрался «Любек», и поэтому опасался появления на поле боя «всей бригады с «Адмиралом Макаровым». В силу этого И. Карф счел нецелесообразным сражаться

в едином кильватерном строю и, стремясь связать противника и дать «Любеку» возможность выйти из-под огня русских, лег на курс сближения с «Рюриком», правда, ненадолго. Его примеру последовал и броненосный крейсер «Роон». Четыре эсминца 10-й флотилии собрались и построились в колонну на крамболе «Аугсбурга» со стороны его подбойного (правого) борта.

Между тем (в 10.50) второй германский крейсер, уходивший на юг впереди «Любека» был опознан на «Рюрике» как «Роон». Капитан первого ранга А.М. Пышнов тотчас перенес огонь носовой башни главного калибра, успевшей сделать по «Любеку» два залпа, на главную цель. Через десять минут «Рюрик» лег на курс 180 градусов, приведя неприятеля на курсовой угол 60 градусов правого борта. Огонь русского броненосного крейсера по «Роону» с дистанции 76-82 кабельтовых не дал попаданий, но затруднил недолетными падениями снарядов стрельбу своего оппонента. Артиллеристы «Роона» также не добились успеха, чего нельзя сказать о «Любеке», который буквально засыпал своего бронированного противника 105-мм снарядами. «Рюрик» получил одиннадцать попаданий, в результате которых были ранены девять членов экипажа (один из них – матрос первой статьи М. Шиянов – скончался от ран спустя шесть с половиной часов) и получили незначительные повреждения палуба, дымовые трубы, офицерские каюты.

Снаряды «Любека» не могли, разумеется, проникнуть в защищенные броней помещения, но газы от одного из разрывов отравили шесть нижних чинов из расчета носовой 254-мм башни, которая на

Германский малый крейсер «Любек»

время прекратила огонь; был отравлен с потерей сознания и командир башни – лейтенант Г.А. Алексеев. Эффективный огонь «Любека» и мгла, стоявшая весь день и временами переходившая в густой туман, безусловно, снизили точность стрельбы «Рюрика». С русского крейсера вроде бы наблюдали попадания и даже пожар на «Рооне»¹³, но, по немецким данным, орудия «Рюрика» не нанесли ущерба германским крейсерам и миноносцам.

Через четверть часа после первого выстрела «Рюрика» противники настолько сблизилась, что коммодор И. Карф мог считать задачу «связывания» неприятеля выполненной: «Любек», получивший переданное прожектором приказание идти к Эстергарну, был «спасен» и начал отход в базу вдоль западного берега острова Готланд. «Аугсбург» с миноносцами, а следом и «Роон» подвернули вправо – почти строго на юг, и бой продолжился на параллельных курсах.

Немцы, поддерживая интенсивный огонь, стремились как можно скорее выйти из сферы огня «Рюрика». Г. Ролльман характеризует избранный И. Карфом характер маневрирования как «незаметное уклонение». Однако отворот вправо, предпринятый «Рооном» на 28-й минуте боя (теперь германский броненосный крейсер стрелял только из одного 210-мм орудия кормовой башни) был вовремя замечен на «Рюрике», и уже через три минуты – в 11.20 – капитан первого ранга А.М. Пышнов приказал ворочать вправо и держать прямо на неприятеля.

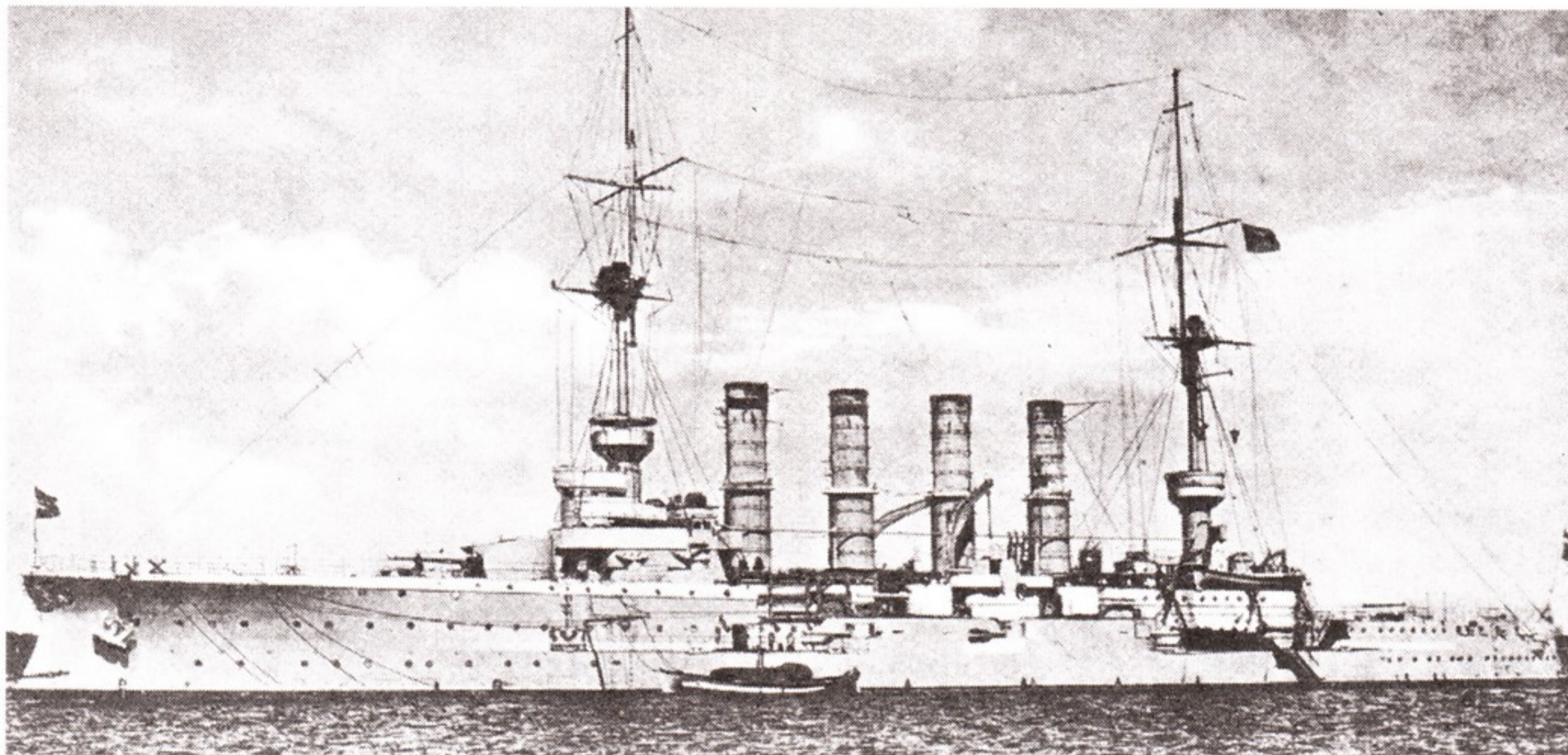
Именно в этот момент из кормовой боевой рубки «Рюрика» поступил доклад старшего офицера крейсера (на современный манер – старшего помощника командира) старшего лейтенанта М.М. Поливанова о том, что позади правого траверза обнаружен перископ идущей на корабль подводной лодки. Каперанг М.А. Пышнов действовал в соответствии с требованиями только что разработанной «Инструкции для уклонения от атак подводных лодок»: положив руля лево на борт, командир крейсера привел подводную лодку за корму, в небольшом расстоянии от которой был якобы усмотрен и след торпеды. В действительности германских субмарин здесь не было, но ложная тревога, в результате которой «Рюрик» оказался на курсе 90 градусов и прекратил огонь, позволила немцам выйти из боя.

В 11.40, когда на мглистом горизонте едва угадывались дымы удалявшихся кораблей коммодора И. Карфа, капитан первого ранга А.М. Пышнов повернул на север, а затем лег на курсы северо-восточной четверти для возвращения в Финский залив. Принятию этого решению способствовала и радиограмма контр-адмирала М.К. Бахирева: «Опасаться подхода неприятеля с юга». Это радио ушло в эфир, когда на «Адмирале Макарове» услышали шум канонады и начальник Отряда особого назначения повернул было в ее сторону. Однако Михаил Коронатович, опасавшийся, что противник пытается навести его крейсера на свои превосходящие силы (об этом свидетельствовали данные из разобранного германского радио), вскоре продолжил движение на соединение со «Славой» и «Цесаревичем».

Итак, в третьей фазе боя броненосный крейсер «Рюрик» выпустил по «Любеку», а затем по «Роону» 46 десятидюймовых, 102 восьмидюймовых и 163 120-мм «фугасные бомбы». Напомним, что по немецким данным германские корабли не получили прямых попаданий, хотя их палубы были засыпаны осколками от близких разрывов русских снарядов. Тем не менее представляют определенный интерес полученные штабом Балтфлота агентурные данные, согласно которым противник оценивал стрельбу русских кораблей в общем как хорошую, но с преобладанием перелетов, от которых «страдали надстройки». Русские снаряды германские специалисты разделили на два типа. Одни давали при разрыве крупные осколки и производили большие разрушения, другие – взрывались «в пыль, оказывая потрясающее моральное действие и большую силу газов», но слабое ударное воздействие. Кстати, ко второму типу относился снаряд, который (по агентурным сведениям) в бою 2 июля поразил крейсер «Любек».

Со своей стороны флагманский артиллерист штаба командующего Балтийским флотом капитан второго ранга В.А. Свинын высоко оценил качество стрельбы «Баяна» и «Рюрика», но счел неэффективным управление огнем 203-мм орудий «Адмирала Макарова» (хотя именно флагманский корабль М.К. Бахирева добился большинства попаданий восьмидюймовыми снарядами в «Альбатрос»).

¹³ В 11.14 с «Рюрика» усмотрели попадание 10 дюймовым снарядом, в результате которого «Роон» оказался «окутан черным дымом до мачт». Вскоре были замечены взрывы около кормовой башни и между грот-мачтой и четвертой дымовой трубой, вызывавшие пожар в кормовой части германского крейсера.

Броненосный крейсер «Роон»

Атака Хортона и возвращение противников в базы

Командующий «разведывательными силами Балтийского моря» контр-адмирал А. фон Гопман ожидал результатов похода своего младшего флагмана, оставаясь в устье Вислы – в районе Нойфарвассера. Однако до возвращения коммодора И. Карфа адмирал так и не смог составить полного представления о многообразных событиях 19 июня (2 июля). Приняв без искажений радиограмму об успешном завершении минной постановки, в 8.12 А. фон Гопман получил адресованную русским дезинформацию И. Карфа с приказанием «броненосным крейсерам и II эскадре» – «атаковать, обойти и отрезать» противника. Далее последовало указание «Альбатросу» идти к шведскому берегу и, наконец, сообщение «Рооном» своих координат, курса и скорости.

Несмотря на неясность оперативной обстановки, первый флагман «разведывательных сил» приказал срочно поднимать пары и меньше чем через четыре часа – в полдень – поспешил выйти в море с броненосными крейсерами «Принц Адальберт» (флаг), «Принц Генрих» и двумя оказавшимися под рукой эсминцами – «S138» и «S139». Торопясь на выручку коммодору И. Карфу, крейсера контр-адмирала А. фон Гопмана 17-узловым ходом шли из Нойфарвассера по фарватеру, расположение которого было выявлено английской подводной лодкой «Е9» еще двумя месяцами ранее. Случилось именно то, на что рассчитывало русское командование, направляя к Риксхефту субмарину георгиевского кавалера командера М. Хортона¹⁴...

Едва корабли А. фон Гопмана обогнули маяк Хель, видимость резко ухудшилась, и миноносцам пришлось приблизиться вплотную к флагманскому крейсеру. Через полчаса несколько прояснилось, но завесу из миноносцев немцы решили вперед не выдвигать, полагаясь на свою высокую скорость. Кроме того, впереди была очередная полоса тумана, а вокруг – многочисленные минные заграждения, поставленные русски-

¹⁴ Хортон, Макс Кеннеди (1883-1951) – адмирал (1940), которого сами англичане почитают наиболее выдающимся подводником в истории великобританского флота. На флот поступил в 1898 году и через шесть лет, будучи младшим лейтенантом, начал карьеру офицера подводного плавания. В предвоенные годы командовал лодками «А1», «С8», «D2» и «D6». Первую мировую войну встретил в должности командира одной из новейших лодок – «Е9». На Балтике М. Хортон воевал с октября 1914 года до декабря 1915 года, потопив за это время пять неприятельских судов и повредив броненосный крейсер «Prinz Adalbert» и миноносец «S148». В 1916-1918 годах командовал «эскадренными» подводными лодками «J6» и «K18» и «подводным монитором» «M1», а после окончания войны получил назначение на должность командира 4-й флотилии подводных лодок. Командир легкого крейсера «Conquest» (1922), линейного корабля «Resolution» (1930), II эскадры линейных кораблей (1932), I эскадры крейсеров (1935). Командующий Резервным флотом (1937).

К началу Второй мировой войны занимал должность командующего подводными силами, а в ноябре 1942 года стал командующим силами Западных подходов (Commander-in-Chief Western Approaches) и руководил противолодочной обороной морских коммуникаций на западных подступах к Британским островам. Оставил службу в 1946 году.

Кавалер орденов «За выдающиеся заслуги» (D.S.O.), Бани II (K.C.B.) и I (G.C.B) степеней, французского ордена Почетного Легиона. За боевые заслуги в годы Первой мировой войны М. Хортон был награжден российскими орденами Св. Георгия IV ст., Св. Владимира с мечами и Св. Анны с мечами и бриллиантами.

*Командир английской субмарины «Е9»
коммандер Макс Хортон*

ми. Как ошибочно полагало германское командование, из-за этих заграждений союзные подводные лодки еще не рисковали появляться в этом районе.

Макс Хортон обнаружил неприятельские корабли в 14.45 на удалении около 40 кабельтовых. К этому времени германцы успели отойти от Риксхевта на шесть миль и вышли из полосы тумана. Находясь в удачной позиции на заранее известном неприятельском фарватере, командир субмарины дожидался, когда цель приблизится на дистанцию верного выстрела. В 14.57 с расстояния «пистолетного выстрела» (чуть больше двух кабельтовых) англичане произвели двухторпедный залп с временным интервалом из носовых аппаратов по головному германскому кораблю, принятому ими за линейный корабль типа «Дойчланд» или «Брауншвейг». Кстати, это заблуждение британцев оказалось удивительно стойким. Даже Дж. Корбетт – автор III тома официального описания мировой войны на море (первое издание в 1923 году) – утверждает, что 19 июня (2 июля) 1915 года подводная лодка М. Хортона торпедировала линейный корабль «Поммерн».

На «Принце Адальберте» заметили воздушный пузырь от торпедного выстрела, а затем перископ и следы обеих торпед. Командир крейсера капитан цур зее Михельсен успел дать самый полный ход, но времени в его распоряжении оставалось слишком мало. Через несколько секунд прогремел первый взрыв: мина Уайтхеда попала в правый борт крейсера под носовой мостик. По свидетельству Г. Ролльмана, «гигантское черное облако газов и угольной пыли окутало крейсер». Тут же корабль содрогнулся во второй раз. Изрядно потрянуло и эскадренный миноносец «S139», шедший на левой раковине крейсера. Казалось, что вторая торпеда попала в корму «Принца Адальберта», но страхи немцев оказались напрасными – самодвижущаяся мина взорвалась при ударе о грунт. Пронаблюдав в перископ попадание в цель и заметив идущий на лодку эсминец, М. Хортон приказал увеличить ход и принять воду в добавочную цистерну (цистерну быстрого погружения). «Е9», едва увернувшись от таранного удара миноносца «S138», быстро

ушла на глубину и на 12-метровой глубине ударилась о грунт.

Взрывом английской торпеды на крейсере «Принц Адальберт» были убиты два унтер-офицера и восемь матросов. Через пробоину диаметром около двух метров вода затопила первую кочегарку, отделение бортовых торпедных аппаратов (боевое зарядное отделение одной из торпед было разбито, но не взорвалось), погреб боезапаса носовой башни главного калибра, центральный трюмный пост и командный пункт управления артогнем. Несколько переборок получили повреждения, от взрыва заклинило рулевой привод, и переключивать руль пришлось из румпельного отделения.

«Принц Генрих» был отправлен А. фон Гопманом в Данциг без сопровождения (лишь на подходах к порту в охранение крейсера вступил эскадренный миноносец «V108»), а подбитый «Принц Адальберт» в сопровождении эсминца «S139» двинулся к берегу, чтобы при необходимости иметь возможность выбраться на мель. Через два часа после взрыва корабль принял около 1200 тонн воды, осадка носом увеличилась до девяти метров, и вход в Нойфарвассер стал для крейсера недоступным. Контр-адмирал А. фон Гопман принял решение идти в Свинемюнде, захватив с собой плавбазу «Индианола» (в момент атаки ее тральщики работали на минном заграждении у Лебы), которая могла оказать помощь в борьбе за живучесть флагманского корабля до подхода из Свинемюнде буксиров и спасательных судов

Линейный корабль «Поммерн»

с водоотливными средствами. Из опасения повторной атаки неприятельской подводной лодки дали 15 узлов, но вскоре, стремясь уменьшить давление воды на подпертые переборки и горловины, уменьшили ход до 12 узлов.

Несмотря на то, что водоотливные помпы работали на полную мощность, вскоре носовая часть корабля погрузилась настолько, что полубак ушел под воду, и его срезы заработали как рули глубины. Кроме того, «Принц Адальберт» накренился на правый борт, но, к счастью для экипажа крейсера, самопроизвольное затопление угольных ям левого борта крен ликвидировало. В половине девятого немцам, отчаявшимся на ходу поднять из воды верхнюю палубу, пришлось прервать переход и стать на якорь у Штольпмюнде. Но несмотря на энергичную работу команды и помощь аварийных партий плавбазы «Индианола», вода продолжала прибывать. Вскоре ее количество достигло двух тысяч тонн, а осадка носом возросла до 11,5 метров. 20 июня (3 июля) в 4.00 крейсер снялся с якоря и под одной правой машиной задним ходом пошел в Свиномюнде. «Принц Адальберт» скверно слушался руля, и командиру приходилось управляться машинами и иногда для возвращения на курс давать ход вперед. Сомневаясь, что увеличившаяся осадка позволит кораблю войти в Свиномюнде, и стремясь воспользоваться тихой погодой, А. фон Гопман решил идти прямо в Киль. В три часа пополудни крейсер, встреченный у Рюгена миноносцами «S123» и «V99», стал на бочку в Кильской бухте. Ремонт «Принца Адальберта» продлился более двух месяцев. Получив тяже-

лые боевые повреждения, старый крейсер, не имевший современной конструктивной подводной защиты, самостоятельно прошел 295 миль (из них 240 – задним ходом), что, безусловно, делает честь немецкой кораблестроительной школе.

Однако вернемся к «Е9». 19 июня (2 июля) во второй половине дня (около 16.00), оставаясь у Риксхефта, англичане наблюдали возвращавшиеся в Данцигский залив корабли коммодора И. Карфа – «Роон», «Аугсбург» и «Любек» в сопровождении эскадренных миноносцев, но не смогли приблизиться к концевому кораблю ближе чем на 15 кабельтовых. Справедливо полагая свою миссию выполненной, командер М. Хортон направился в базу и утром 21 июня (4 июля) прибыл в Ревель.

Каковы же итоги этого похода? Во-первых, успешная атака британской субмарины существенно ослабила морские силы немцев на Балтике: один из немногочисленных крупных кораблей неприятеля был выведен из строя до середины сентября 1915 года. Во-вторых, после подрыва крейсера «Принц Адальберт» контр-адмирал А. фон Гопман оставил намерение оказать помощь своему младшему флагману, ведущему неравный бой с кораблями М.К. Бахирева, и в течение суток занимался спасением своего флагманского крейсера. Наконец, меткий торпедный выстрел Макса Хортон сыграл свою роль и в судьбе заградителя «Альбатрос»: авария крейсера лишила немцев последней возможности оказать помощь тяжелоповрежденному кораблю, сидевшему на мели у Эстергарна.

Забегая вперед, заметим, что успешные действия «Е9» (немцы приписали подводной лодке и потопление 1300-тонного транспорта «Урсула

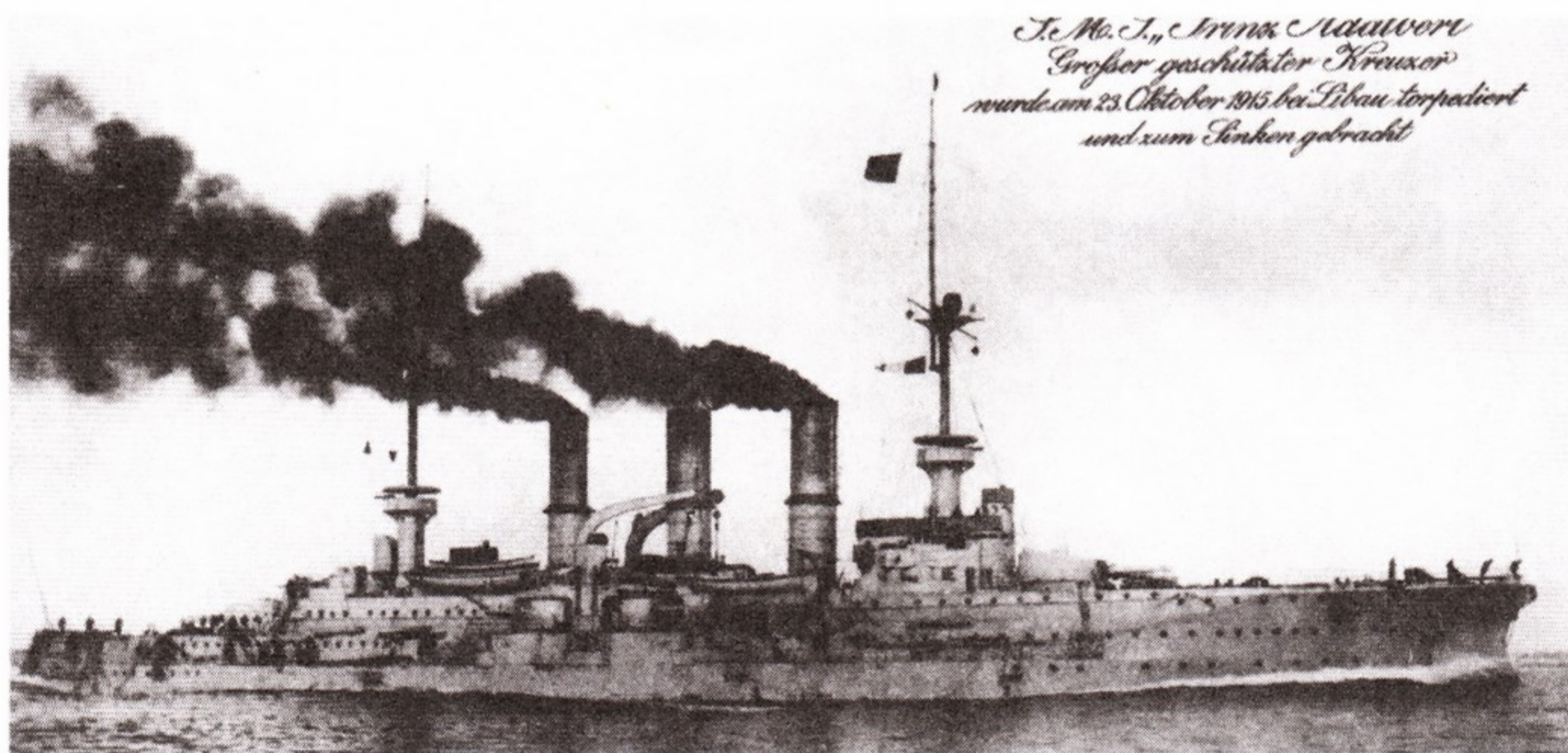
Фишер», подорвавшегося на mine на пути из Либавы в Данциг 18 июня (1 июля)) заставили германское высшее командование обратить на второстепенный Балтийский театр более пристальное внимание¹⁵. Приказом кайзера в состав морских сил Балтийского моря передавалась 8-я флотилия новых эскадренных миноносцев. Штаб главнокомандующего морскими силами Балтийского моря гросс-адмирала принца Генриха Прусского организовал систематическое противолодочное патрулирование в прибрежных водах южной части театра силами легких надводных кораблей и авиации. В июне-июле 1915 года на Балтике была сформирована полуфлотилия сторожевых кораблей. Когда все старания балтийского командования получить для охраны побережья еще одну флотилию миноносцев из Северного моря окончились неудачей, главнокомандующему пришлось пойти на ослабление группировки легких сил в западной Балтике для наращивания сил противолодочной обороны в восточной части моря. Восемь сторожевых судов перебазировались из Свиномюнде в Либаву, и сформированная из них флотилия к началу августа насчитывала двенадцать кораблей – в основном вооруженных рыболовецких судов.

Интересный штрих. В декабре 1917 года контр-адмирал А. фон Гопман вошел в состав германской делегации на переговорах о перемирии между Центральными державами и РСФСР. Великобританский морской агент (атташе) в Петро-

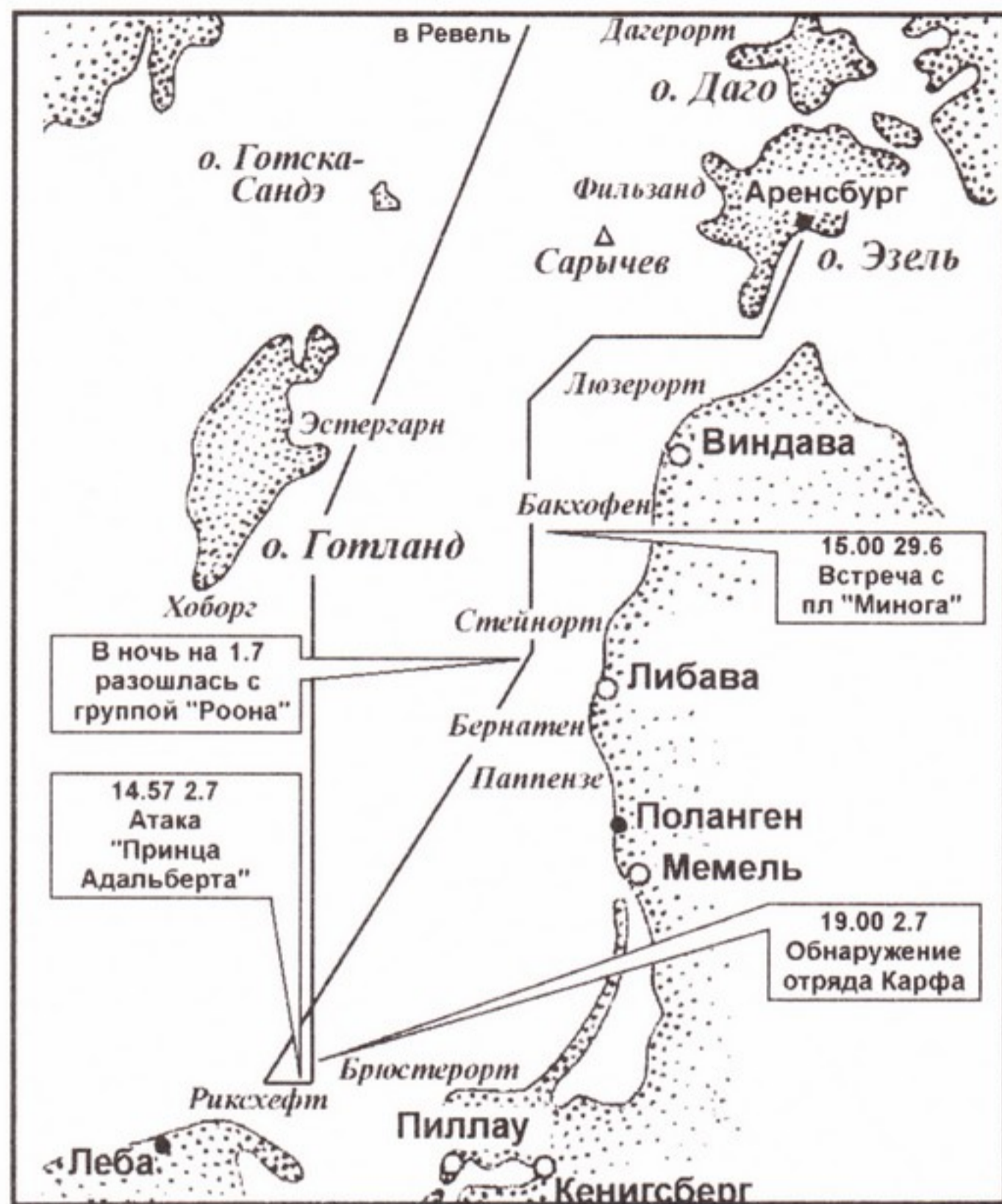
граде кэптен Ф. Кроми, упоминая в одном из донесений в Лондон о состоявшейся в Брест-Литовске встрече А. фон Гомпана с советским морским экспертом контр-адмиралом В.М. Альтфатером, писал: «Адмирал Гопман сказал ему (В.М. Альтфатеру. – Д.К.) в частной беседе, что английская флотилия (подводных лодок. – Д.К.) была для немцев фактически единственным источником беспокойства на Балтике, и гунны сформировали и постоянно держали в море специальные силы, чтобы бороться с этими «вредителями» («pests»). Альтфатер сказал, что германцы отказывались начинать переговоры, пока не получили гарантий прекращения английскими лодками боевых действий».

Около полудня 19 июня (2 июля) контр-адмирал М.К. Бахирев получил не вполне ясные данные радиоперехвата о сосредоточении неприятельской броненосной эскадры на пути Отряда особого назначения – у острова Готска-Сандэ. Поэтому начальник отряда уменьшил ход до 15,5 узлов, стремясь ускорить присоединение «Рюрика» к 1-й бригаде, и подтвердил «Славе» и «Цесаревичу» приказ идти навстречу. К 5.00 пополудни крейсера М.К. Бахирева встретились с линейными кораблями, прибывшими в точку рандеву в сопровождении восьми эскадренных миноносцев.

Броненосный крейсер «Принц Адальберт»

¹⁵ На шканцах «Принца Адальберта» был найден обломок подогревательного аппарата английской торпеды. Немцы располагали достоверными сведениями о том, что вторая из имевшихся на Балтике британских лодок – «Е1» – находилась в длительном ремонте, и сделали вывод, что атаку могла произвести только «Е9». Успех «девятой» 19 июня (2 июля) немало способствовал тому, что германцы все чаще именовали Балтику «морем Хортона».

Боевой поход подводной лодки «Е9», в ходе которого был торпедирован германский броненосный крейсер «Принц Адальберт»

Около этого времени контр-адмирал М.К. Бахирев получил радио командующего флотом с предписанием следовать не в Эре (согласно плану операции), а в Ревель. По свидетельству П.В. Лемишевского, «полученное приказание... привело почти всех в недоумение, ибо Финским заливом уже давно никто из больших кораблей не ходил, а если ходил, то только в темное время». Однако опасения новых атак неприятельских подводных лодок оказались напрасными, и в половине третьего ночи 20 июня (3 июля) корабли Отряда особого назначения прибыли в Ревель, благополучно завершив 785-мильный поход.

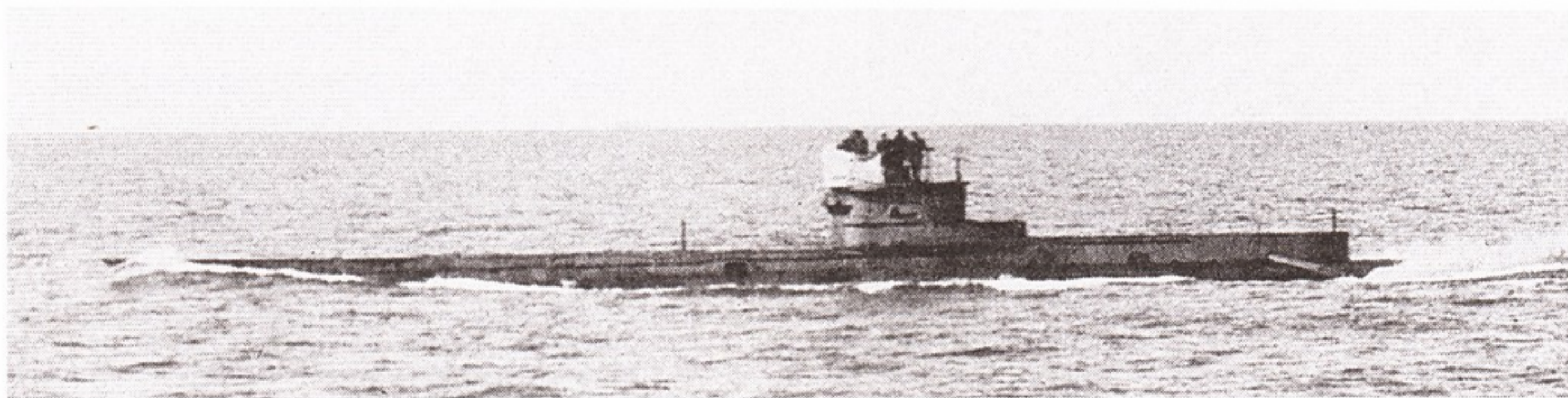
На следующее утро вице-адмирал В.А. Канин произвел смотр некоторым кораблям отряда, и в тот же день бригада крейсеров перешла в Гельсингфорс, где была встречена криками «ура» экипажей линкоров-дредноутов 1-й бригады, стоявших на внешнем Свеаборгском рейде. В ближайшие дни на «Адмирале Макарове», «Баяне» и «Рюрике» начались ремонтные работы, и уже в середине июля бригада контр-адмирала М.К. Бахирева вышла море для обеспечения перехода линейного корабля «Слава» в Рижский залив.

С рассветом 19 июня (2 июля) из Ирбенского пролива вышла в среднюю Балтику подводная лодка «Акула», которой вместе с полудивизионом особого назначения – эсминцами «Генерал Кондратенко» (командир – капитан второго ранга К.В. Шевелев, он же начальник полудивизиона), «Охотник» (капитан второго ранга П.В. Гельмерсен), «Сибирский стрелок» (капитан второго ранга П.В. Вилькен) и «Пограничник» (капитан второго ранга В.И. Руднев) – предписывалось поддержать крейсера контр-адмирала М.К. Бахирева в случае «их вынужденного под давлением

«Казанец» (капитан второго ранга М.И. Смирнов), «Украйна» (капитан второго ранга А.В. Салтанов), «Страшный» (капитан второго ранга Г.К. Старк) и «Туркменец-Ставропольский» (капитан второго ранга Н.П. Анжу) вступили в охранение образовавшейся эскадры, а «Выносливый», «Внимательный», «Бурный» и «Боевой» направились к «Рюрику».

Последний в 19.45 на банке Винкова обнаружил перископ подводной лодки – это был «Крокодил», оказавшийся несколько западнее назначенной ему позиции. Только что присоединившиеся к «Рюрику» миноносцы 7-го дивизиона энергично преследовали лодку лейтенанта К.К. Станюковича, а «Внимательный» под командой капитана второго ранга Н.Н. Азарьева даже задел ее кормовой частью, но, к счастью, без серьезных последствий.

Английская субмарина «Е9»

противника отхода». В полдень командир лодки старший лейтенант Н.А. Гудим получил приказ следовать к Эстергарну и противодействовать противнику, попытайтесь он снять с мели «Альбатроса». Вместе с «Акулой» для похода к Готланду была запланирована и «Минога», однако лодка лейтенанта В.Н. Кондрашева ушла к Стейнорту.

В 18.40, находясь в 30 милях восточнее-юго-восточнее Эстергарна, «Акула» была обнаружена германским гидросамолетом, безрезультатно сбросившим на русскую субмарину две бомбы. Аэроплан, вскоре после полудня вылетевший с либавской станции для осмотра побережья острова Готланд, аварийного «Альбатроса» так и не отыскал, однако на обратном пути атаковал «большую русскую подводную лодку». Полет немецкого «гидро» завершился вынужденной посадкой с повреждением поплавков; для удержания аппарата на поверхности пришлось снять и выбросить в море мотор, и лишь на следующий день самолет был спасен одним из катеров-тральщиков с плавбазы «Инкула».

В пятом часу утра 20 июня (3 июля) «Акула» приблизилась к «Альбатросу», рядом с которым стояли на якоре четыре шведских миноносца. Осмотрев сидящий на мели корабль противника с расстояния около семи кабельтовых, Н.А. Гудим¹⁶ установил, что подбитый неприятель является не крейсером «Нимфе», как до сих пор полагали М.К. Бахирев и, по его донесениям, командование флота, а минным заградителем «Альбатрос». Далее, согласно полученному распоряже-

нию, «Акула» осталась крейсировать в районе Эстергарна.

Со своей стороны германское командование, правда, сутками позже, выслало к месту аварии «Альбатроса» подводную лодку «U-A» с задачей «защиты от возможных действий против него русских кораблей». Выйдя из Либавы утром 20 июня (3 июля), германский «у-бот» на следующее утро также подошел к «Альбатросу» и осмотрел его, после чего двинулся для подзарядки аккумуляторных батарей на восток – как вскоре выяснилось, навстречу «Акуле».

Первыми неприятеля обнаружили русские подводники, и около шести часов пополудни старший лейтенант Н.А. Гудим скомандовал погружение для атаки. Через несколько минут и с германской подводной лодки усмотрели «предмет, величину и форму которого было трудно рассмотреть против солнца». Командир «U-A» повернул на обнаруженный объект и на всякий случай погрузился. Не наблюдая противника в перископ, остался в подводном положении и командир «Акулы». «U-A», не обнаруживая ничего подозрительного, перешла в позиционное положение и тогда вновь была обнаружена русскими на удалении около 12 кабельтовых. Повернув на цель, через три минуты Н.А. Гудим выпустил тор-

Эсминцы «полудивизиона особого назначения» в море. Головной – «Сибирский стрелок»

¹⁶ Гудим Николай Александрович (1882-1915) – капитан второго ранга (1915). Окончил Морской кадетский корпус (1902), офицерский класс Учебного отряда подводного плавания (1907). Служил на транспорте «Дунай» (1902), учебном судне «Прут» (1902), мином крейсере «Казарский» (1902), броненосце «Екатерина II» (1904), заведовал воздухоплавательной станцией в Севастополе (1903). На крейсере «Россия» участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Командовал подводными лодками «Скат» (1907-1910), «Окунь» (1911-1912), «Дракон» (1912-1915), «Акула» (1915). Погиб в боевом походе. Участвовал в разработке способов залповой стрельбы торпедами, автор учебника «Тактика подводных лодок», изобретатель устройства для работы дизеля под водой (РДП).

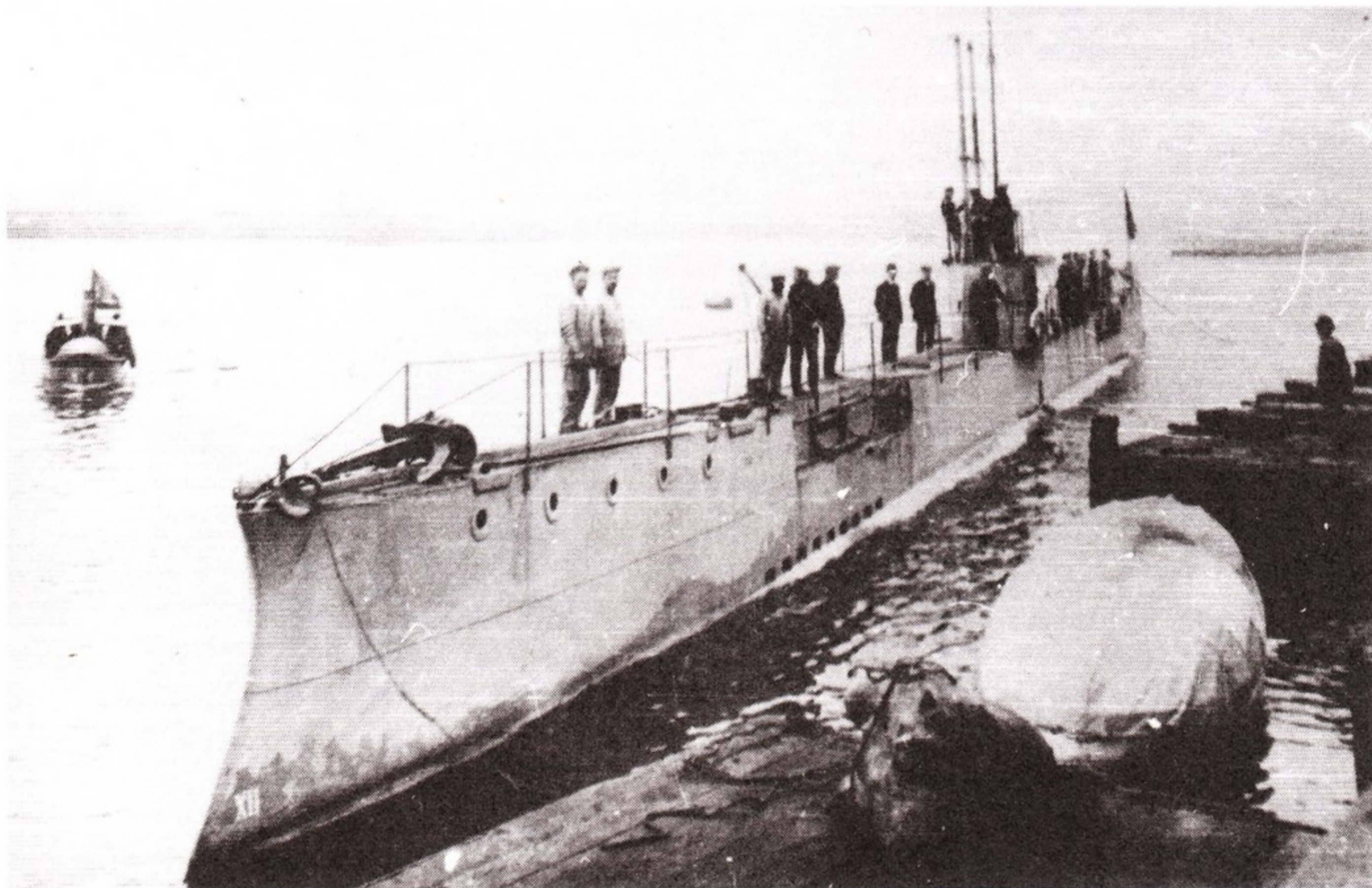

педу, а еще через две минуты – вторую. Немцы вовремя заметили перископ приближающейся «Акулы», тотчас всплыли в крейсерское положение и для лучшего маневрирования запустили оба дизеля.

Первая мина Уайтхеда, выпущенная с десяти кабельтовых, до цели не дошла, а от второй «У-А» легко уклонилась, поскольку немцы ясно наблюдали следы обеих торпед (удачный маневр командира лодки впоследствии был отмечен в приказе главнокомандующего морскими силами Балтийского моря). Пробыв на месте атаки до позднего вечера, германская лодка еще раз сходила к «Альбатросу», возле которого также усмотрела шведские миноносцы, и на следующий вечер начала возвращение в базу. 22 июня (5 июля) около 20.00 вернулась в Ирбенский пролив и «Акула».

Стремясь составить за границей впечатление, что «гибель заградителя не поколебала германского господства на Балтийском море», 20 июня (3 июля) гросс-адмирал принц Генрих Прусский адресовался к контр-адмиралу А. фон Гопману: «Настоятельно необходимо, чтобы не позднее завтрашнего вечера у Эстергарна на расстоянии хорошей видимости показались «Аугсбург»

Подводная лодка «Акула» и ее командир старший лейтенант Н.А. Гудим

Победа или упущенный шанс? (Вместо заключения)

с «V99» и, если возможно, то и «Бремен» с несколькими миноносцами. Использовать поход для разведки. Только после этого сделать перерыв для отдыха морских сил».

Начальник «разведывательных сил», которого приказ главнокомандующего застал в Данциге, назначил выход на следующий день. Однако упомянутый принцем Генрихом крейсер «Бремен», едва успевший прибыть на постоянную службу в Балтийское море, не мог принять участие в акции из-за недостатка в миноносцах: кроме «V99» (еще одного балтийского «новичка») к выходу в море были готовы только «S141» и «S142». Печальная участь «Альбатроса» заставила контр-адмирала А. фон Гопмана обратить более пристальное внимание и на оперативное прикрытие планируемой «демонстрации»: «Роону», «Принцу Генриху», «Любеку» и «Бремену», стоявшим в устье Вислы, а также находившимся в Либаве крейсеру «Тетис» и эсминцу «S130» была объявлена часовая готовность к выходу.

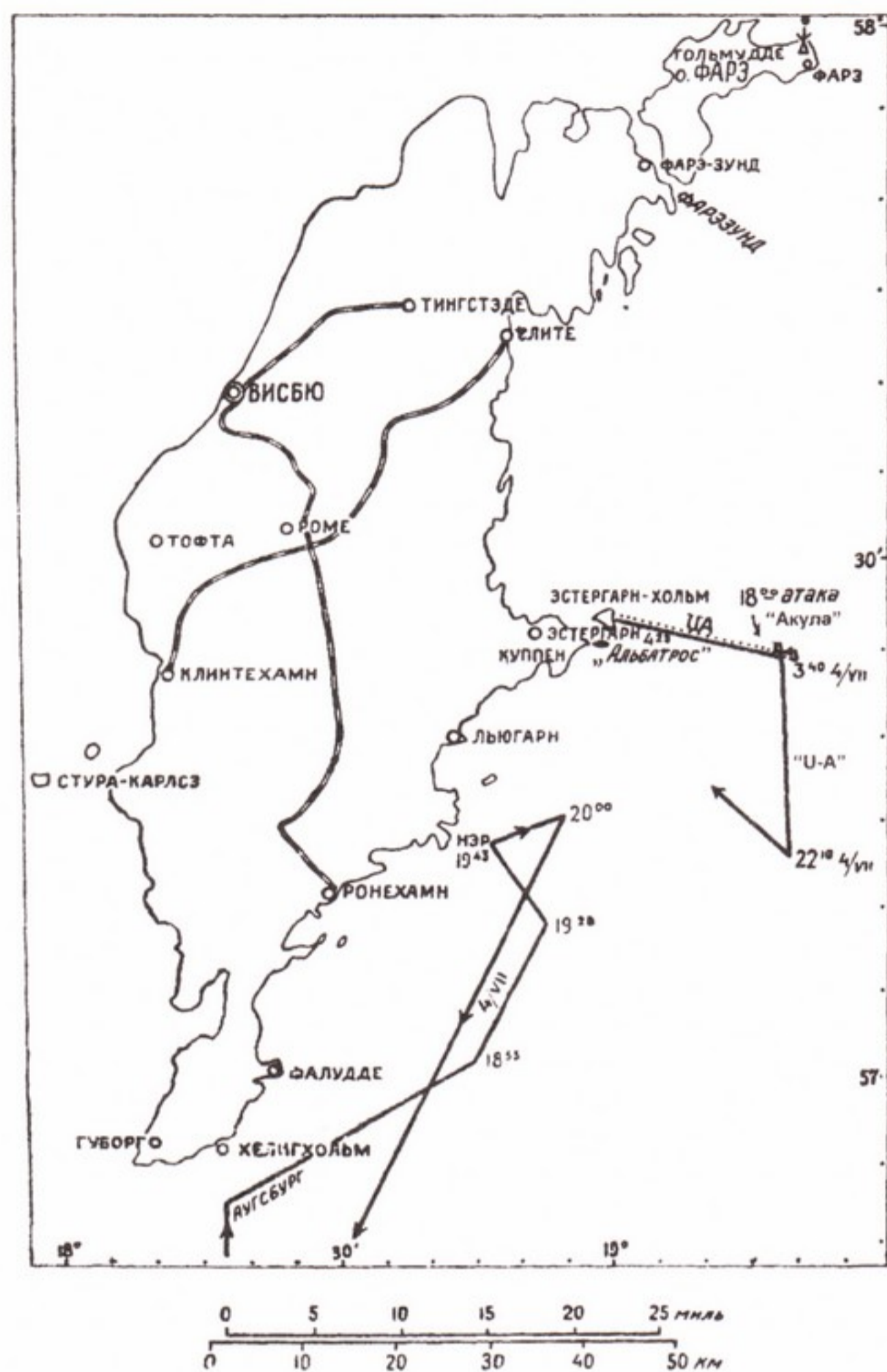
Утром 21 июня (4 июля) «Аугсбург» под брейд-вымпелом коммодора И. Карфа в сопровождении трех эскадренных миноносцев вышел в море. На полпути между Риксхейфом и Хоборгом «V99», шедший в голове походного отряда, просигнализировал на флагманский корабль об обнаружении мины, а затем под водой был усмотрен «подозрительный предмет». Не искушая более судьбу, И. Карф приказал миноносцам «S141» и «S142» поставить парный трал, за которым крейсер проследовал через опасный район. К половине девятого вечера «второй флагман» решил поворачивать восвояси, полагая, что поставленная ему задача решена: действительно, германский флаг был продемонстрирован жителям Хоборга, Хелигхольма, Фальбурдена и Нэра. Кроме того, существовала вероятность встречи с превосходящими силами русских или со своей подводной лодкой «U-A». Командир последней, который ничего не знал о выходе германского корабельного отряда, запросто мог принять его за российский и атаковать, тем более что трехтрубный эсминец «V99» был совершенно незнаком балтийским подводникам. 22 июня (5 июля) в 7.00 корабли коммодора И. Карфа вошли в Вислу, поставив точку в череде событий, связанных с боем у острова Готланд 19 июня (2 июля) 1915 года.

Итак, выход германского корабельного отряда коммодора И. Карфа для минной постановки в северной части Балтийского моря завершился потерей ценного минного заградителя «Альбатрос», недавно переведенного сюда из Северного моря, и тяжелыми повреждениями броненосного крейсера «Принц Адальберт» – флагманского корабля контр-адмирала А. фон Гопмана.

События у Готланда продемонстрировали недостаточную проработанность немецких планов на минную постановку 18 июня (1 июля) 1915 года и, по большому счету, вообще несостоятельность германского оперативного планирования. Не имея исчерпывающих и достоверных сведений ни о намерениях, ни даже о составе российских морских сил¹⁷, А. фон Гопман и И. Карф сочли возможным направить относительно слабый корабельный отряд в северную часть Балтийского моря без соответствующего обеспечения (в первую очередь – разведывательного) и оперативного прикрытия. По вполне обоснованному мнению В.Ю. Грибовского, «план носил авантюрный характер, чем и воспользовался более искусный противник». Обращает на себя внимание и низкая организация использования средств радиосвязи, которая не только демаскировала соединение И. Карфа, но и не позволила разобраться в обстановке А. фон Гопману: «Его запоздалый и одновременно поспешный выход «на выручку» младшего флагмана, который сражался неизвестно с кем, мог окончиться и хуже. Не очень быстрые (21-узловые) германские крейсера шли навстречу более мощным «Славе», «Цесаревичу» и «Рюрику», а теоретически не исключено, что и дредноутам типа «Севастополь».

Само германское высшее военно-морское командование в целом положительно оценило действия своих флагманов и командиров в событиях у острова Готланд. 28 июня (11 июля) принц Генрих Прусский представил в Адмирал-штаб доклад об обстоятельствах боя 19 июня (2 июля), составленный на основе донесения коммодора И. Карфа и командиров крейсеров и миноносцев.

¹⁷ Неприятельское морское командование, например, полагало, что русские линейные корабли типа «Севастополь» войдут в состав боеготовых сил не ранее осени 1915 года, тогда как в действительности все четыре балтийских дредноута прибыли в Гельсингфорс и присоединились к флоту в период с конца ноября 1914 года по начало января 1915 года.

Поход «Аугсбурга» и «U-А» к острову Готланд 21 июня (4 июля) 1915 года

минами Уайтхеда, поворот же русского отряда мог дать «Альбатросу» шанс на спасение. Впрочем, начальник Адмирал-штаба соглашался с тем, что крейсера М.К. Бахирева уничтожили бы германский минный заградитель и в шведских водах. Адмирал Г. Бахман обратил внимание и на недостаток миноносцев, не позволивший обеспечить противолодочную оборону крейсеров «Принц Адальберт» и «Принц Генрих», в результате чего эти корабли были оставлены А. фон Гопманом в базе. Между тем, единственной гарантией от «неприятельских нападений», по мнению начальника морского генштаба, являлось «получение точных сведений о выходах противника» путем непрерывного несения корабельных дозоров.

Доклад, 17 (20) июля сделанный в этом духе адмиралом Г. Бахманом кайзеру, не удовлетворил Вильгельма II, потребовавшего дополнительных разъяснений от флагманов «о причинах, побудивших как в начале операции, так и во время ее проведения отступить от основного принципа – сосредоточения сил».

Выполняя волю монарха, контр-адмирал А. фон Гопман еще раз обрисовал поставленные его силам задачи, не преминув напомнить о весьма почтенном возрасте большинства из вверенных ему кораблей и могуществе противника – русского Балтийского флота, который, судя по последним событиям, явно не собирался «отсиживаться» за центральной минно-артиллерийской позицией в устье Финского залива. «Общее ведение борьбы на Балтийском море строится на том предположении, что русский флот обладает очень ограниченной инициативой и дееспособностью. Без этой предпосылки общее превосходство сил русского флота – линейные корабли 4:0, броненосные крейсера 5:3, четыре бронепалубных крейсера против трех малых крейсеров, миноносцы около 72:12, а в последнее время безусловное преимущество в подводных лодках – заставляет во всякое время ожидать проведения ответных ударов», – писал, в частности, командующий «разведывательными силами». К подобным выводам пришел и коммодор И. Карф, учитывавший не всегда удачный опыт «набеговых» действий германских легких сил, которые, как прави-

Августейший гросс-адмирал одобрил план минной постановки и подтвердил, что разделение сил было произведено с его ведома. Главнокомандующий, правда, упрекнул «второго флагмана» в том, что он рано отпустил группу «Роона» в Либаву – «не держал отряд соединенно до последней возможности». Управление же силами в ходе самого боя и действия командиров кораблей «получили полное одобрение». Одобрив и отказ от попыток торпедных атак русских крейсеров эсминцами, принц Генрих вновь обратил внимание высшего руководства на «ограниченное боевое значение» состоявших в его распоряжении миноносных сил: «G135», например, едва мог дать 20 узлов хода и вернулся в Данциг всего с тремя тоннами угля.

Начальник Адмирал-штаба адмирал Г. Бахман в общем согласился с мнением главнокомандующего и с похвалой отозвался о командирах и личном составе кораблей. Он был солидарен и с тем, что «часть кораблей была слишком рано отпущена в Либаву и что в открытом море следовало проявить больше осторожности». Мнения адмиралов разошлись лишь в отношении оценки шансов торпедной атаки эскадренных миноносцев в первой фазе боя. Г. Бахман полагал, что два эсминца успели сблизиться на дистанцию залпа

ло, не имели оперативного прикрытия вовсе. В свою очередь принц Генрих в дополнительных пояснениях от 20 июля (2 августа) еще раз одобрил «разделение сил» и тем самым оградил «второго флагмана» от серьезных упреков. На этом дело было исчерпано: в Адмирал-штабе и главной квартире заключили, что потеря «Альбатроса» стала «следствием плохой видимости и существовавшей до того времени, однако, вполне обоснованно, недооценки противника».

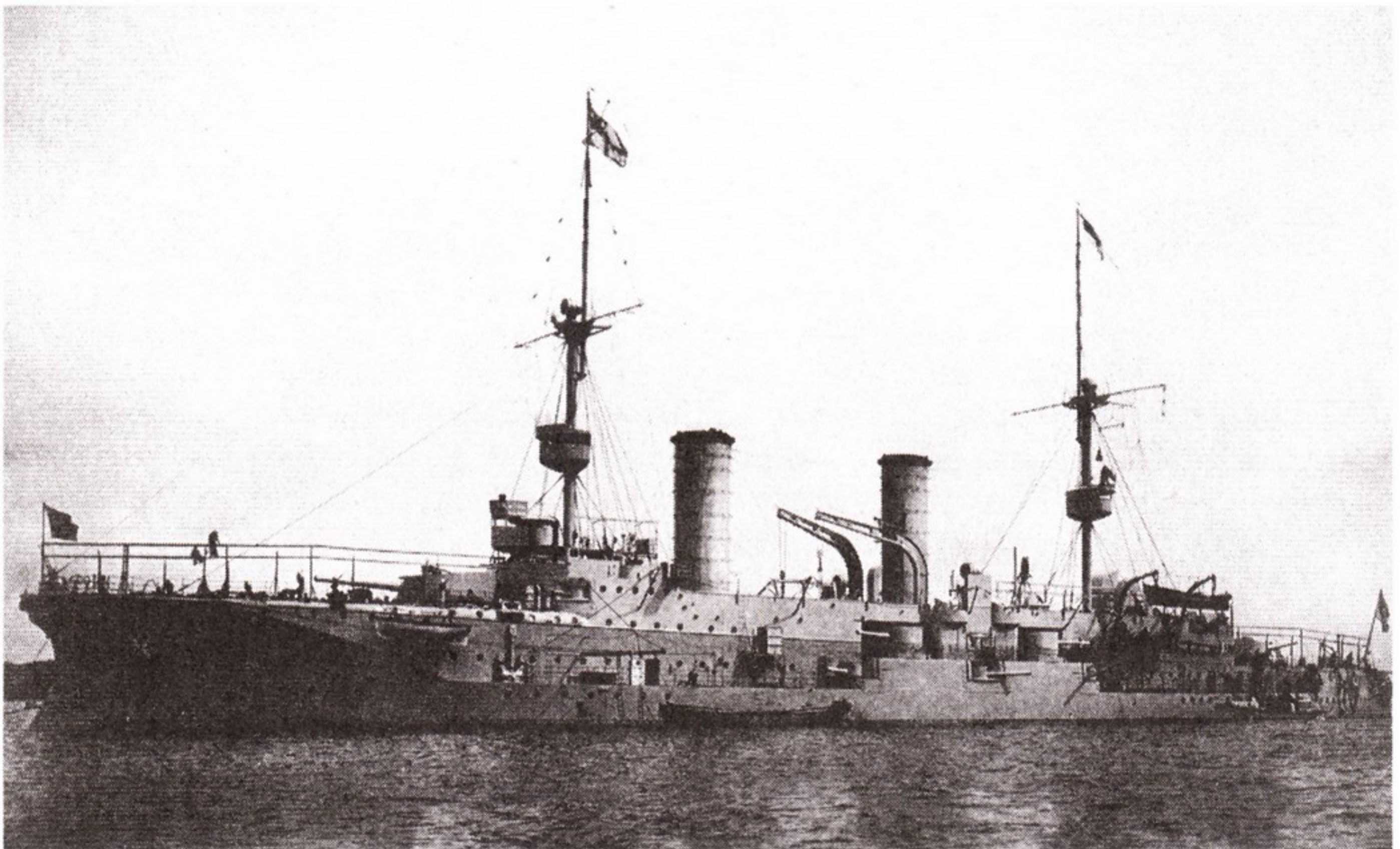
В своих суждениях германское высшее военно-морское руководство не обнаружило глубины оперативно-стратегического мышления и – как это нередко бывало – ограничилось поверхностной констатацией фактов и условий сугубо тактического масштаба. На это обстоятельство, кстати, еще в 1929 году обратил внимание историк Генрих Ролльман, полагавший, что «высшие инстанции, естественно, не могли все правильно понять». Сделав краткий, но весьма емкий анализ управленческих решений германских флагманов и командиров в ходе событий 19 июня (2 июля), исследователь сделал вполне справедливый, на наш взгляд, вывод: «Альбатрос» пал жертвой не тактических ошибок и не плохой видимости, а выхода русского Балтийского флота из его **пассивного оборонительного положения** (выделено мной. – Д.К.). Если бы он при своем превосходстве в числе и силе кораблей также неожиданно и также далеко вышел в море, как 1-я бригада

крейсеров 1 июля, то его успех был бы настолько же полным, насколько верным».

Кажется очевидным, что тактические решения немцев в бою 19 июня (2 июля) определялись их стремлением в кратчайшее время спастись бегством от превосходящих сил противника. По существу, германские корабли дружно отступали, прагматично бросив на верную гибель «обузу» в виде тихоходного «Альбатроса», снижающего отрядную скорость. На этом фоне тезисы принца Генриха Прусского о «самоотверженной поддержке кораблей» и «стремлении сблизиться с врагом» выглядят несколько надуманными. Некоторое сближение на сходящихся курсах, действительно имело место, но оно продолжалось не более четверти часа (речь идет о маневрировании «Аугсбурга» и «Роона» во время боя с «Рюриком») и едва ли может рассматриваться как доминирующая тенденция в тактике немцев в бою у острова Готланд. Как, впрочем, и в большинстве морских сражений и боев Первой мировой войны, в ходе которых корабли флота Вильгельма II показывали неприятелю корму.

Тем не менее надо отдать должное традиционно высокой тактической выучке германских командиров. Маневрирование «Аугсбурга» и «Аль-

Броненосный крейсер «Принц Генрих»

батроса» под огнем русских крейсеров стало хрестоматийным примером эффективного использования приемов, уменьшающих вероятность попаданий неприятельских снарядов, – зигзага с переменными углами поворотов, сопровождаемого резкими изменениями скорости. Нельзя не сказать и о том, что некоторые германские корабли (крейсер «Любек») продемонстрировали отменную стрельбу. В целом же противники добились сопоставимых успехов в использовании корабельной артиллерии, что в очередной раз опровергло самоуверенное мнение представителей германского морского командования (а следом и некоторых немецких историков) о «несомненно лучшей выучке» кораблей кайзеровского флота.

Со стороны же командования российского Балтийского флота оперативное управление силами отличалось продуманностью и тщательностью. Состав группировки, созданной для проведения «набеговой операции» в центральной Балтике, обеспечивал успешное решение поставленной задачи и, в случае необходимости, противодействие сосредоточенным на театре морским силам неприятеля. Более того, развертывание подводных лодок в районы базирования и на маршруты переходов корабельных сил противника, выдвижение полубригады линейных кораблей для оперативного прикрытия отряда контр-адмирала М.К. Бахирева, а также развертывание корабельной группы на ложное направление для демонстративных действий в известной мере гарантировали безопасность 1-й бригады крейсеров и от превосходящих сил флота противника. Появление таковых на Балтийском театре, напомним, никогда не исключалось российским командованием – как верховным, так и флотским.

Вообще, решение командующего флотом на «Мемельскую операцию» и, в частности, оперативное построение созданной для ее проведения корабельной группировки отвечали не только требованиям своего времени, но, по существу, соответствовали и основным канонам современного оперативного искусства военно-морского флота. При этом действия русского флота характеризовались гибкостью, позволившей эффективно применить на деле новейшие достижения радиотехники. Средства радиоразведки Балтийского флота дали командованию флота и Отряда особого назначения возможность достаточно полно ориентироваться в изменяющейся обстановке в режиме «реального времени» и впервые в исто-

рии военно-морского искусства обеспечили наведение своих сил на противника в море и предопределили вывод из строя до конца войны (по существу, уничтожение) ценного неприятельского корабля.

Что же касается тактических решений контр-адмирала М.К. Бахирева, который впервые вел вверенную ему бригаду в бой (не считая короткой перестрелки с крейсером «Мюнхен» и пятью миноносцами 23 апреля (7 мая) 1915 года у Либавы), то здесь все не так однозначно. В отечественной историографии преобладают весьма критические оценки действий начальника Отряда особого назначения и подчиненных ему командиров в бою 19 июня (2 июля) 1915 года. Кстати, в этом вопросе с советскими историками были солидарны и некоторые представители русского морского зарубежья, хотя последние, как правило, не обнаруживали стремления к слишком критическому анализу боевого прошлого Российского императорского флота. Однако контр-адмирал В.К. Пилкин, провоевавший всю Великую войну на Балтийском флоте, констатировал в 1951 году на страницах нью-йоркского эмигрантского журнала: «Дело (у острова Готланд. – Д.К.) нельзя назвать удачным».

В чем же суть «претензий», традиционно предъявляемых контр-адмиралу М.К. Бахиреву и его ближайшим подчиненным?

Прежде всего, на начальном этапе боя начальник Отряда особого назначения отказался от решительного сближения со слабейшим противником, которого, по выражению отечественного историка, «оставалось только раздавить». Свое маневрирование, кажущееся чрезмерно осторожным, М.К. Бахирев в своем донесении мотивировал стремлением «охватить голову противника». Впоследствии это обстоятельство дало целому ряду исследователей повод упрекнуть Михаила Коронатовича в тактической несостоятельности, а следом уличить в косности и доктринерстве в целом тактические воззрения, существовавшие в Российском флоте накануне и в годы Первой мировой войны.

Тон критике тактических решений М.К. Бахирева задал выдающийся советский военно-морской историк и теоретик М.А. Петров, который в известной работе «Два боя» (первое издание – в 1926 году), в частности, заметил: «Невольное спрашивается, зачем понадобился этот тактический прием, лишний и бесцельный? А между тем

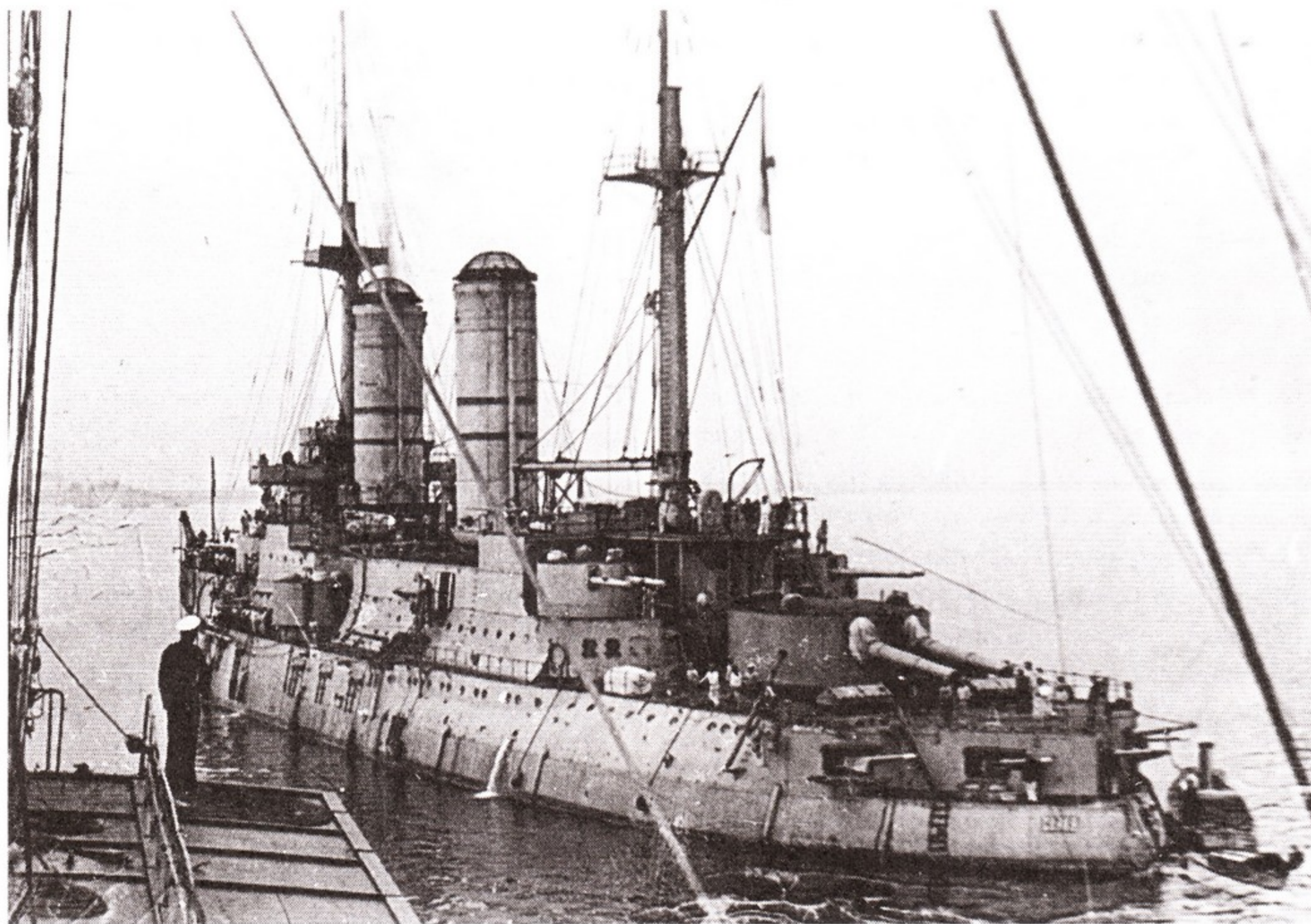
приказание исходило от адмирала, который за время войны во многих случаях проявил свою доблесть и показал себя с самой лучшей стороны. Не малодушием или нерешительностью можно объяснить это приказание, а исключительно предвзятой точкой зрения, которая воспитывалась в период тактической выучки флота, где «курсовой угол» и «охват» были китами всей постройки». Спустя пять лет о «крайне неискусном» ведении боя русскими крейсерами писал А.А. Сакович.

Подобной точки зрения придерживался и Н.В. Новиков, который в примечаниях к русскому изданию книги Г. Ролльмана (1935 год) указывал: «То, что в течение полуторачасового боя четыре русских крейсера, из которых каждый был сильнее «Альбатроса», не смогли уничтожить противника и дали ему укрыться в нейтральных водах, свидетельствует прежде всего о неудовлетворительном руководстве боем и чрезвычайно низкой дисциплине огня. Применение сложных приемов тактики и излишнего маневрирования вместо сближения на решительную дистанцию привело в результате к продолжительной суматошной стрельбе всех кораблей по одной цели, при которой вопреки правилам сосредоточения огня крейсера мешали друг другу и, производя

чрезвычайно большой расход боевых запасов, смогли лишь подбить слабейшего противника».

О слабой организации управления огнем русских крейсеров рассуждал впоследствии П.В. Лемишевский, бывший во время боя у Готланда артиллерийским офицером крейсера «Баян». По его мнению, исходившие от начальника отряда приказания были «недостаточно категоричны, определены и ясны», а артиллеристы русских крейсеров, впервые с начала войны имевшие дело с серьезным противником, «дорвались до неприятеля и забыли все, кроме желания выпустить как можно больше снарядов, не заботясь о целесообразности». Павел Викторович упрекал М.К. Бахирева и в том, что даже после ухода «Аугсбурга» он не перенацелил «Богатыря» и «Олега» на миноносцы, дав «Адмиралу Макарову» и «Баяну» возможность вести по «Альбатросу» полубригадную стрельбу, «практика в которой у артиллеристов была, и результаты, совершенно другие, безусловно, сказались бы скоро...». Весьма любопытно и еще одно личное наблюдение П.В. Лемишев-

Линейный корабль «Слава», включенный командующим флотом в состав сил оперативного прикрытия

Броненосный крейсер «Рюрик»

ского: «Вспоминая теперь все разговоры, ведшиеся среди офицеров, нельзя не указать на то, что общий тон их выражал неудовольствие распоряжениями начальника отряда крейсеров и сознание, что это не бой..., а безжалостный расстрел, и то неудачно организованный».

На «грубые тактические ошибки» начальника Отряда особого назначения указывали авторы первого систематизированного описания Великой войны на отечественных морских театрах – труда «Флот в первой мировой войне» (1964 год): «Обстановка в бою у острова Готланд была благоприятной для русских крейсеров. При умелом использовании ее русские крейсера могли нанести чувствительный удар по германским легким силам, уничтожив несколько кораблей. Но командир отряда... вместо сближения на короткую дистанцию для решительного боя занялся сложными маневрами – «охват головы противника» и «охват противника двумя отрядами»¹⁸, не соответствовавшими обстановке. В результате германские корабли были упущены». На уничтожение «Альбатроса», по мнению авторов книги, «при правильной организации боя» потребовалось бы 10–15 минут, а не полтора часа, в действительности затраченных кораблями Отряда особого назначения.

Однако современные достижения отечественной военно-исторической науки заставляют внести в традиционные оценки эффективности действий отряда М.К. Бахирева 19 июня (2 июля) 1915 года весьма существенные поправки.

Прежде всего, анализ маневрирования русских кораблей, выполненный профессором В.Ю. Грибовским, показал, что на начальном этапе боя крейсера 1-й бригады маневрировали простейшим и наиболее удобным для стрельбы способом – по боевой локсодромии, т.е. линии, обеспечивающей удержание цели на постоянном своем курсовом угле. Тезис же об «охвате головы противника» появился в рапорте начальника отряда вследствие того, что «Бахирев, очевидно, хотел придать своим тактическим решениям больше блеска, что и нашло отражение в его донесении, а ранее – в вахтенном журнале «Адмирала Макарова».

Наконец, в работах А.А. Киличенкова и М.А. Парталы обращается внимание и на еще одно немаловажное обстоятельство – неверную классификацию русскими минного заградителя «Альбатрос», принятого за малый крейсер «Ундине». Ошибку, объяснимую, надо полагать, скверной видимостью и изрядным сходством силуэтов этих кораблей.

Действительно, в первом радиодонесении командующему флотом контр-адмирал М.К. Бахирев докладывал: «На параллели мыса Эстергарн. В 2 ч ночи имел броненосный крейсер «Рюрик»

¹⁸ Под «охватом противника двумя отрядами» М.А. Петров, а следом и авторы труда «Флот в первой мировой войне» понимали обход «Альбатроса» второй полубригадой («Богатырь» и «Олег») после сигнала начальника отряда «Действовать по усмотрению». Однако в данном случае позднейшие исследователи явно «домыслили» за М.К. Бахирева, который отнюдь не собирался конструировать столь сложный боевой порядок для борьбы со столь слабым противником. Поворот «Богатыря» стал следствием не «затмения» М.К. Бахирева (выражение М.А. Петрова), а инициативы командира крейсера капитана первого ранга Д.Н. Вердеревского, который таким образом пресек возможность отхода «Альбатроса» на север.

южнее себя. С остальными крейсерами бригады в сильной мгле имел бой с одним [крейсером] т[ипа] «Аугсбург», «Ундиной», тремя миноносцами. [В] 9 ч утра «Ундина», сильно поврежденная, спустила флаг и выбросилась на восточном берегу... [В] 10 ч утра в том же составе вступил в бой с «Рооном», одним крейсером типа «Аугсбург» и миноносцами. [В] 10 ч 30 мин неприятель начал уходить на S. Приказал «Рюрику» атаковать его. [В] 10 ч 45 мин «Рюрик» вступил в бой с «Рооном», «Аугсбургом» и одним [крейсером] т[ипа] «Бремен». [В] 11 ч 30 мин «Рюрик» прекратил преследование».

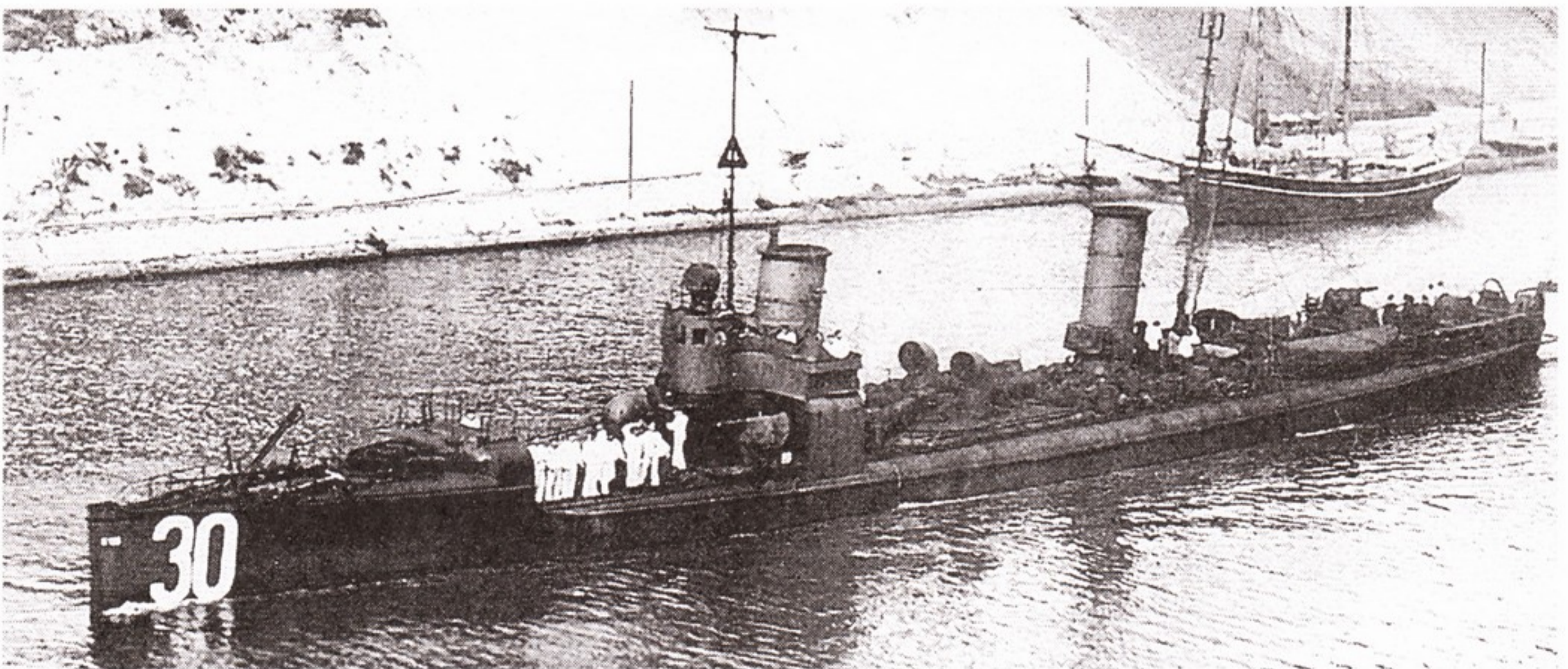
Допущенная в ходе боя ошибка в классификации цели была исправлена только к исходу следующих суток, когда поступило радио командира подводной лодки «Акула», направленной командующим флотом к Эстергану. По возвращении в базу старший лейтенант Н.А. Гудим докладывал: «В 4 ч 30 мин [3 июля] немного левее курса на фоне берега разобрал выбросившийся крейсер. В 4 ч 40 мин погрузился и пошел к нему под водой. В 7 ч 15 мин утра прошел за кормой выбросившегося корабля в расстоянии около 7 кабельтовых и совершенно определенно разобрал, что это минный заградитель «Альбатрос».

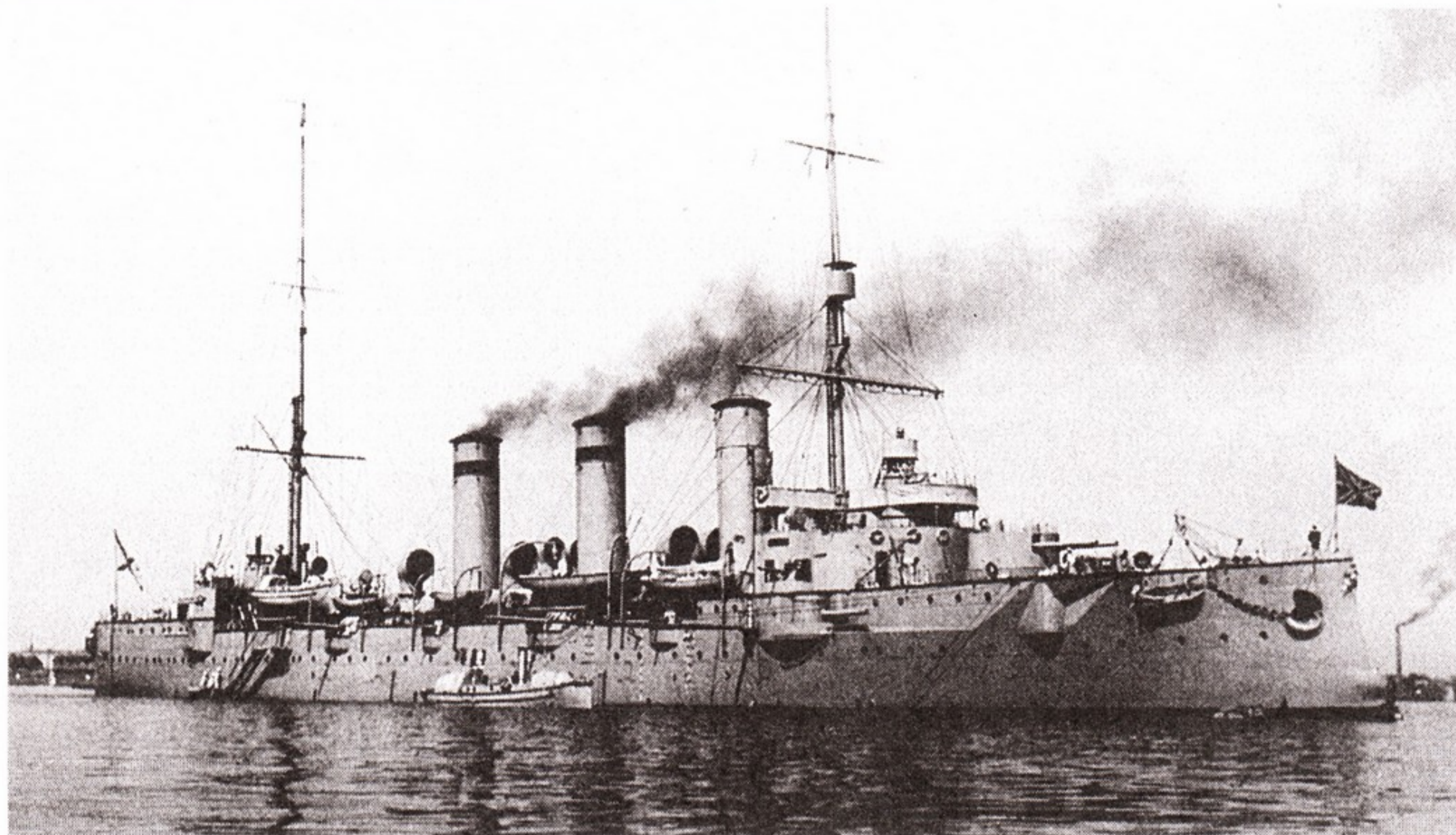
Между тем последствия этой неточности, казалось бы, несущественной, оказались весьма значимыми. Уместно вспомнить о том, что замысел всей «Мемельской операции» строился на предположении о сосредоточении всех неприятельских морских сил в Киле. По данным штаба флота, в центральной и тем более в северной частях моря не должно было находиться никаких германских кораблей, разве что слабосильный дозор между островом Готланд и побережьем

Курляндии. На этом фоне обнаружение неприятельского корабельного соединения, оперирующего в средней Балтике, причем в тылу Отряда особого назначения, заставило М.К. Бахирева усомниться в достоверности выводов из оценки обстановки, сделанных штабом флота при определении замысла и выработке решения на операцию. Стало очевидным, что немцы проводят свою операцию активного характера, цель которой оставалась для русского адмирала неизвестной. Как оставался неизвестным и состав задействованных противником сил, в числе которых могли оказаться и соединения Флота открытого моря. Информация о наличии минного заградителя в составе германского отряда могла бы прояснить обстановку, но этого, увы, не случилось. Обнаружение же группы неприятельских крейсеров, которые вполне могли лишь обеспечивать действия более крупных сил, и, следовательно, вероятность встречи с превосходящим и, главное, более быстроходным неприятелем заставляли М.К. Бахирева – «воина спокойного и хладнокровного» (выражение В.К. Пилкина) – действовать с предельной осторожностью.

Кроме того, М.К. Бахиреву и командирам крейсеров приходилось принимать во внимание возможность использования неприятельским «крейсером» торпедного оружия. На это, в частности, указывал капитан второго ранга князь М.Б. Черкасов в ответе на запрос начальника Морского генерального штаба вице-адмирала А.И. Русина о возможности нарушения русскими

Германский эсминец «S130»

Крейсер «Олег»

кораблями шведского нейтралитета. «Крейсера не подходили к «Альбатросу» ближе трех миль во все время боя, опасаясь минных выстрелов», — докладывал князь Михаил Борисович, доказывая, что корабли М.К. Бахирева не могли оказаться в территориальных водах нейтрального королевства. Очевидно, что правильная классификация неприятельского корабля как небронированного заградителя, вооруженного лишь 88-мм артиллерией и не имевшего торпедных аппаратов, позволила бы начальнику Отряда особого назначения действовать энергичнее.

Таким образом, как справедливо замечает М.А. Партала, «большинство публикаций с критикой действий командира русского отряда основано, как правило, на точном знании авторами «post factum» обстановки и состава сил противника, в то время как реальную обстановку характеризовала достаточно высокая степень неопределенности». Именно эта неопределенность и не позволила М.К. Бахиреву своевременно разделить силы и добиться уничтожения или, во всяком случае, разгрома слабейшего корабельного отряда противника, как это сделал в бою при Фолклендах семью месяцами ранее английский вице-адмирал Ф. Стэрди. Существенная деталь: последний, в отличие от М.К. Бахирева, ничем не рисковал, поскольку был уверен в том, что во

всей Южной Атлантике других неприятельских кораблей нет.

Напомним и об еще одном важном факторе тактической обстановки — скверной видимости. Именно туман не позволил М.К. Бахиреву выполнить приказ командующего флотом о бомбардировке Мемеля. Из-за тумана эсминцы 6-го дивизиона не смогли присоединиться к бригаде крейсеров, а «Новик» сделал это с восьмичасовым опозданием. Из-за тумана, временами настолько густого, что с мостика не было видно кормы переднего мателота, «Рюрик» и «Новик» оторвались от отряда М.К. Бахирева, а затем «Новик» отстал от «Рюрика». Наконец, непосредственно в бою плохая видимость мешала начальнику русского корабельного отряда отслеживать и оценивать обстановку и не позволяла должным образом организовать использование оружия. По оценке выдающегося отечественного морского артиллериста капитана второго ранга В.А. Свинына, состоявшего в 1913-1915 годах флагартом штаба командующего Балтийским флотом, «условия стрельбы были исключительно трудные..., часто совсем не видно падения».

Эта, проблема, кстати, была типичной для Первой мировой войны, которая продемонстрировала явно обозначившийся разрыв между возросшим ударным потенциалом сил и их весьма скромными возможностями в обнаружении противника и выдаче целеуказания для использования оружия. Состоявшие на вооружении средства визуального наблюдения при неблагоприят-

ных гидрометеорологических условиях зачастую не позволяли реализовывать возможности корабельного оружия, что приводило к срыву решения поставленных задач (наиболее яркие примеры – бой русского Черноморского флота с германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» у мыса Сарыч 5 (18) ноября 1914 года, Ютландское сражение главных сил великобританского и германского флотов 18-19 мая (31 мая – 1 июня) 1916 года). Это обстоятельство изрядно ограничивало тактические, а значит и оперативные возможности корабельных группировок и поставило на повестку вопрос о создании и внедрении технических средств обнаружения и целеуказания, который был решен в межвоенный период с появлением радиолокационных средств.

Еще одним общим местом в отечественной исторической литературе стала критика «пассивного поведения» контр-адмирала М.К. Бахирева во второй фазе боя – столкновении 1-й бригады крейсеров с группой броненосного крейсера «Роон». Действительно, между 10.00 и половиной одиннадцатого утра 19 июня (2 июля) начальник Отряда особого назначения имел почти двукратное превосходство в весе бортового залпа и четыре крейсера против двух германских. По существу, вместо решительной атаки противника М.К. Бахирев не более чем «отбивался» от неприятеля, причем «отбивался» только частью сил: «Адмирал Макаров» и «Богатырь», выпустившие лишь по несколько снарядов, являлись не более чем сторонними наблюдателями боя.

Попытаемся, однако, проанализировать мотивы решения российского флагмана об отказе от сближения с «Рооном» и «Любеком» и их дальнейшего преследования. Во-первых, М.К. Бахирев вынужден был считаться с возможностью присутствия в районе боя германских подводных лодок, об «обнаружении» одной из которых «Богатырь» сигналом оповестил бригаду в 9.35 – за полчаса до соприкосновения с неприятельскими кораблями. Напомним, что попытки «выманивания» крупных надводных кораблей противника на позиции подводных лодок уже предпринимались немцами на Балтике, и это было известно российскому командованию. А «Роон», «Любек» и миноносцы ретировались именно туда, где с «Богатыря» был якобы замечен перископ коварного «у-бота». Не имея миноносцев для организации непосредственного противолодочного охранения бригады, начальник отряда не мог

быть уверенным в безопасности своих крейсеров от атак из-под воды, и последующие события, казалось, подтверждали его опасения: уже в 11.15 «Олег» обстрелял очередной «перископ», а через полчаса остальные крейсера открыли энергичный, но беспорядочный огонь по еще одной мнимой субмарине.

Во-вторых, как и в случае с «Аугсбургом» и «Альбатросом», существовала вероятность вступления в дело крупных надводных сил противника. Более того, русскими была перехвачена неприятельская радиограмма, содержание которой позволяло сделать вывод о присутствии германской броненосной эскадры в районе острова Готска-Сандэ, то есть к северу от места боя. Линкоры и линейные крейсера Флота открытого моря уже не раз появлялись в Балтийском море, да и командер М. Хортон докладывал об обнаружении двух неприятельских линейных кораблей в юго-восточном «углу» моря.

В действительности, как мы теперь знаем, ни надводных кораблей, ни подводных лодок неприятеля поблизости не было. Однако у Михаила Коронатовича уверенности в этом не было. Зато – и это в-третьих – он точно знал, что еще на первом этапе боя его флагманский корабль – крейсер «Адмирал Макаров» – израсходовал 67% боекомплекта 203-мм снарядов. Именно это обстоятельство удержало контр-адмирала М.К. Бахирева от сосредоточенной полубригадной стрельбы по «Роону». Приказав командиру «Баяна» вести бой с неприятельским броненосным крейсером, начальник Отряда особого назначения распорядился прекратить стрельбу с «Адмирала Макарова» для сохранения – «на всякий случай» – оставшихся в погребах флагманского крейсера восьмидюймовых снарядов.

Зачастую «достаётся» и командиру «Рюрика» капитану первого ранга А.М. Пышнову, который, по мнению авторов труда «Флот в первой мировой войне», «не проявил должной настойчивости в бою с крейсером «Роон» и не развил первоначального успеха». «Почему «Рюрик» не довел до конца столь успешно начатого боя...? Почему «Рюрик» не бросился искать противника в том направлении, где последний скрылся, имея большой шанс принудить его вновь к бою, так как обладал ходом, не меньшим, чем «Роон»?» – спрашивает М.А. Петров. Правда, Михаил Александрович вспоминает о полученном на «Рюрике» предупреждении М.К. Бахирева: «Опасаться под-

хода неприятеля с юга», но не считает это обстоятельство «уважительной причиной» для отказа от преследования неприятеля, хотя последний, заметим, отступил как раз в южном направлении. В отсутствии у командира русского броненосного крейсера «сознания о возможности и допустимости риска» автор книги «Два боя», по своему обыкновению, склонен усматривать пагубное влияние довлеющих тактических догм, а именно «опасения попасть под удар превосходящих сил германского флота, присутствие которых возможно было предполагать». Однако, как нам кажется, критика решений командира, который в неопределенной обстановке проявил вполне уместную осторожность и действовал в соответствии с общепризнанными принципами военного искусства, едва ли состоятельна.

Рассуждая о тактических уроках боя у Готланда, вспомним и о том, что события 19 июня (2 июля) 1915 года заставили ускорить оснащение «Олега» и «Богатыря» новыми 130-мм орудиями и приборами управления стрельбой, а также замену боеприпасов 120-мм пушек «Рюрика», позволившую увеличить дальность их стрельбы до 78 кабельтовых.

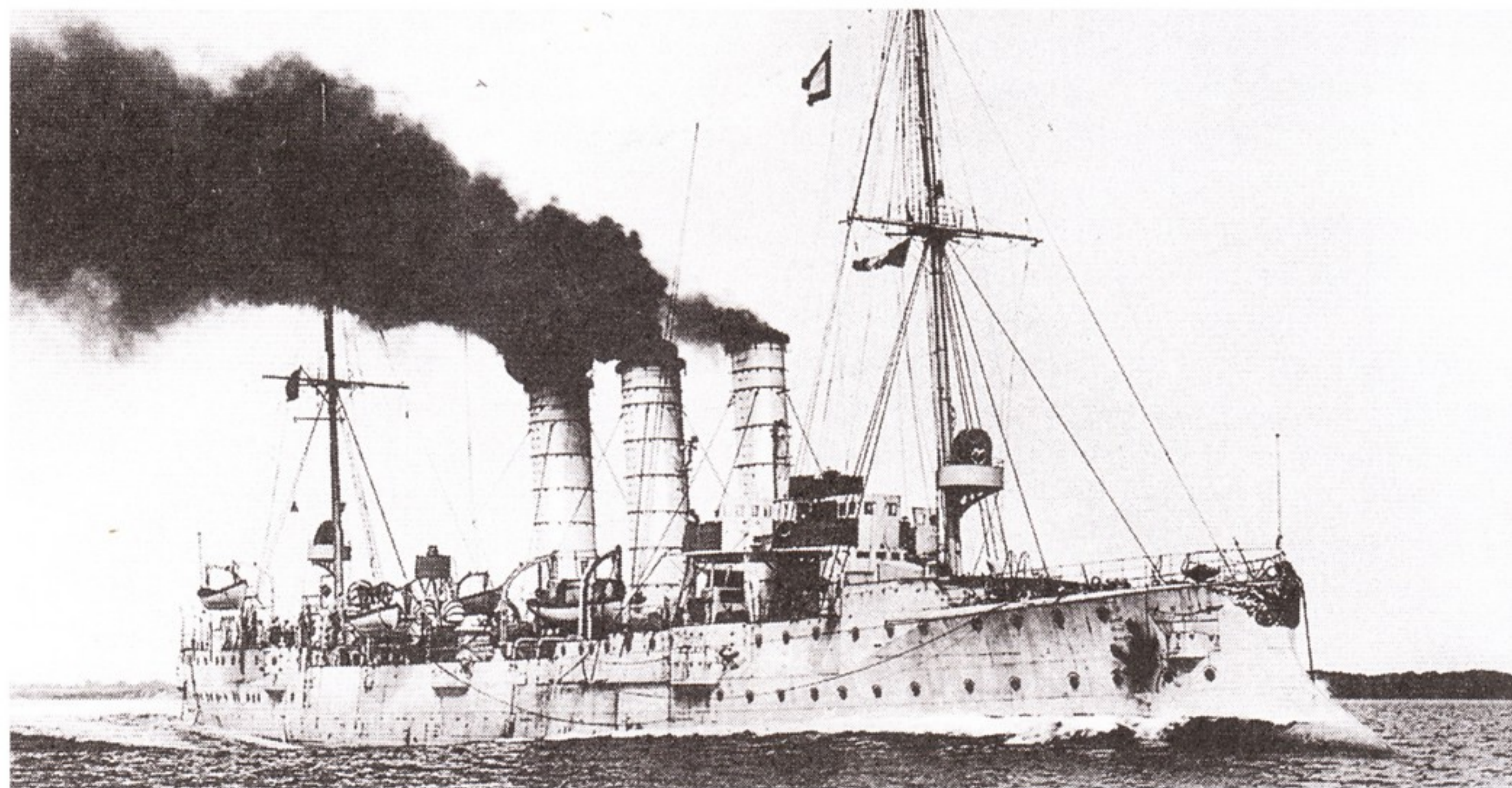
Опыт боя заставил вернуться к вопросу об усилении артиллерийского вооружения крейсеров типа «Баян», впервые поднятому еще в нача-

ле войны командующим флотом адмиралом Н.О. фон Эссенем. В августе 1914 года командующий Балтийским флотом писал начальнику Морского генерального штаба вице-адмиралу А.И. Русину: «Относительная слабость наших крейсеров по сравнению с противником и возможность продолжения войны еще долгое время побуждает меня усилить вооружение крейсеров».

В сентябре 1915 года специально созданная комиссия сочла целесообразным установить на «Баяне» и «Адмирале Макарове» дополнительно по одному 203-мм и четыре 152-мм орудия. Работы были выполнены «Ревельским судостроительным заводом Либавского общества железодельных и сталелитейных заводов» («Адмирал Макаров») и «Русско-Балтийским судостроительным заводом» в Ревеле («Баян») в начале 1916 года. Восьмидюймовое орудие со щитом установили на верхней палубе между машинным световым люком и грот-мачтой в диаметральной плоскости. Углы обстрела составили по 100 градусов на борт, крылья кормового мостика были уменьшены. В районе 50-51 и 77-78 шпангоутов установили по два 152-мм орудия на борт с углами обстрела 130 градусов. Углы возвышения всех шестидюймовок увеличили до 25 градусов, что увеличило полную дальность стрельбы до 86 кабельтовых.

Дерзнем не согласиться с расхожей точкой зрения, согласно которой события 19 июня (2 июля) 1915 года являются не более чем «одним из боевых эпизодов» и «не могут быть рассматриваемы даже как заметный этап в общем ходе событий войны на Балтийском море» (М.А. Петров).

Малый крейсер «Бремен», переведенный в Балтийское море после июньских (июльских) событий 1915 года

Тактико-технические элементы германских кораблей в бою у острова Готланд 2 июля 1915 года

Класс и название корабля	Водоизмещение, т	Скорость, уз	Вооружение			Экипаж, чел.
			Число орудий – калибр, мм/ длина ствола в калибрах, число торпедных труб	Дальность стрельбы, каб	Вес бортового залпа, кг	
Броненосный крейсер «Роон»	10266	21,1	4 – 210/40; 10 – 150/40; 14 – 88/35; 4 т.т.	89 75 50	733	633
Малый крейсер «Аугсбург»	4915	26,7	12 – 105/45; 2 т.т.	67	103	379
Малый крейсер «Любек»	3816	23,1	10 – 105/40; 2 т.т.	67	86	288
Минный крейсер (заградитель) «Альбатрос»	2506	20,1	8 – 88/35; 200 мин	50	27	237
Эскадренные миноносцы «S141», «S142», «S147», «S149»	684	30,0	1 – 88/35; 3 т.т.	50	7	80
Эскадренные миноносцы «S130», «S131», «S135»	544	27,0	1 – 88/35; 3 т.т.	50	7	57
ИТОГО: 11 кораблей	25871	–	4 – 210; 10 – 150; 22 – 105; 29 – 88; 29 т.т.	–	1038	2028

Тактико-технические элементы кораблей Отряда особого назначения в бою у острова Готланд 2 июля 1915 года

Класс и название корабля	Водоизмещение, т	Скорость, уз	Вооружение			Экипаж, чел.
			Число орудий – калибр, мм/ длина ствола в калибрах, число торпедных труб	Дальность стрельбы, каб	Вес бортового залпа, кг	
Броненосный крейсер «Рюрик»	16933	21,4	4 – 254/50; 8 – 203/50; 20 – 120/50; 2 т.т.	111 95 61	1639	943
Крейсер «Баян»	7902	21,8	2 – 203/45; 8 – 152/45; 20 – 75/50; 2 т.т.	77 64 43	395	577
Крейсер «Адмирал Макаров»	7890	21,1	2 – 203/45; 8 – 152/45; 20 – 75/50; 2 т.т.	78,5 62,5 43	390	657
Крейсер «Олег»	7400	23,0	12 – 152/45; 12 – 75/50; 2 т.т.	62 42	358	576
Крейсер «Богатырь»	7428	23,5	12 – 152/45; 12 – 75/50	63 43	358	576
Эскадренный миноносец «Новик»	1600	35	4 – 102/60 8 т.т.	54	70	117
ИТОГО: 6 кораблей	49153	–	4 – 254; 12 – 203; 40 – 152; 20 – 120; 4 – 102; 66 – 75; 18 т.т.	–	3210	2926

В этом смысле весьма показательно, что авторы официального ретроспективного очерка «Дважды Краснознаменный Балтийский флот» (1978 год) вовсе не сочли нужным упомянуть о единственном в Великой войне морском бою в открытой части Балтики. Нам представляется, что успех русских в бою у острова Готланд – весьма значительное по балтийским меркам событие – имел серьезные последствия. За поражениями от англичан в боях у Гельголанда (август 1914 года) и на Доггер-банке (январь 1915 года) последовал очередной провал германской «малой морской войны» – на сей раз досадная конфузия от «инертного», «запертого», «плохо обученного», «трусливого» и т.п. русского флота на Балтике.

Уже 20 июня (3 июля) в ревельских газетах была опубликована телеграмма из Стокгольма о бое русских кораблей с заградителем «Альбатрос», выбросившимся на берег острова Готланд. Германское правительство, таким образом, не могло скрыть факта активного присутствия русского флота в южной Балтике, и этот факт, как неоднократно сообщала агентура, произвел «громкое впечатление» на общественное мнение в неприятельской державе.

После боя 19 июня (2 июля) 1915 года Адмирал-штаб немедленно направил для усиления морских сил Балтийского моря малый крейсер «Бремен» и новый эсминец «V99», сопоставимый по силе и скорости с русским «Новиком». Впрочем, оба германских корабля, как выяснилось, пришли сюда навстречу своей скорой гибели: крейсер «Бремен» погиб на русских минах у Виндавы 4 (17) декабря 1915 года, унеся с собой 250 членов экипажа, а «V99» выбросился на мель у Люзерорта после бесславного поражения от «Новика» в бою 4 (17) августа, потеряв убитыми и ранеными 43 человека.

Более того, по приказу кайзера от 21 июня (4 июля) из состава Флота открытого моря на Балтику были переведены 4-я эскадра линкоров-дредноутов типа «Виттельсбах» и «Брауншвейг» вице-адмирала Шмидта (семь вымпелов), 8-я флотилия эскадренных миноносцев фрегаттен-капитана Хундертмарка (11 единиц) и две подводные лодки. Необходимость этого шага адмирал Г. Бахман обосновывал статс-секретарю имперского морского управления (морскому министру) гросс-адмиралу А. фон Тирпицу следующими соображениями: «Морские силы Балтийского моря, после выхода из

строю «Принца Адальберта» и имеющей большое моральное значение потери «Альбатроса», нужно усилить настолько, чтобы они могли продолжать прежнюю линию ведения войны, имеющую целью отбить у русских охоту к активным действиям в наших водах и при этом достичь возможно больших успехов... Затяжной характер военных действий против России может потребовать окончательного оставления в Балтийском море части или всех высланных туда теперь подкреплений».

Командующий «разведывательными силами Балтийского моря» контр-адмирал А. фон Гопман, который формально сохранил свой пост, de facto был подчинен командиру 4-й эскадры Фло-

та открытого моря вице-адмиралу Э. Шмидту, который и возглавлял германские морские силы в ходе серии не слишком удачных операций в направлении Рижского залива.

Российскому же флоту победа у Готланда явно добавила уверенности. Во второй половине 1915 года в дело, наконец, вступили линейные силы Балтфлота: в конце июля в Моонзунд перешел линкор «Слава», принявший самое деятельное участие в августовском сражении за Рижский залив, а в ноябре и декабре для прикрытия минных постановок в среднюю Балтику впервые выходили новые линейные корабли типа «Севастополь».

Источники

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1877. Л. 33-44; Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 16-46; 88-94, 115-118; Д. 60. Л. 26, 26об.

Архив внешней политики Российской империи Историко-архивного департамента МИД РФ (АВПРИ) Ф. 138. Оп. 467. Д. 407. Л. 3, 26-28, 30, 30об., 35-37об., 41; Ф 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 29-31.

Боевые донесения командиров о некоторых операциях на Балтийском море в 1914 и 1915 гг. (из документов Центрального государственного военно-морского архива) // Морской сборник. 1941. № 6-7. С. 90-111.

Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. – СПб.: Гангут, 1997.

Пилкин В.К. Два адмирала // Морские записки (Нью-Йорк). 1951. Vol. 9. С. 53-68.

Сакович А. Заметки оперативного работника // Морской сборник. 1931. № 9-10. С. 91-98.

Старк Г.К. Моя жизнь. – СПб.: Цитадель, 1998.

Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. – СПб.: Цитадель, 1998.

Историография

Грибовский В.Ю. Бой у Готланда 19 июня 1915 года // Гангут. 1996. Вып. 11. С. 35-55.

Грибовский В.Ю. Балтийский флот в Первой мировой войне, 1914-1917 гг. – СПб.: Санкт-Петербургский военно-морской институт, 2000.

Киличенков А. Совершить внезапное нападение на Мемель... (К 75-летию боя у Готланда) // Морской сборник. 1990. № 7. С. 80-83.

Лемиевский П.В. Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны. – СПб.: Петербургский институт печати, 2005.

Лемиевский П.В. Набег русских крейсеров на Мемель и бой у Готланда 19 июня 1915 г. // Русское военно-морское искусство. Сборник статей. – М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза СССР, 1951.

Ненюков Д.В. Письмо в Редакцию по поводу статьи кап. 1 р. Меркушева «Отвергнутый план» // Зарубежный морской сборник (Пильзень). 1929. № 6 (июль – август). С. 29, 30.

Партала М.А. «Раз Иван Иванович сердится, я дам вам «Рюрика» // Гангут. 1999. Вып. 20. С. 33-37.

Партала М.А., Симонов Д.Н. Радноразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. 2005. № 1. С. 90-96.

Петров М.А. Два боя (Черноморского флота с л.кр. «Гебен» 5-IX-1914 и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915). – Л.: Редакция. Изд. Отдел М. Сил РККФ, 1926.

Петров М. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. – М.: Госвоениздат, 1927.

Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. – Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927.

Пузыревский К.П. Повреждения кораблей от артиллерии и борьба за живучесть. Часть I. По историческим архивным и литературным материалам Первой мировой войны 1914-1918 годов. – СПб.: издатель М.А. Леонов, 2002.

Ралль Ю. Операции германского флота на Балтике в 1915 году // Морской сборник. 1930. № 4. С. 142-152; № 5. С. 111-129.

Ралль Ю. Рецензия на книгу М. Петрова «Морская тактика. Часть II. Бой» // Морской сборник. 1926. № 4. С. 146-148.

Ролльман Г. Война на Балтийском море. 1915 год: Пер. с нем. – М.: Госвоениздат, 1937.

Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик». – Л.: Судостроение, 1981.

Томашевич А.В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914-1915 гг. – М.-Л.: Военно-морское издательство НК РКВМФ СССР, 1939.

Усов В.Ю. Эскадренный миноносец «Новик». – СПб.: Гангут, 2001.

Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. – М.: Воениздат, 1964.

Цветков И.Ф. Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925) // История отечественного судостроения. В пяти томах. Т. 3. – СПб.: Судостроение, 1995.

Черников И.Н. Перевооружение крейсеров в 1906-1916 гг. // Судостроение. 1983. № 3. С. 60-63.

Черномор (Люби К.Г.). Волны Балтики 1914-1915 г.г. – Рига: Izdevn. "Dla vas", Irapn. R. Rubinstein, 1939.

Шершов А.В. К истории военного кораблестроения. – М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1952.

Greger R. Die Russische Flotte im ersten Weltkrieg 1914-1917. – Munchen: J.F. Lehmann, 1968.

Groner E. Die deutschen Kriegsschiffe 1815-1945. Bd 1. – Munchen: J.F. Lehmann, 1968.

Jane's Fighting Ships of World War I. – London: Studio Editions, 1990.

Koop G., Schmolke K.-P. Kleine Kreuzer 1903-1918 (BREMEN-bis COLN-Klasse). – Bonn: Bernard & Graefe Verlag, 2004.

Wilson M. Baltic Assignment. British Submariners in Russia: 1914-1919. – London: Leo Cooper in association with Secker & Warburg, 1985.

Woodward D. The Russians at Sea. – London: William Kimber, 1965.

Броненосный крейсер «Рюрик» (с картины А.В. Ганзена)

Иллюстрации на 4 странице обложки:

Линкоры «Цесаревич», «Слава» и крейсер «Богатырь» в море (с картины В.И. Ленко)

Гибель германского крейсера «Бремен» и эскадренного миноносца «Т191» на русских минах 4 декабря 1915 года (с картины Н.М. Кочергина)

В июне 1915 г., получив данные радиоразведки о сосредоточении в Киле сил германского флота для императорского смотра, командование русского флота Балтийского моря решило воспользоваться временным ослаблением германских сил на Балтике для нанесения удара по одному из неприятельских портов. Подготовленная быстро и в строгой секретности операция получила название Мемельской – по намеченной конечной цели удара. На пути к цели русский корабельный Отряд особого назначения контр-адмирала М.К. Бахирева столкнулся с германским отрядом коммодора И. Карфа. Эта встреча завершилась боем у острова Готланд, в ходе которого германский флот понес серьезные потери.

ISBN 978-5-9771-0032-8

9 785977 100328